РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ДВЕРЬ В ЛЕТО

ФАНТАСТИКА

Дверь в лето
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Дверь в лето
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Аннотация

Его предали. Предали те, кого он считал другом и любимой женщиной. Его гениальные изобретения — в чужих руках, а сам он — проснулся после гипотермии спустя тридцать лет после того, как ещё можно было что-то изменить. И ненависть и любовь остались глубоко в прошлом.

Но тот, кто не сдался, иногда находит «дверь в лето». Даже если для этого нужно вернуться в своё прошлое.

Роберт Хайнлайн
Дверь в лето

1

Незадолго до Шестинедельной войны мы с Петронием Арбитром[1] — это мой кот — зимовали на старой ферме в Коннектикуте. Сомневаюсь, чтобы мне снова захотелось провести там зиму. Все время со стороны Манхэттена дул порывистый ветер, а дом был сборный, из тех, что и в безветренную погоду горят не хуже оберточной бумаги. Если эта ферма сохранилась по сей день, она наверняка так заражена радиоактивными осадками, что ее не займет даже нищий, но в то время нам с Питом нравилось это место. Водопровода там не было, и поэтому арендная плата была вполне приемлемой. Кроме того, окна в столовой выходили на север, а при таком освещении удобно чертить.

К минусам этого дома следует отнести обилие дверей: их было одиннадцать, даже двенадцать, если считать персональную дверь Пита. Эта дверь, собственно говоря, была дырой в окне нежилой спальни. Я вырезал ее по габариту пито-

[1] Примечания: 1

Ган (или Тит) Петроний Арбитр — римский литератор I в. н. э., автор «Сатирикона», состоял в ближайшем окружении императора Нерона.

вых усов и прикрыл дощечкой. Надо сказать, что изрядную часть своей жизни я провел, открывая различным котам различные двери. Однажды я прикинул, что за свою историю человечество употребило на это занятие ни много, ни мало, как девятьсот семьдесят восемь человеко-часов. Могу показать вам расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, но бывали случаи, когда он заставлял меня открывать ему человеческую дверь, особенно, если на дворе выпадал снег. Еще будучи пушистым котенком, Пит выработал для себя простую философию, согласно которой я отвечал за жилье, еду и погоду, а он — за все остальное. За погоду он взыскивал с меня особенно строго, а зимы в Коннектикуте хороши только на рождественских открытках. Этой зимой Пит регулярно инспектировал свою дверь, но не выходил через нее — ему не нравилось белое вещество, покрывающее землю, и он начинал приставать ко мне, требуя открыть ему большую дверь.

Он был твердо убежден, что за одной из дверей обязательно должно быть лето. Это значило, что каждый раз я должен был обходить все одиннадцать дверей и держать каждую из них открытой до тех пор, пока он не убеждался, что за ней все та

же зима, и не разочаровывался в своих поисках.

Пит оставался в доме до тех пор, пока неумолимая гидравлика естества не выгоняла его на улицу. Когда он возвращался, на его лапах постукивали ледышки, словно башмачки на деревянной подошве. Он свирепо пялился на меня и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не слизывал их… а потом прощал меня до следующего раза.

Но он никогда не переставал искать дверь в Лето.

* * *

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее.

И преуспел в этом более, чем Пит.

Снега в Южной Калифорнии едва хватало для лыжников, а в деловой части Лос-Анджелеса его и вовсе не было — снегу оказалось не под силу пробиться сквозь смог.

Но в сердце моем царила зима.

Я был здоров (если не считать могучего похмелья). Мне не хватало нескольких дней до тридцати лет — я был в самом соку. Ни полиция, ни спецслужбы, ни разгневанные мужья за мной не гонялись. Единственное, что меня беспокоило, так это неизлечимая забывчивость. Но в сердце

моем была зима, и я искал дверь в Лето.

Потом я узнал, что большинство дверей были вертушками, вроде той, перед которой я тогда остановился. Вывеска гласила: «Сан-Суси Гриль-Бар». Я вошел, выбрал место неподалеку от двери, осторожно поставил на пол саквояж и сел, поджидая официанта.

— Уар-р-р? — спросил саквояж.

— Потерпи, Пит, — ответил я.

— Мяу!

— Чепуха. И заткнись — официант на подходе.

Пит заткнулся. Когда я поднял взгляд, официант уже застыл перед моим столиком.

— Двойной скотч, стакан воды и бутылку имбирного эля.

— Имбирного эля, сэр? С виски? — удивился он.

— Есть он у вас или нет?

— Почему же нет? Есть, конечно. Но…

— Тогда тащите. Я не пить его собираюсь, а нюхать. И принесите блюдце.

— Как Вам будет угодно, сэр, — он вытер столик. — Что Вы скажете насчет кусочка мяса, а? Сегодня хорошие эскалопы.

— Послушайте, приятель, я заплачу за эскалоп, если вы обещаете не приносить его. Я заказал все, что мне нужно, и не забудьте о блюдце.

Он заткнулся и ушел. Я объяснил Питу, что мы пришвартовались, и велел ему сидеть тихо.

Вернулся официант. Бутылку с элем он поставил на блюдце, должно быть, для самоутверждения. Пока он откупоривал эль, я смешал скотч с водой.

— Не угодно ли стакан для эля, сэр?

— Как всякий истинный ковбой, я пью его из горлышка.

Он молча позволил мне расплатиться, не забыв поставить в счет эскалоп. Когда он отошел, я налил в блюдце эль и шлепнул по саквояжу.

— Ужинать, Пит.

Саквояж был открыт: я не застегивал молнию, когда ходил с Питом. Он высунул голову, осмотрелся, прыгнул мне на колени и добрался до блюдца. Я поднял стакан и посмотрел на Пита.

— За здоровье женского племени, Пит. Чтобы легко их находить и легко забывать.

Пит только кивнул. Это было выше его понимания. Он приник к блюдцу и начал быстро лакать эль.

— Если это вообще возможно, — добавил я и отхлебнул виски. Пит мяукнул. Ему было плевать на женский пол, он числился завзятым холостяком.

За окном полыхала реклама. Сперва загорелась надпись: «РАБОТАЙТЕ, ПОКА СПИТЕ». Потом: «ЗАБУДЬТЕ ВАШИ ЗАБОТЫ». И, наконец, буквами, которые были вдвое больше первых «КОМПАНИЯ ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ».

Я машинально прочел все это. Об анабиозе я знал столько же, сколько все прочие — и много, и мало. Прочел популярную статейку и раза два или три находил в утренней почте рекламные проспекты страховых компаний. Обычно я выбрасывал их, не читая. Они трогали меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, мне было нечем заплатить за анабиоз, а стоит он недешево. Во-вторых, чего ради человеку, увлеченному своей работой, умеющему делать деньги и решившему наделать их побольше, влюбленному, почти уже женатому, идти на полусамоубийство?

Анабиоз был хорош для больных и умирающих. Если клиент мог заплатить, он засыпал в надежде, что медики следующего поколения вылечат его. Он спал, а доктора тем временем пытались одолеть его болезнь. Анабиоз был нужен и тем, кому во что бы то ни стало нужно было слетать на Марс. Человек спал, а его счет обрастал процентами. Он просыпался и покупал билет. Можно было

понять и молодоженов, которые прямо из-под венца отправлялись в сонное царство страховой компании Запада и не велели будить себя до тех пор, пока счет не позволит им провести медовый месяц в межпланетном лайнере… Хотя, честно говоря, я подозревал, что это — рекламный трюк, и что молодые парочки выходили через черный ход офиса с новыми паспортами. Что за удовольствие провести первую брачную ночь наподобие мороженой макрели?!

И конечно же, как все страховщики, Компания апеллировала к кошельку: «Работайте, пока спите». Она бралась из любой суммы сделать состояние. Предположим, вам пятьдесят пять лет, и ваш доход — двести монет в месяц. Почему бы вам не заснуть на несколько лет и, проснувшись в том же возрасте, получать в месяц уже тысячу монет? Они не пишут ни слова о блистательном мире будущего, они обещают больше — сохранение вашего возраста и тысячу в месяц. Естественно, каждая Компания доказывала потенциальным клиентам, что именно она поместит их капитал наилучшим образом. «Работайте, пока спите».

Все это меня не касалось. Мне еще не стукнуло пятьдесят пять, и я не видел в 1970 году ничего слишком плохого.

До сих пор, следует добавить.

Сейчас я был в глухом ауте, нравилось мне это или нет (а мне это не нравилось). Вместо медового месяца я торчал во второразрядном баре и глушил скотч, чтобы забыться. Вместо жены со мной был возбужденный от эля кот, и я был не прочь заказать еще бутылочку.

Но сломлен я не был.

Я слазил в карман пальто и достал конверт. В нем лежали две бумажки. Одна — чек на сумму, которой у меня сроду не было, вторая — сертификат моего пая в «Горничные, Инкорпорейтед». Обе они были слегка помяты: я все время таскал их с собой.

Почему бы и нет?

Почему бы и мне не заспать все мои беды? Это лучше, чем завербоваться в Иностранный Легион; лучше, чем наложить на себя руки; это позволит мне забыть тех людей и те обстоятельства, из-за которых я сейчас напивался. Так почему бы и нет?

Я не рвался к богатству. Конечно, я прочитал «Когда спящий проснется» Г.Дж. Уэллса, причем, еще до того, как страховые компании стали бесплатно раздавать эту книгу, — просто как один из классических романов. Я допускал, что

такой способ обогащения может заинтересовать многих. Но я не знал, хватит ли моих денег на анабиоз, не говоря уже о том, чтобы отдавать их в рост. Гораздо больше меня занимало другое — проснуться в другом мире. Может быть, в лучшем, если верить рекламе… а может быть — в худшем. Но несомненно — в другом.

Одно можно сказать наверняка: в том мире не будет ни Беллы Даркин, ни Майлза Джентри. А главное — не будет Беллы. Если бы она умерла, я мог бы вычеркнуть из памяти и ее, и все, что она сделала со мной… вместо того, чтобы мучиться, зная, что она всего в нескольких милях от меня.

Прикинем, сколько нужно спать для этого. Сейчас, по ее словам, ей двадцать три года, хотя однажды она проболталась, что помнит президентство Рузвельта. (Ну ладно, пусть будет двадцать с хвостиком). Значит, если проспать лет семьдесят, она уже будет в лучшем мире. Для верности лет семьдесят пять. Правда, геронтология тоже не стоит на месте. О ста двадцати годах уже поговаривают, как о «естественной и вполне достижимой» продолжительности жизни. Значит, спать нужно лет сто, а я не знал, возможно ли это.

Была у меня одна дьявольская задумка, подогре-

ваемая скотчем. Нет нужды дожидаться смерти Белл, достаточно остаться молодым, когда она будет старухой. Чудесная месть любой женщине. Чтобы утереть ей нос, хватит и тридцати лет.

Я почувствовал легкое, как пушинка, касание.

— Мур-р-р! — возвестил Пит.

— Пей, — ответил я, доливая в блюдце эль.

Он вежливо подождал, потом принялся лакать, не подозревая, что отвлек меня от грязных планов мести. Как, черт возьми, поступить с Питом?

Конечно, кошки не так преданны человеку, как, например, собаки, и быстро забывают своих хозяев. Иногда они сами уходят из дома. Но Пит не таков — я был его единственной опорой в этом изменчивом мире с тех пор, как взял его от кошки девять лет тому назад… Даже в армии я умудрился держать его при себе, хотя это и требовало дьявольской изворотливости.

Он был еще вполне крепок, хотя шрамов на его теле хватало. При хорошем уходе он еще лет пять мог драть всех своих соперников и делать котят.

Конечно я мог оплатить его содержание до тех пор, пока он не умрет (невообразимо!) или усыпить его (еще более невообразимо!), или просто бросить. С котами так: либо вы выполняете все свои обязательства по отношению к ним, либо

бросаете беднягу на произвол судьбы, обрекаете его на одичание и навсегда разрушаете его веру в справедливость.

Как, например, Белла бросила меня.

Дэнни-бой, нечего и думать об этом! Ты можешь засохнуть, как ботва осенью, но кот тут ни при чем, он верит в тебя.

В то мгновение, когда меня осенила эта истина, Пит чихнул — эль попал ему в нос.

— Будь здоров, — сказал я, — и не спеши напиваться.

Пит проигнорировал мой совет. Он был воспитан лучше, чем я, и хорошо знал это. Наш официант стоял у кассы и трепался с кассиром. Делать им было нечего — народу в баре было всего ничего. Похоже, официант услышал нас и кивнул в нашу сторону. Оба они вдоволь попялились на нас, потом кассир вышел из-за стойки и направился в нашу сторону.

— Линяй, Пит, — тихо сказал я.

Пит оглянулся и быстро нырнул в саквояж, а я немедленно задернул «молнию». Кассир подошел к нам и оперся на столик, раскорячившись, словно над унитазом.

— Извини, приятель, — заявил он категоричным тоном, — но кота тебе придется унести.

— Какого кота?

— Того самого, который пил из этого блюдца.

— Я не видел никакого кота.

Он нагнулся, посмотрел под столиком.

— Ты спрятал его в саквояж, — обвинил он меня.

— В саквояж? Кота? — удивился я. — Это какая-то метафора, друг мой?

— Что? Я и слова такого не знаю. У тебя в саквояже кот. Открой-ка «молнию».

— У вас есть ордер на обыск?

— Откуда? Брось дурачиться.

— Это вы валяете дурака: хотите осмотреть мой саквояж без ордера на обыск. Четвертую поправку еще никто не отменял. Мы заплатили, и, будьте любезны, передайте официанту, чтобы он принес еще раз то же самое, или принесите сами.

Он помялся.

— Браток, не подумай, что я имею что-то против тебя, и поэтому пристаю. «Ни кошек, ни собак» — так сказано в инструкции, что висит у кассы. Мы стараемся не ссориться с санитарным управлением.

— Тогда плохо ваше дело, — я поднял свой стакан. — Видите, след губной помады. Вам следует лучше следить за посудой и беречь здоровье

посетителей.

— Я не вижу никакой помады.

— Большая часть ее уже стерлась. Но его можно отправить в санитарное управление, пусть посчитают там микробов.

— Вы инспектор? — со вздохом спросил кассир.

— Нет.

— Тогда мы сможем поладить. Я не буду соваться в ваш саквояж, а вы не станете жаловаться в управление. Идет? Если вы хотите выпить еще, то подойдите к стойке и возьмите все, что угодно… с собой. А здесь — нельзя.

Он повернулся и пошел к своей кассе.

— А мы как раз и собирались уходить, — бросил я, проходя мимо него.

— Надеюсь, я не особенно огорчил вас?

— Ничуть. Но я хотел как-нибудь выпить здесь со своим конем. Теперь я передумал.

— Как угодно. О конях в инструкции ничего не сказано. А скажите, ваш кот действительно пьет имбирный эль?

— Четвертая поправка, не забыли?

— Да я не хочу его видеть, просто мне интересно…

— Ну, ладно, — сдался я. — Он любит эль с перцем, но если нет перца, пьет и так.

— Это испортит ему почки. А теперь посмотрите-ка сюда.

— На что?

— Нагнитесь ко мне. Взгляните под потолок. Видите зеркала? Я знал, что с вами кот, потому что видел его.

Я нагнулся и посмотрел на потолок. Тут и там среди декора блестели зеркала. Таким образом, кассир, не сходя со своего места, видел весь зал.

— Нам приходится поступать так, — сказал кассир, словно извиняясь, — люди могут натворить здесь черт знает что… если за ними все время не присматривать. Это очень скверный мир.

— Аминь, брат мой, — ответил я и вышел.

* * *

На улице я открыл саквояж и поманил Пита. Он охотно высунулся.

— Ты слышал, Пит, что сказал этот человек? Это скверный мир. Хуже нету, если два друга не могут выпить без того, чтобы их не выследили. Давай-ка покинем его.

— Сейчас?[2] — спросил Пит.

— Ты настаиваешь?.. Но если мы решимся, на-

---

[2] Примечания: 2

«Сейчас» по-английски — «нау»; похоже на кошачье «мяу».

зад пути не будет.

— Сейчас!

— Принято единогласно. Осталось только перейти улицу.

* * *

Регистраторша Компании Взаимного Страхования была отличным образцом функционального дизайна. Помимо обтекаемых форм, она могла похвастаться буферами, величиной с радарную антенну каждый. При ней было и все прочее, что нужно для ее основного предназначения. Тут я напомнил себе, что она будет уже бабушкой, когда я проснусь. И объявил, что желаю видеть сейлзмена.[3]

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Я посмотрю, кто из наших служащих сейчас свободен…

Прежде, чем я успел присесть, она добавила:

— Наш мистер Пауэлл готов принять вас; пройдите, пожалуйста, сюда…

Кабинет «нашего мистера Пауэлла» внушал уверенность, что дела Компании идут как нельзя

---

[3] Примечания: 3

Сейлзмен — служащий, непосредственно работающий с посетителями и навязывающий им товары или услуги своей фирмы.

лучше. Мистер Пауэлл пожал мне руку, усадил в кресло, предложил сигару и попытался освободить меня от бремени саквояжа. Саквояж я ему не отдал.

— Итак, сэр, чем мы можем быть вам полезны?

— Мне нужен анабиоз.

Его брови взлетели вверх. Жесты стали еще более предупредительными. Такому человеку можно было доверить все свое состояние.

— Очень мудрое решение, — почтительно произнес он. — Я сам не прочь улечься в анабиоз, но… семейные обязанности…

Он подобрался.

— Наши клиенты, как правило, спешат. Если позволите, я не стану занимать ваше время рекламной болтовней… и провожу вас прямо на медицинский осмотр.

— Минуту…

— Да?

— Один вопрос. Можете ли вы погрузить в анабиоз кота?

Он удивился, потом огорчился.

— Вы насмехаетесь над нами.

Я открыл саквояж, и Пит высунул голову.

— Моя половина, прошу любить и жаловать. Итак, что вы ответите? Если «нет», то я обращусь

в «Миссисипи». Их контора находится в этом же здании, не так ли?

Он пришел в ужас.

— Мистер… О, простите, как ваше имя?

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, когда человек обращается к нам, мы берем на себя все его заботы. Я не могу вам позволить идти в «Миссисипи».

— Каким же образом вы мне помешаете? Дзюдо?

— Ну, пожалуйста, не надо! — он выглядел ужасно огорченным. — У нас порядочная фирма.

— Вы имеете в виду, что «Миссисипи» непорядочна?

— Я этого не говорил, мистер Дэвис. Позвольте вам объяснить…

— Попробуйте.

— …разницу. Возьмите и сравните образцы договоров — наш и «Миссисипи». Обратитесь к адвокату, а еще лучше — к семантику. Вы узнаете, что предлагаем и исполняем мы, и что обещают они, — он быстро оглянулся. — Я не хотел говорить… Надеюсь, Вы не будете ссылаться на меня… Они используют свои собственные формулировки вместо общепринятых.

— Может, они оставляют клиенту хоть какую-

то лазейку?

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы вкладываем средства клиентов в верные предприятия. Этого требует наш устав… А «Миссисипи» образует из них свой акционерный капитал.

— Может быть, я и куплю их акции… Вам не кажется, мистер Пауэлл, что мы даром теряем время? Примет ваша Компания моего друга или нет? Если нет, то я и так у вас слишком засиделся.

— Вы желаете, чтобы мы сохранили это существо живым при помощи гипотермии? И согласны заплатить за это?

— Я хочу, чтобы вы погрузили в анабиоз нас обоих. И не называйте его «этим существом». Его имя — Петроний.

— Простите. Я перефразирую свой вопрос. Вы готовы заплатить два взноса и вверить нам себя и э-э… Петрония?

— Да, но не два взноса, конечно. Сколько-то я доплачу, но ведь можно же запихать нас в один «гроб». Разве честно брать с кота, как с человека?

— Все это так необычно…

— Да, конечно. Но мы еще поговорим о цене позднее… или я пойду в «Миссисипи». А сейчас я хочу узнать, сможете вы сделать так или нет.

Он побарабанил пальцами по столу.

— Минуточку… — он взял телефонную трубку. — Опал, соедините меня с доктором Берквистом.

Больше я ничего не услышал — он врубил защитную систему. Минуту спустя он положил телефонную трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я вовремя вспомнил, что первые успешные опыты анабиоза делались именно на котах. Техника и методика этой операции хорошо отработана. Вашего кота можно поместить в Морскую исследовательскую лабораторию в Анаполисе. Некоторые животные уже двадцать лет лежат в гипотермическом сне и ничего, живы.

— А я думал, что МИЛ уничтожили, когда бомбили Вашингтон.

— Только наземные сооружения, сэр, но не подземные этажи. Совершеннейшая техника сохраняет животных долгие годы. Они живы, не изменились и не состарились. Вы уже надумали, сэр, в какой эпохе вам угодно проснуться? — вдруг перебил он сам себя.

— Хорошо, давайте обговорим и это…

Вопросов было всего четыре: во-первых, сумма взноса; во-вторых, когда меня разбудить; в-тре-

тьих, куда вложить мои деньги и в-четвертых — что с ними делать, если я не проснусь.

Я выбрал 2000 год — приятная круглая дата, до которой оставалось всего тридцать лет. Я боялся утратить чувство времени, если просплю дольше. За те тридцать лет, что я прожил, событий хватало: две большие войны и дюжина малых, падение тоталитаризма, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию… Однако, чем бы меня ни встретил двухтысячный год, я знал, что проспи я меньше, у Беллы не будет времени обзавестись шикарным набором морщин.

Потом мы обсудили, куда лучше вложить мои деньги. Мне не хотелось вкладывать их в государственные облигации, инфляция могла превратить их в ничто.

Я решил оставить свой пай в «Горничных Инкорпорейтед», а наличные поместить в перспективные отрасли. Одной из них я считал автоматику. Кроме того, часть денег я вложил в акции некоей фирмы из Сан-Франциско, производящей удобрения. Они экспериментировали с дрожжевыми культурами и съедобными водорослями. С каждым годом все больше людей покупают такую пищу, а мясо, похоже, дешеветь не собиралось. Остальные деньги я вложил в

фонд Компании Взаимного Страхования.

Теперь оставалось решить, что делать с деньгами, если я умру во сне. Компания уверяла, что мои шансы семь к десяти и была готова заключить пари на благополучный исход. Шансы были неравными, и мне, конечно, не хотелось выигрывать. Риск — элемент любого честного бизнеса (только шулера говорят о равных шансах), а страхование — риск узаконенный. Даже Ллойд — фирма старейшая и известнейшая — готова заключить любое крупное пари. Но не надейтесь на выигрыш — кто-то ведь должен платить портному «нашего мистера Пауэлла».

Я распорядился, чтобы в случае моей смерти все до последнего цента отошло в фонд Компании. За это мистер Пауэлл чуть меня не расцеловал и рассыпался в уверениях, что семь из десяти — чудный процент. Вложив деньги в Компанию, я автоматически стал сонаследником (если выживу). Это было что-то вроде «русской» рулетки, с которой Компания, естественно, стригла купоны. Кроме того, это позволяло мне остаться при своих, если прогорят все остальные вложения. Мистер Пауэлл любил меня, как крупье любит чудаков, ставящих на зеро. Приведя в порядок мои дела, мы занялись Питом и сошлись на пятнадцати

процентах обычного взноса. Для Пита составили отдельный контракт.

Оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское обследование. За свое здоровье я не беспокоился — теперь Компания будет спасать меня даже на последней стадии чумы, а вот судейские могли тянуть и тянуть.

Но беспокоился я напрасно. У мистера Пауэлла наготове были все документы, общим числом девятнадцать штук. Я подписывал их, пока не свело пальцы, потом посыльный забрал бумаги и куда-то унес, а я отправился на обследование. Судью я так и не увидел.

Обследование было самым обычным, если не считать того, что под конец доктор посмотрел мне в глаза и спросил:

— Сынок, давно у тебя запой?

— Запой? Отчего вы так думаете, доктор? Я не пьянее вас. — И в доказательство я довольно четко отмолотил скороговорку.

— Брось придуриваться и отвечай прямо.

— Ну, пожалуй, недели две. Или чуть дольше.

— И, конечно, в силу особых причин? А раньше это часто с тобой бывало?

— Честно говоря, ни разу. Видите ли… — и я стал рассказывать, что сделали со мной Белла и

Майлз, и почему я решился на анабиоз.

Он положил мне руку на плечо.

— Ради бога, не надо. Я не психиатр. И у меня тоже хватает проблем. Меня интересует одно: станет твое сердце, когда тебя охладят до четырех градусов, или нет. Вот и все. И мне наплевать, из-за чего ты ложишься в анабиоз. Одним дураком меньше, если хочешь знать мое мнение. Но остатки профессиональной чести мешают мне санкционировать анабиоз человека, одурманенного алкоголем. Повернись кругом.

— Что?

— Повернись кругом. Я кольну тебя в левую ягодицу.

Я повернулся — он кольнул. Пока я растирал место укола, он продолжил:

— Теперь выпей вот это. Через двадцать минут у тебя в первый раз за весь месяц будет ясная голова… Итак, если у тебя есть хоть капля разума, в чем я сильно сомневаюсь, ты сможешь подумать и решить, что лучше: бежать от неприятностей или встретить их, как подобает настоящему мужчине.

Я выпил лекарство.

— Вот и все. Можешь одеваться. Документы твои я подпишу, но помни — я могу наложить

запрет даже в последнюю минуту. Ни капли алкоголя, легкий ужин и никакого завтрака. Завтра в полдень я вновь осмотрю тебя.

Он отвернулся, не попрощавшись. Я повернулся и вышел. Внутри все болело, как огромный нарыв. Мистер Пауэлл уже подготовил мои документы. Когда я взял его, он сказал:

— Можете оставить его у нас и взять завтра в полдень. Этот комплект отправится с вами в будущее.

— А другие?

— Один мы оставим себе, другой направим в суд, третий, после того, как вы заснете, в пещеры Карлсбадского архива. Кстати, доктор сказал вам о диете?

— Конечно, — сердито ответил я, перебирая документы.

Пауэлл потянулся за бумагами:

— Я положу их в сейф.

— Нет, я возьму их с собой, на случай, если захочу что-нибудь изменить.

— Вам не кажется, дорогой мистер Дэвис, что вносить изменения уже поздно?

— Не давите мне на психику. Я успею внести любые поправки, если приду пораньше.

Я открыл саквояж и засунул документы в боко-

вое отделение рядом с Питом. Я часто хранил там важные бумаги. Конечно, это не Карлсбадский архив, но тоже надежное место. Всякого, кто сунется туда, Пит встретит зубами и когтями.

2

Машина дожидалась меня там, где я ее оставил: на стоянке на углу Першинг-сквер. Я бросил в счетчик несколько монет, выпустил Пита на сиденье, вывел машину через западный проезд и расслабился.

Вернее, попытался расслабиться. Для ручного управления движение в Лос-Анджелесе слишком интенсивно, а автоматическому я не доверял. Мне давно уже хотелось перебрать машину по винтику, сделать ее по-настоящему безопасной. Проехав Уэстерн авеню, я перешел на ручное управление. Я был раздражен и хотел по этому поводу выпить.

— Вижу оазис, Пит.

— Блур-р-р?

— Полный вперед!

Лос-Анджелесу не грозит интервенция — захватчики просто не найдут здесь места для стоянки. Высматривая, где бы поставить машину, я вспомнил, что доктор не велел мне больше пить.

Я заочно объяснил ему, что он может сделать

со своими советами.

Было бы удивительно, если бы он почти через сутки смог определить, пил я или нет. Конечно, я мог бы обмануть его дюжиной способов, но это было не в моих правилах.

А ведь он был совершенно прав, черт побери, когда не захотел подписывать мои бумаги. Похоже, я только и жду случая, чтобы сыграть втемную.

— Пора нам складывать пожитки.

— Сейчас? — спросил Пит.

— Чуть позже. Сперва зайдем перекусим.

И тут я осознал, что пить мне не хочется, мне хочется поесть и выспаться. Док не обманул — я был абсолютно трезв и чувствовал себя лучше, чем когда-либо раньше. Наверное, подействовало лекарство. Мы зашли в ресторан. Себе я заказал цыпленка, а Питу — полфунта ветчины и немного молока, после чего выпустил его поразмяться. Здесь нам было хорошо, и Питу не надо было прятаться.

Через полчаса я забрался в машину, почесал Питу шею под подбородком и закурил, предоставив автомобилю самому выбираться со стоянки.

«Друг мой Дэн, — подумал я, — а ведь док был совершенно прав. Ты пытался утонуть в бутылке,

и что же вышло? Голова в горлышко пролезла, а вот плечи застряли. Сейчас ты сыт, спокоен. Тебе хорошо, в первый раз за всю неделю. Чего ж тебе еще? А, может быть, док прав и насчет анабиоза? Ты что — дитя малое? Разве у тебя не хватает мужества пережить все неприятности? Зачем ты идешь на это? Только ради новых впечатлений? Или ты просто бежишь от себя самого, ползешь назад в лоно матери?»

«Но я на самом деле хочу туда, — возразил я самому себе, — в двухтысячный год. Только подумай, парень, двухтысячный год!»

«Ладно, как хочешь. Но стоит ли уходить из этого мира, не расплатившись по счетам?»

«Ну хорошо! А как ты будешь расплачиваться? Белла после всего этого тебе не нужна. Что еще ты можешь сделать? Подашь на них в суд? Глупо. Если кто и выиграет от этого процесса, так это только адвокат».

— Ну? — напомнил о себе Пит.

Я посмотрел на его покрытую шрамами морду. Он-то не станет подавать в суд. Если ему не понравится фасон усов другого кота, Пит пригласит его выйти и разберется с ним, как мужчина с мужчиной.

Похоже ты прав, Пит. Я как раз собирался на-

вестить Майлза, оторвать ему руку и бить ею по голове, пока он не заговорит. Анабиоз подождет. Зато мы будем точно знать, кто придумал эту пакость.

Неподалеку стояла телефонная будка. Я дозвонился до Майлза и попросил его никуда не отлучаться.

* * *

Отец дал мне имя Дэниель Бун Дэвис.[4] Так он еще раз продемонстрировал свое свободолюбие. Я родился в 1940 году. Тогда все в один голос говорили, что времена индивидуалистов прошли, и будущее принадлежит массам. Отец не верил этому, и мое имя стало для него одним из символов независимости. Он умер, когда корейцы промывали ему мозги, и до конца остался верен своим убеждениям.

Во время Шестинедельной войны я обзавелся степенью магистра, специальностью инженера-механика и армейской робой. Я не гонялся за чинами: кроме имени, отец наделил меня

[4] Примечания: 4

Дэниель Бун (1734–1820) — один из первых поселенцев в Кентукки, входил в число инициаторов захвата индийских земель; стал персонажем фольклора; в широком смысле — фронтирер, т. е. человек, который на «ты» с дикой природой, сам себе хозяин.

непреодолимым отвращением ко всякого рода приказам, муштре и дисциплине. Я хотел просто отслужить свой срок и убраться из армии. Во времена холодной войны я служил неподалеку от Нью-Мехико в звании техника-сержанта арсенала, набивал атом в бомбы, а между делом размышлял, чем бы мне заняться на гражданке. Потом меня перевели в Оклахома-Сити, в службу снабжения, где я добывал свежие продукты для наших «джи-ай».

Пит странствовал со мной. У меня был приятель Майлз Джентри, призванный из резерва. Незадолго до призыва у него умерла жена, оставив ему Фредерику, свою дочь от первого брака. Они жили неподалеку, в Альбукерке, и маленькая Рикки (мы никогда не называли ее полным именем) с удовольствием заботилась о Пите. Благодарение кошачьей богине Бубастис,[5] Майлз и Рикки возились с Питом все уик-энды, и я был совершенно свободен семьдесят два часа в неделю.

Первые сообщения об анабиозе поразили меня, равно как и всех прочих. Оказалось, что за полминуты человеческое тело можно охладить почти

[5] Примечания: 5

…кошачьей богине Бубастис. — автор, наверное, имеет в виду древнеегипетскую богиню радости и веселья Баст, чьим священным животным была кошка; Бубастис — город, центр культуры богини Баст.

до нуля. Правда, перед Шестинедельной войной это казалось лишь лабораторным трюком. Занимались этим военные, а у них всегда хватает и людей, и денег для исследований. Напечатайте миллиард долларов, наймите тысячу ученых и инженеров, позвольте им ставить любые эксперименты, и они выдадут все, что вам будет угодно, даже невозможное. С помощью анабиоза (или, если угодно, стасиса, гибернации, замедления метаболизма) можно было складывать людей хоть в штабеля, а потом размораживать их по мере надобности. Человеку дают легкий наркотик, гипнотизируют, и охлаждают до четырех градусов Цельсия. Главное при этом — избежать образования в крови ледяных кристаллов. Когда человека нужно разбудить, температуру поднимают, и через десять минут он встает, как поднятый по тревоге, разве что немного обалдевший. Правда, при быстром размораживании можно повредить нервные клетки. Поэтому оптимальное время для пробуждения — около двух часов, а ускоренное размораживание — это, как говорят в армии, «запланированный риск».

Вся штука заключалась в том, что планировать приходилось свой риск, а не риск противника — тот расчету не поддавался. Так же и с анабиозом.

Но война закончилась, и я, вместо того, чтобы погибнуть или попасть в плен, был демобилизован из армии и занялся коммерцией на пару с Майлзом. Где-то в это же время страховые компании стали предлагать анабиоз всем желающим.

Мы с Майлзом завели небольшую фабрику на краю пустыни Мохауве (раньше это здание принадлежало BBC) и начали делать «Горничных». Я ведал техникой, Майлз — деловыми вопросами. Да-да, это я изобрел «Горничную» и всех ее родичей: «Оконного Вилли» и прочих, хотя на их ярлыках и нет моего имени. Служа в армии, я часто задумывался, что может сделать один инженер? Работать на Standard Oil или на Dupont, или на General Motors? И тридцать лет выслуживать пенсию? Вы проглотите кучу деликатесов на званых обедах, вдосталь налетаетесь на самолетах, но никогда не будете хозяином самому себе. Есть еще государственная служба — там прилично платят, там нет никаких тревог, там хорошие пенсии, ежегодные отпуска. Что до меня, то я хотел отдохнуть от всех обязанностей, тем более, что после армии мне полагается оплачиваемый отпуск.

Чем бы таким заняться, что не требует шести миллионов человеко-часов до выпуска на рынок

первой модели? Все в один голос говорили, что времена велосипедных мастерских, времена Генри Форда и братьев Райт безвозвратно прошли, — но я не верил этому.

К тому времени автоматика применялась уже достаточно широко. Сложные химические реакторы обслуживались всего двумя операторами. Машина могла выдавать билет в одном городе, а в шести других знали, что это место занято. Стальные кроты грызли уголь, а горнякам оставалось лишь присматривать за ними издали. Именно поэтому я долбил электронику, кибернетику и прочее все время, пока числился в платежной ведомости Дяди Сэма.

Вопрос: какова конечная цель бытовой автоматизации? Ответ: максимально облегчить домашнюю работу. Я и не пытался рассчитать ее «научную организацию». Женщинам нужно совсем другое — хорошо обставленная удобная пещера. Существующее положение домохозяек не устраивало. И в самом деле, домашнее хозяйство велось самым допотопным образом. Только раз я встретил хозяйку, обходившуюся совсем без прислуги, все прочие нанимали дюжих деревенских девиц, и они четырнадцать часов в сутки драили полы, питались объедками с хозяйского

стола, получали плату, которую презрел бы даже помощник ассенизатора, да еще и радовались, что нашли «хорошее место».

Именно поэтому мы назвали наше чудище «Горничной», как бы напоминая об этих полурабынях, дочках иммигрантов, которыми бабки пугают внучат. Основой конструкции был пылесос, а продавать наших «Горничных» мы собирались по цене, позволяющей им конкурировать с обыкновенной метлой.

Наша «Горничная» (первая модель, а не полуразумный робот, которого я сконструировал потом) должна была драить полы весь день напролет и без всякого надзора.

Они мыли, терли, всасывали пыль, полировали — словом, делали все, что было заложено в их убогую память. Они драили полы — и только. Более сложные действия были выше их сил. Весь день они ползали, отыскивая пыль и грязь, кружили по чистым полам в поисках пятен. Как хорошо вышколенная прислуга, они не совались в те комнаты, где были люди — уезжали в другие, пустые, разве что хозяин догонит ее и выключит, чтобы похвалиться перед гостями. Временами она уползала в свое стойло — подзарядить аккумуляторы. Потом мы стали встраивать «вечные»

силовые агрегаты.

Короче говоря, различие между первой моделью «Горничной» и пылесосом было минимальным, но она работала без надзора, и это обеспечивало сбыт.

Основные узлы схемы я содрал с «электрических черепах», о которых в конце сороковых писали в «Сайентифик Американ»; цепи электронной памяти позаимствовал из «мозга» управляемой ракеты (здесь мне крупно повезло: из-за строжайшей секретности их даже не запатентовали); рабочие узлы — из дюжины разных механизмов, включая полотер, каким пользуются в казармах, аптечный миксер и манипуляторы, которыми на атомных заводах берут все «горячее». Таким образом, ничего принципиально нового в ее конструкции не было: я просто собрал вместе уже известные узлы и детали. Такое «изобретательство» должно опираться на юриста, хорошо знающего патентное дело и умеющего находить всяческие лазейки в патентном праве.

Настоящая изобретательность требовалась при налаживании производства: мы собирали «Горничных» из частей, которые заказывали по каталогу. Исключение составляли только несколько эксцентриков и одна печатная плата.

Плату нам поставляли по контракту, а эксцентрики я делал сам из отходов военной автоматики, брошенных в сарае, который мы гордо именовали фабрикой. Поначалу мы с Майлзом подбирали все, что могло нам сгодиться: запчасти, инструменты, краски. Нынешняя модель с мозгом стоит 4317 долларов девять центов, а первые «Горничные» обходились нам всего лишь в тридцать девять долларов. Товар мы отправляли перекупщику в Лос-Анджелес по шестьдесят долларов за штуку, а он продавал их уже по восемьдесят пять. Мы шли на это, чтобы обеспечить сбыт до той поры, пока не сможем торговать сами. Надо сказать, нам не всегда хватало денег даже на еду, а прибыль, естественно, начала поступать не сразу. Вскоре «Лайф» поместил о «Горничных» целый разворот… и здорово помог сбыту нашего чудища.

Белла Даркин появилась, когда нам с Майлзом надоело печатать письма на «Ундервуде» выпуска 1908 года. Мы зачислили ее письмоводителем, машинисткой и библиотекарем, взяли напрокат электрическую пишущую машинку, накупили ленты и копирки, а я разработал эскизы бланков. Пока наше дело налаживалось, мы с Питом ночевали прямо в мастерской, а Майлз и Рикки

ютились в соседней хибарке. Мы объединились, чтобы выжить. Потом Белла получила долю в нашем деле и должность секретаря-казначея. Майлз был президентом и генеральным менеджером Компании, а я — главным инженером и председателем технического совета… с правом на пятьдесят один процент прибыли.

Честно скажу, почему я сохранил контроль над делом. Я не акула, просто мне хотелось остаться хозяином самому себе. Майлз был моим управляющим, и я ему вполне доверял. Но более шестидесяти процентов начального капитала и все сто процентов изобретательства и инженерной смекалки принадлежало мне. Майлз бы не смог построить «Горничную», а я смог. Но я не смог превратить ее в деньги. Я и сам со временем надеялся стать деловым человеком, а пока ограничился тем, что сохранил контрольный пакет акций и предоставил Майлзу полную свободу во всем, что касается бизнеса… как потом выяснилось, слишком уж полную.

«Горничную», модель № 1, раскупали как пиво на стадионе, а я тем временем улучшал конструкцию, совершенствовал узлы и донимал поставщиков. Потом мне пришло в голову выпускать и другие машины, все для той же работы по

дому. Вам известно, что домашний труд составляет, по меньшей мере, половину всей работы в мире. Правда, женские журналы все время писали то о «научной организации домашней работы», то о «функциональных кухнях», но это был сплошной детский лепет, а иллюстрации показывали вещи, лишь немного улучшенные со времен Шекспира. Революция, заменившая карету самолетом, почти не затронула домашнего хозяйства.

Я всегда был уверен, что домохозяйки — самая реакционная публика. Фактически они представляют из себя живые механизмы для стряпни, стирки, чистки, мойки и ухода за детьми.

Однажды я подумал, сколько трудов надо положить, чтобы вымыть грязные окна или кафель. Оказалось, что простое электростатическое приспособление отлично очищает любую гладкую силикатную поверхность — оконные стекла, кафель, умывальники, унитазы и прочее. Так родился «Оконный Вилли». Просто чудо, что никто не придумал его раньше меня. Я придерживал его, пока не сделал настолько дешевым, что не купить его было бы просто глупостью, учитывая почасовую плату мойщикам окон.

Майлз требовал пустить «Вилли» в производ-

ство и продажу, но я придерживал его и по другой причине — он должен был легко ремонтироваться. Генеральный недостаток всех бытовых приборов — и старых и современных — то, что они ломаются именно тогда, когда больше всего нужны. И это не говоря уже о том, что потом приходится платить ремонтнику по пять долларов за каждый час возни с прибором. А на следующей неделе сломается мойка, а следом за ней морозной субботней ночью — обогреватель.

Мне хотелось, чтобы мои приборы работали без перебоев, чтобы хозяйкам не надо было мучиться с ними.

Но все приборы с подвижными частями, даже мои, рано или поздно ломаются, а если у вас их полон дом, то один или два из них наверняка сломаны.

Военные уже давно решили эту проблему. Нельзя же проигрывать битву или всю войну, терять миллионы жизней только потому, что полетела какая-то деталька с палец величиной. Они придумали кучу уловок — контроль надежности, тройные цепи и все такое прочее. В нашем случае годилась только одна из них — принцип блоков.

Сама идея проста до идиотизма: не ремонтировать, а менять. Мне хотелось, чтобы каждую

деталь «Вилли» можно было легко заменить. Для этого прилагался комплект запчастей. Одни детали будут выбрасывать, другие — отсылать в ремонт, но сам «Вилли» не простоит ни минуты сверх того времени, которое потребуется на замену детали.

Тут мы впервые поссорились с Майлзом. Если бы я не держал контрольный пакетик, «Вилли» так и остался бы обычным электрическим недоноском, подверженным регулярным поломкам, словно человек — приступам острого аппендицита. Майлз утверждал, что «Вилли» вполне созрел для продажи.

Помирила нас Белла Даркин. Уступив ей, я позволил Майлзу пустить «Вилли» в продажу, хотя он еще был далек от совершенства. Должен признаться — Белла вертела мною, как хотела, а я, дурак, подчинялся ей.

Она была не только безупречным секретарем и делопроизводителем. Ее формы могли бы вдохновить Праксителя, а ее духи действовали на меня, как валерьянка на Пита. Хорошие машинистки — большая редкость, и когда одна из лучших соглашается на мизерный оклад в заштатной фирме, невольно возникает вопрос: почему? Но мы даже не спросили, где она работала раньше.

Мы были рады случаю избавиться от кучи бумаг, связанных со сбытом наших «Горничных».

Я с негодованием отвергал все, что не нравилось Белле. Очертания ее бюста совершенно подавили мой разум. Она милостиво выслушала, как одинока была моя жизнь до нее, и нежно ответила, что и сама хотела бы узнать меня поближе, ибо испытывала ко мне схожие чувства.

Вскоре после примирения с Майлзом я сделал ей предложение, и она согласилась разделить мою судьбу.

— Дэн, милый, у тебя есть все задатки великого человека… и мне кажется, что я смогу помочь тебе развить их.

— Ну конечно!

— Тише, дорогой. Но я не собираюсь замуж. Ты сейчас на взлете, и мне не хочется обременять тебя детьми и надоедать тебе. Я намерена работать с тобой, помогать тебе налаживать твое дело. А потом мы поженимся.

Я горячо возражал, но она оставалась непреклонной.

— Нет, дорогой, перед нами — долгий путь. Вскоре «Горничные, Инкорпорейтед» станет та-

кой же великой, как General Electric.[6] Когда мы поженимся, я хочу забыть о бизнесе и целиком посвятить себя твоему счастью. Но сначала я должна поработать для твоего благополучия, для твоего будущего. Верь мне, дорогой.

Что я и сделал. По случаю помолвки я хотел подарить ей шикарное обручальное кольцо — она не позволила. Тогда я передал ей часть моих акций. После долгих уговоров она согласилась принять их. Теперь я не уверен, что это была моя идея.

После этого я начал работать еще усерднее, непрестанно думая о механизации мусорных ведер и посудных моек. И все были счастливы… все, кроме Пита и Рикки. Питу было просто наплевать на Беллу, как и на все, что он не одобрял, но изменить не мог, а вот Рикки была по-настоящему несчастна.

Моя вина. Лет с шести она была «моей девушкой», со встрепанными волосами и огромными серьезными глазами. А я собирался «жениться на ней, когда она вырастет, чтобы вместе заботиться о Пите». Я полагал, что это всего лишь игра, что мы оба понимаем это, что я нужен маленькой

---

[6] Примечания: 6

General Electric — товарный знак многих видов электрооборудования, в том числе для домашней бытовой техники.

Рикки только для того, чтобы Питу было хорошо. Но кто может понять детскую душу?

Что касается детей, я не сентиментален. Большинство из них — маленькие чудовища, не поддающиеся цивилизации, пока не вырастут. Но маленькая Фредерика напоминала мне мою сестру, не говоря уже о том, что она любила Пита и заботилась о нем. Мне кажется, она любила меня за то, что я на нее никогда не кричал (в те времена я сам еще обижался, как ребенок) и совершенно серьезно принимал все ее фантазии. Рикки была прелесть. У нее было спокойное достоинство, начисто исключавшее визг, хныканье, лазание по коленям. Мы дружили и вместе заботились о Пите. Ей, кажется, нравилось быть «моей девушкой», и она хорошо вела свою партию в нашей игре.

Сам я не играл так увлеченно с тех пор, как мама и сестренка погибли под бомбежкой. Но одного я не учел — я всегда был серьезен, и Рикки это знала. Когда появилась Белла, ей было десять лет, а когда я сделал Белл предложение — почти одиннадцать. Наверное, я один знал, как она ненавидела свою соперницу. Внешне это почти не проявлялось: Рикки просто не хотела с ней разговаривать. Белла называла это «застенчи-

востью», и Майлз, как мне казалось, тоже так считал.

Но я-то знал, в чем дело, и несколько раз пытался объясниться с Рикки. Вы когда-нибудь пробовали обсуждать с подростком тему, на которую он не желает говорить? Честное слово, вы будете надрывать глотку в Эхо-Каньоне, но и в этом будет больше смысла. Наконец, я уверил себя, что все это пройдет, как только Рикки узнает, какая Белла милая и хорошая.

Пит был другого мнения и, если бы не любовное ослепление, я заметил бы это — ясный признак того, что мы с Беллой никогда не поймем друг друга. Она «любила» Пита — конечно же, конечно же! Она обожала котов, любила тонзуру, проклюнувшуюся на моем темени, восхищалась моими заказами в ресторане, словом, обожала все, что относилось ко мне.

Но любить котов трудно, ибо при этом нужно угождать им. На свете есть коты и есть все прочие, причем большинство из прочих терпеть не могут котов. Если они и говорят, из вежливости или по какой-то другой причине, что любят котов, то все равно не умеют с ними обращаться, а ведь кошачий протокол гораздо строже дипломатического.

Он основывается на чувстве собственного до-

стоинства и взаимном уважении — равно как и гонор латиноамериканцев, на который можно покуситься, только рискуя жизнью.

Коты не принимают шуток, они ужасно эгоистичны и очень обидчивы. Если кто-нибудь спросит меня, за что я люблю котов, я, скорее всего, не смогу вразумительно ответить. Это все равно, что объяснять человеку, не любящему острых сыров, почему он должен любить лимбургер. И все-таки я могу понять китайского мандарина, который отрезал рукав халата, покрытого бесценной вышивкой, только потому, что на нем спал котенок.

Однажды Белл попыталась доказать, как она любит Пита. Она играла с ним, словно с левреткой… и он оцарапал ее. Затем, как и всякий благоразумный кот на его месте, он поспешил слинять — и правильно сделал, ибо иначе я был бы вынужден отшлепать его, а он никогда не знал от меня такого обращения. Бить кота — хуже, чем бесполезно. Его можно воспитать только терпением, но никак не побоями.

Я смазал царапины йодом и попытался объяснить Белл, в чем ее ошибка:

— Мне очень жаль, что так случилось, ужасно жаль! Но если ты будешь продолжать в том же

духе, приготовься к новым царапинам.

— Но я просто играла!

— Да… но поставь себя на его место. Играть с ним нельзя, он не собачонка. И похлопывать нельзя, только гладить. Нельзя делать резких движений в пределах досягаемости его лап. Даже когда ты его гладишь, он должен тебя видеть… а ты должна гладить, чтобы ему при этом было приятно… Если он не пожелает, чтобы его ласкали, он все-таки потерпит немного из вежливости (коты очень вежливы), но лучше оставить его в покое, прежде чем его терпение иссякнет, — я немного помедлил.

— Ты ведь не любишь кошек?

— Что?! Фу, какие глупости! Конечно же, люблю. Правда, мне редко приходилось общаться с ними. Она у тебя обидчивая?

— Он. Пит — «он», кот-самец. Нет, он не обидчив, с ним всегда хорошо обращались. Но ты должна научиться вести себя с ним. И никогда не надо над ним смеяться.

— Никогда? Почему?

— Потому что в котах нет ничего смешного, хотя порой они бывают довольно комичны. Они не понимают юмора, и смех обижает их. Он не станет тебя царапать за это — просто спрячется,

причем в самое неподходящее место. Но со временем обида проходит. Очень важно знать, как начать знакомство с котом. Когда Пит вернется, я научу тебя этому.

Но в тот день мне не пришлось учить ее. Пит так и не вернулся. Больше Белла ни разу не прикоснулась к нему. Она говорила с ним и вообще вела себя так, будто любила его, но держалась поодаль. Пит тоже соблюдал дистанцию. Я не придавал этому особого значения — не мог же я из-за такой чепухи сомневаться в женщине, которую любил больше жизни.

Проблема Пита снова встала, когда мы с Беллой стали обсуждать, где мы будем жить. Она еще не назвала дня нашей свадьбы, но мы, тем не менее, тратили массу времени, обсуждая всяческие детали. Я хотел завести небольшое ранчо неподалеку от нашей фабрики, а Белла предпочитала квартиру, пока мы не сможем купить виллу в Бель-Эр.

— Дорогая, это непрактично, — уверял я. — Мне хотелось бы жить рядом с фабрикой. Кроме того, где в городской квартире держать кота?

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил об этом. Насколько я разбираюсь в котах, мы сумеем его перевоспитать, и он будет вполне счастлив в нашей квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Перевоспитать моего старого драчуна? Превратить его в придаток мебели?

— Белла, ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Мамочке лучше знать, — промурлыкала она и выложила обычный набор доводов, которые приводят люди, видящие в котах лишь деталь интерьера. Это, мол, для его же блага. Это ничуть ему не повредит. Она знает, как я люблю Пита, и никогда не решилась бы посягать на него. Она хочет только одного — чтобы всем было хорошо…

— «Хорошо» по-твоему, или как? — перебил я ее.

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— Может быть, тебе заодно хочется перевоспитать и меня? Чтобы я был послушен, ночевал дома, никогда с тобой не спорил. Мне это не повредит, я стану даже немного счастливее.

— Ты порешь чепуху, — краснея, сказала она и отвернулась.

— Равно, как и ты!

Больше она об этом не вспоминала. У Беллы была привычка доказывать свою правоту красноречивым молчанием. Чем-то ее манеры напоминали кошачьи… может быть, поэтому она

была для меня столь неотразима.

Я был рад случаю замять этот вопрос. У меня родилась идея «Умницы Фрэнка»; «Вилли» с «Горничной» уже начали давать кое-какую прибыль, но мне приспичило полностью автоматизировать домашнее хозяйство, набить дом электрической прислугой. Конечно, это можно назвать и роботизацией, хотя здесь это определение будет неточным — ведь я не собирался строить механического человека.

Мне хотелось создать машину, которая могла бы делать по дому абсолютно все: чистить, готовить, а также более сложные вещи — менять подгузники или заправлять бумагу в пишущую машинку. Вместо «Горничных», «Оконных Вилли», «Нянек Пепси», «Гарри-на-побегушках» и «Огородных Гансов», дающих, правда, стабильный доход, я хотел осчастливить мир машиной, которая, как слуги-китайцы, известные моему поколению лишь понаслышке, могли бы делать все, хотя и стоили бы чуть меньше хорошего автомобиля.

Такая машина ознаменовала бы Второй Освободительный Манифест, полное освобождение женщины от векового домашнего рабства. Мне хотелось опровергнуть старинное суждение

насчет того, что домашнюю работу вовек не переделаешь. Нудная, механическая, эта работа оскорбляла меня как инженера.

И вот, призвав на помощь всю мою фантазию, я спроектировал «Умницу Фрэнка». Он вобрал в себя все лучшее из прежних моих разработок и не требовал ни одной нестандартной детали. Конечно, такая работа — не для одного человека и, если бы не опыт «Горничной», «Вилли» и прочих, я бы с ней никогда не справился.

Опыта у меня, к счастью, хватало, о качестве пока заботиться не приходилось. Правда, агрегаты нужно было скомпоновать очень плотно, совсем как в управляемой ракете.

Что же входило в обязанности «Умницы Фрэнка»? Любая домашняя работа, обычно выполняемая людьми. Он не умел играть в карты, заниматься любовью, есть или спать, но должен был прибирать за картежниками, застилать постели, следить за детьми (по крайней мере, за их температурой и дыханием) и звать кого-нибудь, если они нездоровы. Не было нужды «учить» «Фрэнка» отвечать на телефонные звонки — такой прибор уже был в продаже — и открывать входные двери — ибо они, как правило, оснащались фотоэлементами и ответчиками.

Чтобы «Фрэнк» мог хорошо выполнять свои обязанности, ему нужны были глаза, уши, руки и мозг… достаточно большой мозг.

«Руки» можно было взять от «Горничной», то есть заказать компании, снабжающей атомщиков. Правда, мне хотелось бы сделать их лучше — снабдить обратной связью со множеством степеней свободы, увеличить чувствительность. «Глаза» можно было заказать там же, но их следовало изменить, чтобы «Фрэнк» не двигался на ощупь и не таранил все стенки.

В качестве «ушей» я планировал использовать дистанционное управление телевизором. Мне хотелось, чтобы «Фрэнк» управлялся не только кнопками, но и голосом.

Просто удивительно, сколько транзисторов и печатных плат можно впихнуть в столь ограниченный объем.

«Фрэнку» нужна была законченная форма, и я дал ему страусиную шею, а руки сделал длинными, как кузнечные щипцы. Еще мне хотелось научить его ходить по ступенькам лестницы.

Необходимый для этого узел имелся в инвалидных креслах — следовало только проследить, чтобы вес «Фрэнка» не превышал веса среднего паралитика, и чтобы его габариты не слишком

выпирали за пределы колесной базы. Управлять этим узлом должен был сам «Фрэнк».

А вот с мозгом было сложнее. Можно изготовить сочленения наподобие человеческих суставов или даже лучше. Можно создать тонкую координационную систему — и механические руки смогут делать маникюр, скрести полы, разбивать яйца, или, наоборот, брать их, не разбивая. Но механизм — не человек, его мозг не засунешь промеж ушей.

К счастью, Фрэнку не нужен был мозг человеческого уровня. Я создал послушного робота, годного только для нудной домашней работы.

Здесь пригодились лампы Фрезена, «лампы памяти», как их иногда называли. Они применялись в межконтинентальных ракетах и системах регулирования уличного движения, как например, в Лос-Анджелесе. Объяснять их устройство нет нужды: наверное, даже в лабораториях «Белл Корпорейшн» не все разбираются в этом. Коротко, суть их действия сводится к тому, что вы можете вмонтировать лампу в тот или иной механизм, «показать» ему какое-то действие, а лампа «запомнит» его и в дальнейшем сможет управлять этой операцией уже без участия человека. Лампы Фрезена годились и для станков, и для управля-

емых снарядов, и для «Умницы Фрэнка». Нужно только вмонтировать в него некоторые вторичные цепи и его «здравый смысл». Конечно, это не тот здравый смысл, каким обладаем мы с вами (по-моему, у машины вообще не может быть ничего подобного). Это просто регулирующая цепь, «говорящая» машине: «Следи за этим в таких-то пределах, когда увидишь это — делай по инструкции». А инструкцию можно усложнить до предела — лампы Фрезена и цепи «здравого смысла» справятся с любым действием — лишь бы не было взаимоисключающих пунктов. Словом, как у имбецила, делающего на заводе картонные коробки.

Итак, надо лишь научить «Фрэнка» мыть посуду и вытирать со стола. Дальше он сам справится с этим так, чтобы не бить тарелки.

Рядом с первой лампой можно воткнуть вторую — и он сможет пеленать младенца, причем никогда не сунет ребенка в мойку.

Квадратная голова «Фрэнка» легко вмещала сотню ламп Фрезена, и каждая из них ведала какой-то одной хозяйственной операцией. Следовало подстраховать цепи «здравого смысла» общей предохранительной цепью — это на тот случай, если «Фрэнк» столкнется с чем-нибудь

экстраординарным. Но и тогда ребенок и посуда будут в полной безопасности.

Оставалось взгромоздить «Фрэнка» на каретку инвалидного кресла — и он был готов. Он походил на помесь осьминога с вешалкой для шляп… но, боже мой, как он полировал столовое серебро!

* * *

Увидев первого «Фрэнка», Майлз для начала велел смешать ему мартини, посмотрел, как «Фрэнк» расправляется с грязной посудой (не прикасаясь к чистой), открывает и закрывает окно, сметает пыль с книжных полок.

— Многовато вермута, — сказал Майлз, пробуя мартини.

— Именно так, как я люблю. Можно научить его мешать коктейли по-твоему, а можно и так, и эдак. Мозги у него еще чистые. Он «Умница».

Майлз отпил еще глоток.

— А когда его можно будет пустить на конвейер?

— Лет десять повозимся, — ответил я и, прежде, чем он застонал, добавил:

— Упрощенную модель можно подготовить за пять лет.

— Вздор! Ты получишь все, что нужно, но через

полгода модель должна быть на конвейере.

— Черта с два! Это моя модель, и она не пойдет в продажу недоработанной. Она должна стать шедевром, должна делать все, что способны вместить лампы Фрезена, а не только прибирать за кошками и умывать детей. «Фрэнк» сможет даже играть в пинг-понг, если захочет покупатель, и если он сможет заплатить за расширенную программу.

Я посмотрел на «Фрэнка». Он методично вытирал пыль со стола, причем каждую бумагу он возвращал именно туда, откуда брал.

— Правда, играть с ним будет неинтересно — он никогда не промахивается. Хотя мы можем научить его слегка мазать — введем в мозги специальную цепь. Ммм… да, именно так. Покупателям это понравится.

— Год. Один год, Дэн, и ни дня сверх этого. Я найду кого-нибудь, чтобы он помогал тебе.

— Майлз, — сказал я, — когда ты поймешь, что всеми конструкциями в нашем деле заправляю я? Когда «Фрэнк» будет готов, наступит твой черед… но ни секундой раньше.

— И все-таки вермута многовато, — ответил Майлз.

* * *

Я дорабатывал «Фрэнка», стараясь, чтобы он возможно меньше походил на разбитый мотороллер, и хозяйка могла бы похвастаться им перед соседями. Между делом я совершенствовал схему и даже выучил «Фрэнка» почесывать Пита под челюстью и поглаживать его так, как коту это нравилось. Честное слово, для этого потребовалась схема потоньше, чем у атомщиков. Майлз не подгонял меня, хотя и заходил иногда посмотреть, как движутся дела. Работал я, как правило, по ночам, после неизменного ужина с Беллой. Спал до полудня, потом ехал на фабрику, подписывал накопившиеся бумаги, посещал мастерскую. Потом снова подходило время вести Беллу в ресторан. Из кожи я не лез, помня о том, что творческая работа и так кого хочешь превратит во вьючную лошадь. К утру от меня так и несло потом, даже Пит не мог этого вынести.

Однажды, после ужина, Белла спросила:

— Ты сейчас пойдешь в свою лабораторию?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Это хорошо. Там нас должен ждать Майлз.

— Да?

— Он хочет провести собрание всех акционе-

ров.

— Собрание всех акционеров? Зачем ему это?

— Это ненадолго. В самом деле, дорогой, последнее время ты совсем не в курсе дел фирмы. Майлз собирается подвести итоги и обговорить наш образ действий на будущее.

— Да, я занят только проектированием. А что еще я могу сделать для фирмы?

— Ничего, дорогой. Майлз говорит, что это не займет много времени.

— А в чем дело? Он что, сам не может решить?

— Майлз не говорил мне, зачем. Пожалуйста, дорогой, давай, допивай свой кофе — и пойдем.

Майлз уже и в самом деле ждал нас. Он торжественно пожал мне руку, словно мы месяц не виделись.

— В чем дело? — спросил я.

Вместо ответа он повернулся к Белл.

— Вы подготовили повестку дня?

Одно это должно было насторожить меня, ведь, по ее словам, она не знала, о чем собирался говорить Майлз. Но это меня не насторожило. Я верил ей, черт меня побери! Она подошла к сейфу, набрала шифр и открыла дверцу.

— Кстати, дорогая, — сказал я, — прошлой ночью я не смог его открыть. Ты что, изменила

шифр?

Она перебирала бумаги.

— Разве я тебе не говорила? — спросила она, не оборачиваясь. — На прошлой неделе кто-то пытался взломать его, и полиция посоветовала сменить шифр.

— Ясно. Тогда сообщи мне новый, если не хочешь, чтобы я тебе названивал среди ночи.

— Конечно.

Она закрыла дверцу сейфа и положила на стол досье.

— Давайте начнем, — предложил Майлз, прочистив горло.

— Хорошо, — ответил я. — Дорогая, наши… впрочем, ты знаешь все эти формальности лучше меня… Среда, 18 ноября 1970 года, девять часов двадцать минут пополудни. Присутствуют все акционеры — следуют имена — Д.Б.Дэвис, председатель технического совета и главный инженер. Что осталось нерешенным от прошлого совещания?

Ничего такого не было.

— Чудесно. А теперь, Майлз, выкладывай, в чем дело.

Майлз снова прокашлялся.

— Я хочу проанализировать торговую полити-

ку фирмы и предложить программу развития. Кроме того, нужно обсудить наше финансовое положение.

— Финансовое положение? Не мели чепухи. Оно превосходно и с каждым месяцем становится все лучше. В чем дело, Майлз? Ты что, не готов к докладу? Выкладывай все как есть простыми словами.

— Наша новая программа требует расширения основного капитала фирмы.

— Какая еще новая программа?

— Постой, Дэн, сейчас ты все узнаешь. Пусть Белла прочитает ее нам.

— Ну… ладно. Пусть.

Короче говоря, Майлз, как и все юристы, обожал длинные обороты. Он хотел:

a) изъять «Фрэнка» из моего ведения, передать его на конвейер и без задержки пустить в продажу…

— Нет! — остановил я Беллу, прежде чем она дошла до пункта **b)**.

— Подожди минутку, Дэн. Как представитель правления и главный управляющий, я имею право высказываться до конца. Повремени со своими замечаниями и позволь Белле дочитать.

— Хорошо… Но учти, с первым пунктом я не

согласен.

Из пункта **b)** вытекало, что нам не следует разбрасываться. Мы взялись выпускать вещи не менее перспективные, чем автомобили, но то, что мы уже сделали — только начало. Нам следовало увеличить акционерный капитал и соответственно расширить производство, чтобы выйти на общенациональный, а затем и на мировой рынок.

Я забарабанил пальцами по столу. Мне до смерти не хотелось становиться главным инженером большой фирмы. Тогда у меня, чего доброго, отнимут чертежную доску, а если я закуплю усовершенствованные паяльники, профсоюзы объявят забастовку. Уж лучше было оставаться в армии и дослуживаться до генерала. Но возражать я не стал.

Пункт **c)** пояснил, что для этого требуются отнюдь не гроши, а миллионы. Предполагалось стать дочерней корпорацией при «Мэнникс Энтерпрайзис» — передать им наши акции, активы и «Умницу Фрэнка». И хотя мы оставались при своих прежних должностях (Майлз — главным управляющим, а я — главным инженером) и приобретали акции «Мэнникс Энт.», нашей свободе приходил конец: оба мы снова должны

были работать на кого-то, в данном случае — на акционеров.

— Это все? — спросил я.

— Ммм… да. Бери слово и высказывайся.

— Значит, нам предоставляется право сидеть за рулем и распевать спиричуэлс.

— Не надо шутить, Дэн. Все идет так, как должно идти.

— А я и не шучу. Эти должности и привилегии — побрякушки для невольника, чтобы он не проклинал свою судьбу. Ну, ладно, а что буду делать я?

— Руководить.

Я выдвинул контрпредложение: все мы устраняемся от производства. Джек Шмидт, продававший нашу продукцию, был хорошим человеком и принимал наш заказ без единой рекламации: мне самому надо было копаться в схемах, совершенствовать их, находить неисправности. Без этого я чувствовал себя вялым, и жизнь мне была не мила. Потому-то я и работал по ночам. И от всего этого придется отказаться, наступить себе на горло ради того, чтобы стать в один ряд с General Motors и Consolidated. Ведь я не смог бы разорваться: изобретать и в то же время руководить производством.

Мое предложение сводилось к тому, что нам следует не разрастаться, а сократиться. Мы продадим кому-нибудь лицензии на «Горничных» и «Оконного Вилли», а сами будем отгребать процент с продажи. Когда «Фрэнк» будет готов, мы и его продадим таким же образом. Если «Мэнникс Энтерпрайзис» купит наши лицензии и таким образом захватит рынок — Бог им в помощь! Тем временем, мы изменим свое название и станем «Исследовательской Корпорацией Дэвиса и Джентри». Работать будем, как и прежде, втроем, разве что я найму себе одного-двух механиков, а Майлз и Белла будут подсчитывать прибыли.

— Нет, Дэн, — Майлз покачал головой. — Допустим, лицензии дадут нам некоторую прибыль. Но мы получим гораздо больше, если будем производить товар сами.

— Черт побери, Майлз, мы не будем производить товар сами, и все тут! Ты хочешь продать наши души «Мэнникс Энт.», а чего ради? Только из-за денег? Но ведь человеку нужна только одна яхта, только один бассейн, да и то не каждый день, а время от времени… Не пройдет и года, как все это у тебя будет, раз уж тебе так хочется.

— Мне не хочется.

— Так что же тебе нужно?

Он посмотрел мне в глаза.

— Дэн, ты хочешь изобретать. Мой план обеспечит тебе все возможности для этого — людей, приборы, деньги — словом, все, о чем мечтает любой изобретатель. А я хочу вести большое дело. БОЛЬШОЕ дело. У меня такое призвание, — он быстро взглянул на Беллу. — Я не хочу до самой смерти торчать здесь, посреди пустыни Мохауве. Не хочу быть управляющим при изобретателе-одиночке.

Я вытаращился на него.

— Раньше ты говорил по-другому. Хочешь выйти из дела, старик? Ну, что ж... Мы с Беллой не будем тебе мешать. Я могу наскрести денег и выкупить твою долю. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь чувствовал себя прикованным к тачке.

Досадно, конечно, но если Майлз хотел уйти, у меня не было права его удерживать.

— Нет, из дела я выходить не хочу. Ты слышал, что я предлагаю. Это для нашей же пользы. Пойми меня.

Наверное, вид у меня был озадаченный.

— Значит, ты настаиваешь на своем? Хорошо, Белла, запиши, что я голосую против. Может быть потом мы вернемся к этому вопросу. Желаю

счастья, Майлз.

— Давайте проголосуем, как положено, — ответил он упрямо. — Записывайте, Белла.

— Хорошо, сэр. Итак, Майлз Джентри голосует пакетом акций… — она зачитывает номера серий, — и подает свой голос за…

— За.

Белла что-то пометила в своей книге.

— Дэниель Б.Дэвис голосует пакетом акций… — опять цифры, словно она читала телефонный справочник, — и подает свой голос…

— Против, и это решает дело. Мне очень жаль, Майлз.

— Белл С.Даркин голосует пакетом акций… — снова цифры. — И я голосую за.

У меня отвисла челюсть.

— Но, детка, ты не можешь так поступить, — наконец, выдавил я. — Конечно, это твои акции, но ты понимаешь, что…

— Подведем итог, — пробурчал Майлз. — Большинство высказалось «за». Предложение принято. Запишите это.

— Да, сэр.

Несколько минут я молчал, не зная, что сказать. Потом кричал на нее, убеждал, говорил, что она поступила нечестно — ведь я подарил ей эти ак-

ции, вовсе не намереваясь упустить контроль над нашим делом. Это был просто подарок от чистого сердца. Если она способна на такой фокус, тогда пусть объяснит, как быть с нашим браком…

Она посмотрела мне в глаза. Лицо было совершенно чужим.

— Дэн Дэвис, если после того, что вы здесь наговорили, вы еще думаете, что между нами возможны какие-то отношения, то вы еще больший болван, чем я предполагала. — Она повернулась к Джентри. — Подвезешь меня домой, Майлз?

— Конечно, дорогая.

Я начал было что-то говорить, потом замолчал, повернулся и вышел, позабыв свою шляпу. Давно было пора уйти. А может быть, следовало убить Майлза, раз уж я не мог пальцем тронуть Беллу…

Естественно, мне было не до сна. В четыре часа утра я встал с кровати, позвонил в бюро перевозок, согласился заплатить сверх тарифа, и в пять часов тридцать минут был у ворот фабрики вместе с грузовиком. Я хотел подвезти его к главному входу, чтобы погрузить «Фрэнка» тельфером — ведь в нем было добрых четыреста фунтов.

На воротах висел замок.

Обдираясь о колючую проволоку, я перелез через забор. Запертые ворота меня не беспокоили

— в мастерской была сотня инструментов, и каждым из них я мог отпереть ворота. Но и на двери мастерской был новый замок.

Я огляделся, прикидывая, сломать ли мне его или просто снять дверь с петель, и тут мне крикнули:

— Эй, ты! Руки вверх!

Рук я не поднял, но обернулся.

Средних лет мужчина нацелил на меня шпалер преизрядного калибра.

— Кто ты такой, черт побери?

— А вы?

— Я — Дэн Дэвис, главный инженер этого бардака.

— А... — он немного обмяк, но гаубицы своей не отвел. — Да, вы соответствуете описанию. Но если у вас есть какой-нибудь документ, покажите его мне.

— Какого черта? Кто ты такой?

— Я? Вы меня не знаете. Я — Джо Тодд из Мохаувской Компании Охраны и Защиты. Работаем по частной лицензии. Ну вы-то должны знать нашу контору: ваша фирма — наш постоянный клиент. А я дежурю этой ночью.

— Вы? Тогда у вас, наверное, есть ключ от этого замка. Отоприте его. Я хочу войти. И спрячьте

вашу мортиру.

Он и не подумал сделать ни того, ни другого.

— Я не имею права, мистер Дэвис. Во-первых, у меня нет ключа. Во-вторых, насчет вас мне даны инструкции. Вам не разрешается находится на территории фабрики. Я должен выставить вас за ворота.

— Не хотите открывать — не надо. Я все равно войду, — ответил я, озираясь в поисках камня, годного для того, чтобы высадить окно мастерской.

— Послушайте, мистер Дэвис…

— Да?

— Мне не велели вас пускать, и я вас не пущу. Допустим, я не буду стрелять вам в живот, как это мне положено по инструкции, я буду целиться вам по ногам. Но ведь и ноги у вас не железные, а пули у меня разрывные.

Это предупреждение заставило меня пересмотреть свой план, тем более, что взглянув в окно, я обнаружил, что «Фрэнка» нет на месте.

Выпроводив меня за ворота, Тодд протянул мне конверт.

— Они велели передать вам это, если вы придете.

Письмо я прочитал уже в кабине грузовика. Вот

что там было:

«16 ноября 1970 года

Дорогой мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня совещании дирекции было решено ограничить Ваши связи (кроме финансовых) с нашей Корпорацией. В соответствии с п.3 Вашего Контракта, Вы больше не являетесь нашим служащим. Все ваши личные вещи и бумаги будут высланы вам незамедлительно. Правление надеется, что Вас не огорчит эта вынужденная мера, продиктованная нашими разногласиями относительно дальнейшей судьбы фирмы.

Искренне Ваши

Председатель Правления и Главный Управляющий

Майлз Джентри и Б.С.Даркин, секретарь-казначей.»

Я дважды перечитал письмо, прежде чем до меня дошло, что никакого контракта с фирмой у меня никогда не было, и что я, хоть убей, представления не имею о третьем или любом другом

его параграфе.

На следующий день посыльный принес «мои личные вещи и бумаги» прямо в мотель, где я ночевал в те времена. В посылке я обнаружил свою шляпу, письменный прибор, планшетку, кучу разных книг, мою личную переписку и несколько документов. Ни чертежей «Фрэнка», ни записей о его создании и изготовлении там не было.

Среди документов попадались довольно любопытные. Мой «контракт», например. Его третий параграф позволял нанимателям выставить меня без предупреждения и даже без обычного выходного пособия. Еще интереснее был седьмой параграф. Он был воплощением свинства и являл собой крайнюю форму порабощения человека. В течении пяти лет мне запрещалось работать по специальности, которую я имел, ибо фирма сохраняла за собой право на мои услуги и в любой момент могла призвать меня обратно на службу. Таким образом, мне оставалось только с опрокинутой шляпой в протянутой руке идти упрашивать Майлза и Беллу дать мне работу. Наверное, для этого мне и вернули шляпу.

Пять долгих лет я не имел права заниматься бытовыми приборами без их личного разрешения. Я предпочел бы перерезать себе горло.

В пачке были и копии всех моих патентов, которые я, оказывается, передал фирме: все, относящиеся к «Горничной», «Оконному Вилли» и кое-чему помельче. («Фрэнк», естественно, там не фигурировал — я его еще не патентовал. Позже я узнал, что с ним стало.)

Но я никогда не передавал фирме никаких патентов, не давал даже формального разрешения на использование моих изобретений. Зачем? Фирма была моим детищем, и в каких-либо патентных отношениях между мной и ею просто не было нужды.

Три последних документа относились к моим акциям (к тем, которые я еще не успел передать Белле). Еще там был чек, а при нем — счет: мне выплачивали жалование за все время работы и за три месяца вперед, меня премировали тысячей долларов «за особые заслуги, оказанные фирме». Последний пункт, наверное, им особенно нравился.

Перебирая эту удивительную коллекцию, я мало-помалу осознавал, как было глупо не глядя подписывать все то, что подсовывала мне Белла. Подлинность моих подписей не вызывала никаких сомнений.

На следующий день я немного оклемался и

решил посоветоваться с адвокатом, достаточно ловким и жадным до денег, чтобы взяться за такое дело. Сначала он не хотел со мной связываться, но потом, рассмотрев документы и выслушав детали, уселся поудобнее, заложил пальцы за жилетку и принял обычный для их братии кислый вид.

— Дэн, — сказал он, — я дам вам бесплатный совет.

— Слушаю.

— Не затевайте ничего. Вам не за что зацепиться.

— Но вы же говорили…

— Я помню, что я говорил. Да, они обманули вас. Но как вы это докажете? Они могли выманить все ваши акции, выставить вас без цента за душой, и все было бы шито-крыто. А вместо этого они выплатили вам жалование, да еще положили тысячу долларов сверху, чтобы не к чему было придраться. И уволены вы под вполне благовидным предлогом — несогласие с политикой, которую проводит ваша фирма.

— Но у меня никогда не было никакого контракта! Я сроду никому не продавал свои патенты!

— Но вот же документы. И вы согласны, что эти подписи — ваши. Кто может свидетельствовать

в вашу пользу?

Я призадумался. Пожалуй, никто, кроме меня самого. Даже Джек Шмидт не знал, что творится за забором фабрики. Об этом знал только я… да еще, конечно, Белл и Майлз Джентри.

— Теперь о ваших акциях, — продолжил адвокат. — Здесь, пожалуй, мы найдем зацепку. Если вы…

— Во всей этой истории это — единственная честная операция. Я действительно передал ей эти акции.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был подарок по случаю помолвки, в ожидании свадьбы. И она, принимая его, знала об этом. Вы можете заставить ее или вступить с вами в брак, или вернуть акции. Прецедент мы встречаем в деле Мак-Калти против Родис. Тогда вы вернете себе контроль над фирмой и вышвырнете их за ворота. Можете вы все это доказать?

— Черт побери, не хочу я на ней жениться! Она мне больше не нужна.

— Дело ваше. Но это — единственная зацепка. Есть у вас свидетели или доказательства (письма и все такое) того, что, принимая ваши акции, она знала о том, что они дарятся ей, как вашей будущей жене?

Я начал вспоминать. Конечно, свидетели у меня были… все та же пара: Майлз Джентри и Белла Даркин.

— Теперь вам понятно? Ваше слово против их слова, а на их стороне еще и куча бумаг. Это значит, что вы не только ничего не получите, но к тому же рискуете угодить в психбольницу с диагнозом: «навязчивая идея». Мой вам совет — попытайтесь оспорить некоторые параграфы вашего контракта, рад вам сообщить, что он составлен не безупречно, или начинайте работать в другой области. Но не пробуйте обвинять их в заговоре. Они выиграют дело, да еще и отберут у вас остальные акции за судебные издержки.

Я так и сделал. В подвале дома, где размещалась адвокатская контора, я отыскал бар. Я уселся там за столик и заказал кучу выпивки.

* * *

Мне хватило времени припомнить все это, пока я добирался к Майлзу. Когда фирма начала приносить прибыль, он арендовал в Сан-Фернандо чудесный коттеджик и перебрался туда вместе с Рикки, предпочитая каждый день ездить на фабрику через пустыню, неужели все время изнывать от убийственной мохаувской жары. Я

с удовольствием вспомнил, что Рикки сейчас далеко, в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере. Мне бы не хотелось, чтобы она видела, как я начну сейчас разбираться с ее отчимом.

Проезжая через туннель, я задумался. Что делать с сертификатом? Наконец я решил оставить его где-нибудь, а уж потом встретиться с Майлзом. Не то, чтобы я ожидал драки или чего-нибудь в этом роде (если конечно, сам не начну ее), но мысль была хорошей. Я теперь был словно кот, которому однажды прищемили хвост в дверях — то есть все время был настороже.

Оставить документы в машине? Но уж если мне самому может грозить насилие, то машину и подавно ничего не стоит угнать, хотя бы на буксире.

Можно было послать их по почте на свое имя. Корреспонденцию я получал на Главном Почтамте, ибо менял гостиницу всякий раз, когда обнаруживали, что со мной живет Пит.

Мне подумалось, что можно послать мои документы кому-нибудь из людей, которым я доверял.

Но таких было немного.

Наконец, я вспомнил, кому можно было верить.

Рикки.

Казалось бы, глупо доверяться женщине после того, как Белла обманула меня. Но Рикки — это же совсем другое дело. Я знал ее полжизни (ее жизни, конечно), и если только человеческое существо может быть абсолютно честным, то это именно Рикки… и Пит был того же мнения. Кроме того, Рикки была физически неспособна превратно истолковать мужской здравый смысл. Она была девчонкой только в том, что касалось ее лица, но даже не фигурой.

Выехав из туннеля, я свернул к аптеке, где разжился марками, двумя конвертами, большим и маленьким, и парой листов почтовой бумаги. Я написал:

> «Дорогая Рикки-Тикки-Тави!
>
> Я надеюсь вскоре увидеть тебя, но, тем не менее прошу: сохрани для меня то, что лежит в маленьком конверте.
>
> Пусть это будет нашей тайной…»

Тут я задумался. Черт возьми, если со мной что-то случится… автокатастрофа или еще что нибудь в этом роде… Рикки, получив это, будет винить во всем Майлза и Беллу. Ну и пусть. Вдруг я понял, что уже принял решение не ложиться в анабиоз.

Лекция, которую прочел мне док, и несколько часов трезвых размышлений — вот и все, что мне было нужно. Я решил остаться и бороться, а сертификат станет моим главным оружием. Он позволял мне реализовать все документы фирмы, давал мне право совать нос во все ее дела. Если они снова попытаются не пускать меня на фабрику, я вернусь с адвокатом, помощником шерифа и постановлением суда.

За одно это я могу потащить их в суд. Возможно, я проиграю процесс, но вони будет вполне достаточно, чтобы «Мэнникс» отступился от фирмы.

А может, не стоит отсылать сертификат Рикки?

Нет, пусть на всякий случай он будет у нее. Рикки да Пит — вот и вся моя «семья». И я продолжил писать:

> «…Если через год от меня не будет никаких вестей, или если ты узнаешь, что со мной что-то случилось, позаботься о Пите, если отыщешь его, и, не говоря никому ни слова, бери маленький конверт, который я вкладываю в большой, и неси его в ближайшее отделение Американского Национального Банка, а там уже вели

кому-нибудь из служащих вскрыть его.

Люблю, целую.

Дядя Дэнни.»

На другом листке я написал:

«3 декабря 1970 г.

Лос-Анджелес, Калифорния.

Все свои наличные деньги, имеющиеся у меня, до последнего доллара, и прочие сбережения, включая акции (тут я перечислил их номера) перевожу в Американский Национальный Банк с тем, чтобы они были сохранены и переданы Фредерике Вирджинии Джентри в день ее совершеннолетия.

Дэниель Бун Дэвис.»

Все это я написал прямо на прилавке аптеки, при этом в ухо мне орал динамик. Но получилось четко и недвусмысленно. Я мог быть уверен, что Рикки получит все мои деньги, если со мной что-нибудь случится, и что ни Майлз, ни Белла не смогут их отнять.

Если же все обойдется, я при первой же встрече попрошу вернуть мне конверт. Я не стал делать

на сертификате передаточную надпись, мое «завещание» и без того было достаточно ясным. И сертификат, и «завещание» я вложил в маленький конверт, а его вместе с письмом для Рикки засунул в большой. Потом написал на нем адрес лагеря, наклеил марку и бросил в ящик у входа в аптеку. Все это заняло у меня минут сорок. Забравшись в машину, я заметно повеселел, мое настроение улучшилось… не только от того, что я обезопасил свои сбережения, но и потому, что наконец разобрался во всех своих проблемах.

Не то, чтобы разобрался совсем, но, по крайней мере, решил смотреть им в лицо, а не убегать и не играть в Рипа ван Винкля[7]… надеясь, что все утрясется само собой. Конечно же, я хотел увидеть двухтысячный год и обязательно увижу его… когда мне будет лет шестьдесят. Надеюсь, я и тогда еще буду свистеть вслед каждой красотке. Не стоит торопиться, перескакивая в следующее поколение в анабиозной камере. Это ненормально — увидеть результат, не увидев самого действия. До тех пор у меня было целых тридцать лет, и я наделся прожить все их так, чтобы в двухтысячном году можно было с удовлетворением

[7] Примечания: 7

Рип ван Винкль — персонаж романа Вашингтона Ирвинга, двадцать лет проспавший на попоне эльфов.

оглянуться назад.

Сначала я намеревался дать бой Майлзу и Белле. Может, я проиграю, но неприятностей им понаделаю. Так мой Пит, приходя домой изодранный в клочья, все же торжествующе выл, словно говоря:

— Посмотрели бы вы на моего врага!

От встречи с Майлзом я не ждал особых результатов. Это будет, так сказать, официальным объявлением войны. Во всяком случае, сегодня спать Майлзу не придется… а он может, если захочет, разбудить и Беллу.

3

Подъезжая к дому Майлза, я уже весело насвистывал. Меня больше не беспокоила драгоценная парочка — мои бывшие компаньоны. Кроме того, на последних пятнадцати милях я придумал два новых прибора, и каждый из них мог меня озолотить. Во-первых, чертежная машина, наподобие пишущей. Несомненно, ей будет рад каждый из пятидесяти тысяч инженеров, живущих в Соединенных Штатах. Дни и ночи они горбятся над ненавистными чертежами. От этого у них портятся характер и зрение. И не то, чтобы они не любили проектировать — просто эта работа нудна и трудна чисто физически.

Моя штуковина позволит им восседать в удобном мягком кресле, перебирая клавиши — а уж машина сработает чертеж на кульмане. Нажимаете клавишу — и на ватмане появляется горизонтальная линия, нажимаете другую — и связываете ее с вертикальной, нажимаете несколько раз — и перед вами частокол линий или чего угодно.

Нет невозможного в том, чтобы за отдельную

плату добавить еще один кульман — это позволит архитектору проектировать в изометрии (единственно путный способ проектирования) или в перспективе, даже не глядя на чертеж. А почему бы не заставить машину снимать планы этажей и разрезы прямо в изометрии?

Главная прелесть такого прибора в том, что его можно почти целиком собрать из стандартных деталей, которых полно в универмагах и магазинах радиотоваров. Исключая панель управления, конечно, хотя я был уверен, что вместо нее можно приспособить обыкновенную пишущую машинку, заменив литеры и обозначения на клавишах. На создание простейшей модели хватило бы и месяца. И еще полтора, чтобы довести модель до кондиции.

Попутно с этим меня осенила восхитительная идея. А именно — как угробить бедного старого «Фрэнка». Я знал это, как никто другой, даже если бы этот другой изучал его целый год. Он был задуман как помощник по хозяйству, и все думали о нем только в этом качестве. У него были ограничения, были недочеты, не отраженные в моих записях. Для новой задумки мне снова нужны были лампы Фрезена, и здесь Майлз не мог мне помешать. Их свободно продавали всем

желающим.

Чертежная машина подождет, мне захотелось создать автомат с неограниченными возможностями, который делал бы абсолютно все, что делает человек.

Нет, я все-таки сначала построю чертежную машину, а уж потом, с ее помощью, начну проектировать «Пита-Протея».

— Как тебе это понравится, Пит? Твоим именем я хочу назвать первого настоящего робота!

— Мррр?

— Не волнуйся, это большая честь.

Имея за плечами опыт создания «Фрэнка», я мог спроектировать Пита быстро и, если использовать чертежную машину, чисто. Он будет убийцей, демоном-пожирателем. Он вышибет «Фрэнка» с рынка, прежде чем тот поступит в продажу. Он разорит Майлза и Беллу, и они приползут ко мне на коленях, умоляя вернуться. Кто же режет гусыню, несущую золотые яйца?

В окнах у Майлза горел свет. Неподалеку стоял автомобиль. Я поставил свою машину впереди него и сказал Питу:

— Тебе лучше остаться здесь. Если кто-нибудь попытается угнать машину, стреляй после третьего предупреждения.

— Нооoу!

— Если хочешь идти со мной, полезай в саквояж.

Пит прыгнул в саквояж.

Майлз впустил меня в дом. От рукопожатий мы воздержались. Он провел меня в одну из комнат и предложил стул.

Белла была тут как тут. Хотя я и не ожидал ее увидеть, однако ничуть не удивился. Я смотрел на нее и усмехался.

— Какая чудесная встреча? Неужели ты приехала из Мохаува только для того, чтобы поболтать со старым Дэном?

Я бываю ужасно галантным, когда захочу.

Белла нахмурилась.

— Не паясничай, Дэн. Говори, с чем пришел, если у тебя есть, что сказать, и проваливай.

— Не торопи меня. Я пришел поговорить с моим бывшим компаньоном… и моей бывшей невестой. Насчет моего бывшего бизнеса.

— Постой, Дэн, — примирительно сказал Майлз. — Не становись в позу. Мы это сделали для твоей же пользы… и ты, если захочешь, можешь вернуться в любой момент. Я буду рад заполучить тебя обратно в нашу фирму.

— Для моей же пользы, вот как? Что-то в этом

роде говорят конокраду перед тем, как повесить его. А что скажет Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу, потом ответила:

— Конечно, если так говорит Майлз.

— Как это мило. Совсем недавно ты пела по-другому: «Конечно, если так говорит Дэн». Но все меняется. Такова жизнь. Не вернусь я к вам, не бойся. Слово чести. Я пришел к вам, чтобы узнать кое-что.

Майлз и Белла переглянулись.

— Что? — спросила она.

— Ну, для начала, кто из вас придумал это мошенничество? Или вы думали вместе, на пару?

— Это нехорошее слово, Дэн, — медленно проговорил Майлз. — Оно мне совсем не нравится.

— О, простите, но я предпочитаю быть искренним. Если уж слово нехорошее, то действие в десять раз хуже. Я имею в виду подделку контракта и фальсификацию передаточных надписей на патентах — это серьезные преступления, Майлз, они подлежат юрисдикции Федерального Суда. Думаю, скоро ты увидишь небо в крупную клетку. Вот только не знаю, надолго ли. Ну, ничего, в ФБР меня просветят на этот счет. Завтра, — добавил я, заметив их испуг.

— Дэн, неужели ты настолько глуп, чтобы под-

нимать бучу вокруг этого?

— Бучу?! Да я ударю по вам со всех сторон, по всем статьям, гражданским и уголовным. Вам придется ох как несладко… если вы не согласитесь сделать кое-что. Я ведь еще не сказал о третьем вашем преступлении — краже моих записей и чертежей «Фрэнка»… а также действующей модели… Или вы готовы уплатить мне за детали, если я представлю вам опись?

— Кража? Какой вздор! — огрызнулась Белла. — Ты работал на фирму.

— Ну да? Я делал его по ночам. И я никогда не был служащим фирмы, вы оба это отлично знаете. Я выписывал детали, покрывая издержки за счет причитающихся мне дивидендов. А что скажет «Мэнникс», когда я обвиню вас перед судом в преступном сговоре? Неужели они купят «Горничную», «Вилли» и «Фрэнка», если узнают, что они никогда не принадлежали фирме, а были украдены у меня?

— Чепуха, — зловеще повторила Белла. — Ты работал на нашу фирму. У тебя с нами был заключен контракт.

Я откинулся на спинку кресла и громко рассмеялся.

— Слушайте, ребятки, придержите-ка вы этот

треп до суда. Здесь же нет никого кроме нас, цыпляточки. Единственное, что я хочу знать — кто все это придумал? Я знаю, как это делалось. Белла приносила мне на подпись бумаги и, если нужно было подписать больше одной копии, она подкладывала их под первую. Ради моего удобства, разумеется, ты же всегда была образцовой секретаршей. Таким образом, я видел только то место, где должна была быть моя подпись. Теперь я понял, что ты подкладывала мне под первый экземпляр другие документы. Итак, я знаю, что ты единственная, кто мог провернуть эту аферу. Майлз не мог — он даже не умеет прилично печатать на машинке. Но кто сочинил все эти бумаги? Ты? Не думаю… для этого надо быть юристом, а ты никогда не говорила нам о своем юридическом образовании. Могла ли простая секретарша так ловко составить контракт? Или это был адвокат? Я имею в виду тебя, Майлз.

У Майлза погасла сигарета. Он достал ее изо рта, осмотрел и только тогда осторожно ответил:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что сможешь заставить нас признать все это, то ты просто сумасшедший.

— А, бросьте, мы здесь одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Хотел бы я думать, что ты реши-

лась на это в мгновение временного помрачения ума. Но я знаю, что это не так. Если у Беллы нет диплома юриста, то налицо преступный сговор между вами. Это значит, что ты, Майлз, написал эти документы, а она перепечатала их и отдала мне на подпись. Так?

— Не отвечай ему, Майлз.

— Конечно не буду, — согласился он. — У него в саквояже может быть магнитофон.

— Хорошо бы, — согласился я. — Но сейчас у меня его нет.

Я расстегнул саквояж. Пит высунул голову наружу.

— Ты все запомнил, Пит? Припомните-ка, что вы тут наговорили, ребята? У Пита память, как у слона. Нет, я не записывал ваш разговор. Я все тот же старый добрый Д.Б.Дэвис, крепкий задним умом. Действую прямо, доверяю друзьям… и вам двоим тоже. Так как насчет Беллы? Она юрист? Или вы вступили в злонамеренный заговор и теперь обворовываете меня, стараясь чтобы все это выглядело законно?

— Майлз, — прервала меня Белл, — с его талантами ничего не стоит сделать магнитофон величиной с сигаретную пачку. Он может быть не в саквояже, а в кармане или еще где-нибудь.

— Чудесная идея, Белла. В следующий раз я так и сделаю.

— Я учел это, дорогая, — ответил Майлз, — а вот ты говоришь слишком рискованно. Следи за своим язычком.

Белл что-то буркнула ему в ответ.

— Что, уже сердитесь? — я поднял брови. — Верно, что-то не поделили?

Майлз явно начинал поддаваться, и мне это нравилось.

— Выбирай выражения, Дэн, — ответил Майлз, — если тебе дорого твое здоровье.

— Тише-тише! Я моложе тебя и совсем недавно прошел переподготовку по дзюдо. Ты ведь не привык драться. Скорее уж подсунешь мне очередную фальшивку. Я сказал «воры» — и именно это я имел в виду. Вы оба — воры и лжецы, — тут я повернулся к Белле. — Отец учил меня никогда не называть леди лгуньей, но ведь ты не леди. Ты лгунья… и воровка… и бродяжка.

Белла покраснела. Красавица исчезла, осталась лишь хищная тварь.

— Майлз! — рявкнула она. — Если ты собираешься спокойно сидеть и позволять ему оскорблять…

— Успокойся, — приказал Майлз. — Он нарочно

хамит. Думает, что мы в запальчивости наболтаем лишнего. И, судя по тебе, это ему удается. Сиди и помалкивай.

Белла заткнулась, лицо ее окаменело.

Майлз повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Надеюсь, ты с этим согласен. Я пытался объяснить тебе наши резоны, прежде чем ты покинул фирму. Я хотел, чтобы ты понял неизбежность этого и спокойно принял ее.

— Спокойно позволить себя изнасиловать, ты это имеешь в виду?

— Называй это, как хочешь. Я хочу решить дело миром. Как юрист, я знаю, что любое дело лучше решить без суда, если это возможно. Ты сказал, что согласишься на это при определенных условиях. Назови эти условия, и мы, возможно, договоримся.

— Так-то лучше. К этому я и веду. Сам ты их выполнить не сможешь, но помочь уладить дело тебе вполне по силам. Это просто. Заставь Беллу вернуть мне акции, которые я ей подарил в день помолвки.

— Нет!

— Помалкивай, говорю тебе, — прикрикнул на нее Майлз.

— Почему же нет, моя бывшая дорогая? — обратился я к Белле. — Я посоветовался по этому поводу с адвокатом. Ты не только морально, но и юридически обязана вернуть их мне, ибо они были даны тебе в ожидании определенных событий, а именно — женитьбы. Это был не «бескорыстный дар», как я предполагал, а «передача ценностей в ожидании договоренного события», какового не произошло. Так как ты не соизволила выйти за меня. Итак, ты отказываешься вернуть мне акции? Может, ты передумала и собираешься выйти за меня замуж?

Она ответила, где и в каком виде наблюдала нашу свадьбу.

— Белл, — произнес Майлз скучным голосом, — ты делаешь все еще хуже. Как ты не поймешь, что он старается вывести нас из себя? — Он повернулся ко мне. — Дэн, если ты приехал сюда только ради этого, можешь отчаливать. Я допускаю, что если бы обстоятельства, на которые ты голословно ссылаешься, имели место в действительности, ты мог бы начать процесс. Но их не было. Ты просто передал акции Белле в погашение задолженности по зарплате.

— Вот как? Что же это за задолженность? И где счет?

— В нем не было нужды. Она получила акции за сверхурочную работу для фирмы.

— Вот это мило! Майлз, старина, если все было именно так, если она работала на фирму, а не на меня лично, то и ты должен был уплатить ей столько же. Ведь доходы-то мы делили пополам, несмотря на то, что у меня был контрольный пакет акций… как мне думалось. Или ты скажешь, что передал ей акции на такую же сумму?

Они быстро переглянулись, и у меня зародилось дикое подозрение.

— Может быть, ты так и сделал?! Держу пари, она сама подкинула тебе эту идею. Ведь так? Но если даже ты сделал это, даты покажут, что я передал ей акции в тот день, когда в «Дезерт Геральд» появилось сообщение о нашей помолвке… А ты — когда она обманывала меня, когда вы на пару вставляли мне палки в колеса. Ведь такие даты регистрируются у нотариуса. Может быть, судья поверит мне, а не вам? Как вы думаете?

Наконец-то, наконец-то я их прижал! Тут мне на ум пришло одно обстоятельство, которое они наверняка не могли объяснить, да и я тоже… и тут меня осенила еще одна дикая мысль. Дикая? Нет, скорее логичная.

— А, может быть, ты просто был обязан пере-

дать акции Белле? Сколько всего у нее акций? Может быть, ты дал ей больше… и больше получил? — тут я запнулся. — Странно, что Белла приехала сюда раньше меня… а ведь она терпеть не может ездить через пустыню. Неужели она приехала только ради разговора со мной? А, может быть, она и не уезжала отсюда? Так вы любовники?! Или я должен сказать — близки? Или… вы уже женаты. — Я помолчал. — Держу пари, что так оно и есть. Ты же деловой человек, Майлз, не то что я. Ставлю свою одежду — ты ни за что не отдал бы ей ни цента за одно обещание выйти за тебя замуж. Но ты мог передать ей акции в качестве свадебного подарка, и таким образом вы вдвоем получили контрольный пакет акций. Не торопитесь отвечать. Завтра же я начну искать факты против вас и до всего дознаюсь.

Они снова переглянулись.

— Не трать зря время, — усмехнулся Майлз. — Знакомься, миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих. Вы стоите друг друга. Но вернемся к моим акциям. Поскольку миссис Джентри не может выйти за меня…

— Не глупи, Дэн. Я уже разбил эту твою смехотворную версию. Я перевел часть своих акций на ее имя сразу же вслед за тобой. И по той же

причине — за услуги, оказанные фирме. «Все зарегистрировано», как ты сам выразился. Мы с Беллой поженились неделю назад, а передача совершилась значительно раньше, можешь мне поверить. Тебе не удастся связать эти факты. Она получила акции от нас обоих за важные услуги, оказанные фирме. А после того, как ты ее обманул, после того, как ты покинул фирму, мы поженились.

Это меня осадило. Я никогда не умел лгать так непринужденно, как Майлз. Но была здесь какая-то зацепка, я чувствовал — им есть, что скрывать.

— Когда и где вы поженились?

— В Санта-Барбаре, в прошлый четверг, хотя это совсем не твое дело.

— Может быть, и мое. А когда были переданы акции?

— Точно не помню. Полюбопытствуй, если хочешь.

Черт подери, вполне возможно, что здесь все чисто. Майлз не любил оставлять следов.

— Кое-что меня озадачивает, Майлз. Если бы я писал детективы, то поручился бы, что вы поженились гораздо раньше. Может быть, в Юме? Или в Лас-Вегасе? Или в Рено, когда ездили туда

по поводу рекламаций? А что получится, если сопоставить даты вашей свадьбы, передачи твоих акций и передачи моих патентов, а?

Майлз был невозмутим. На Белл он даже не смотрел. А посмотреть стоило: она выглядела так, словно ее только что стукнули мешком из-за угла в темноте. Мне показалось, что я на верном пути, и я решил продолжать в том же духе.

— Дэн, — спокойно сказал Майлз, — я долго терпел, стараясь уладить все миром. Ты достаточно оскорблял меня. По-моему, тебе самое время уйти. А не то я взбешусь и вышвырну тебя отсюда вместе с твоим блохастым котом!

— Ого! Наконец-то ты заговорил, как настоящий мужчина. Только не называй Пита блохастым. Он не хуже нас понимает английский и вполне способен выцарапать тебе глаза. Ладно, дорогой друг, я уйду… но сначала произнесу заключительную речь, очень короткую. Вероятно, это будет последнее, что я скажу. Идет?

Майлз жестом успокоил Беллу, не глядя на нее.

— Валяй. Только короче.

— Майлз, мне надо поговорить с тобой, — встряла Белл.

— Подожди. И сиди тихо.

Я повернулся к Белле.

— Ты, наверное, не захочешь слушать. Я думаю, тебе лучше уйти.

Разумеется, она не сдвинулась с места. Этого мне и надо было. Я повернулся к Майлзу.

— Майлз, я уже не сержусь на тебя. Мужчина ради женщины, даже ради воровки, идет на все. Если уж ни Самсон, ни Марк Антоний не устояли, то чего уж требовать от тебя, — тут я взглянул на Беллу. — Ты взял ее себе, вот и разбирайся с ней сам. Эта история обошлась мне в некоторую сумму, не считая полпинты испорченной крови. А во что она обойдется тебе? Сейчас она обманула меня. Она даже вышла за тебя замуж, чтобы обмануть меня, старый друг… но далек ли тот день, когда она в своей обычной ласковой манере начнет и тебя обманывать? Через месяц? Или она потерпит целый год? Рано или поздно она сделает это. Как собака возвращается к своей кости…

— Майлз! — взвизгнула Белла.

— Уходи! — с угрозой в голосе произнес Майлз, и я понял, что он не шутит.

Я поднялся.

— Я как раз собрался уходить. Мне жаль тебя, старина. Мы оба в самом начале сделали одну ошибку, и ты виноват не более, чем я. Но расплачиваться придется тебе одному. И это тем более

обидно, что мы…

Им овладело любопытство.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам с тобой следовало бы удивиться, чего это ради такая изящная, такая красивая и умелая, такая со всех сторон прелестная женщина согласилась на мизерное жалованье секретаря-машинистки. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как это принято в больших фирмах, мы бы ее не приняли… и до сих пор были бы компаньонами.

Наконец-то! Майлз подозрительно взглянул на свою жену. Нельзя сказать, что она выглядела, как крыса, загнанная в угол — крысы не бывают такими красивыми. Но этого мне было мало, я решил развить успех.

— Ну что, Белла? — сказал я, подходя к столику. — Если я возьму твой стакан и попрошу проверить твои пальчики, что всплывет? Фотографии во всех отделениях? Шантаж? Или двоемужество? Или брачные аферы с корыстными целями? Действителен ли твой брак с Майлзом?

Я нагнулся и взял стакан.

Белла вырвала его из моих рук.

Майлз окликнул меня.

И тут я понял свою ошибку. Глупо было идти в клетку к хищникам без оружия, но еще глупее было забыть основное правило дрессировки — никогда не поворачиваться к зверям спиной. Майлз крикнул, я повернулся к нему. Белла достала что-то из сумочки, быстрее, чем я достал бы сигарету…

Я почувствовал укол.

Колени мои ослабли, ковер стал надвигаться на меня. Я падал, удивляясь, что Белла способна на такое в отношении меня. Падая на пол, я все еще верил ей…

4

Сознания я не терял. Закружилась голова, все поплыло, как после укола морфия, только эта штука действовала куда быстрее. Майлз что-то крикнул Белле и обхватил меня поперек груди. Ноги мои были как ватные. Он подтащил меня к креслу и позволил моему телу грохнуться в него. Потом головокружение прошло.

Сознание мое было ясным, но тело словно онемело. Теперь я знаю, что она мне кольнула — наркотик «зомби». Дядя Сэм применяет его, когда промывает кому-нибудь мозги. Насколько я помню, официально он никогда не использовался для допросов, хотя ходили слухи, что кое-где его применяли, нелегально, но эффективно. Кажется, его применяли и психиатры, но только с санкции суда.

Бог знает, где Белла раздобыла его. И Бог знает, на ком еще она успела испробовать это зелье…

Правда, тогда я был не в силах удивляться. Я лежал в кресле, как баклажан на грядке, все слышал, но видел только то, что находилось прямо передо мной. Я не смог бы шевельнуться, даже

если бы передо мной прогуливалась леди Годива[8] без коня.

Говорить я тоже не мог.

Тут из саквояжа высунулся Пит и подбежал ко мне, вопрошая, в чем дело. Я не отвечал, и он начал теребить мою штанину, требуя объяснений. Я продолжал молчать. Тогда Пит забрался ко мне на колени, положил передние лапы мне на грудь и заглянул в глаза, желая немедленно и без отговорок узнать, что со мной стряслось.

Я все молчал, и тогда он начал выть. Это заставило Майлза и Беллу обратить на него внимание.

— Что ты наделала? — зло сказал Майлз. — Ты в своем уме?

— Не нервничай, толстячок, — ответила Белла. — Мы рассчитались с ним раз и навсегда.

— Что?! Если ты думаешь, что я стану соучастником убийства…

— Успокойся! Его, конечно, следовало бы убить… но у тебя не хватит духа. К счастью, в этом нет нужды. Все сделает препарат.

— Что ты имеешь в виду?

— Он теперь наш, душой и телом. Он будет

---

[8] Примечания: 8

Годива — жена Леофрика, графа Мерси, лорда Ковентри; чтобы добиться от мужа отмены налогов, разорявших граждан Ковентри, она, по легенде, согласилась нагая проехать верхом через весь город.

делать все, что я ему скажу. И не доставит нам никаких хлопот.

— Но… Белла, ты же не сможешь накачивать его этой дрянью вечно. Однажды он очнется и…

— Брось рассуждать, как адвокат. Я знаю, на что способен препарат. Очнувшись, он будет делать все, что я скажу. Я прикажу ему не возбуждать против нас дела. Велю не совать нос в наши дела, и он не станет этого делать. Велю уехать на Тимбукту — он так и сделает. Скажу, чтобы он забыл, что с ним здесь случилось — забудет… но сделает все, что я прикажу ему перед этим.

Я слушал все это так, словно разговор шел не обо мне. Если бы вдруг закричали, что дом горит, я бы и к этому отнесся так же.

— Я не верю, — сказал Майлз.

— Не веришь? — она странно взглянула на него. — А следовало бы.

— А? Что ты имеешь в виду?

— Не заводись. Препарат уже действует, толстячок. И первое, что мы должны сделать…

И тут Пит завыл. Такое услышишь не каждый день. Можно прожить всю жизнь и не услышать, как воет кот. Это совсем не тот вой, который кот издает перед дракой. Как бы ни был обижен кот, он никогда так не завоет. Этот вопль можно

услышать только тогда, когда кот оценивает обстановку, как совершенно невыносимую, но сделать ничего не может.

Такого воя никто не может вынести: он скребет по нервам, изнуряя своей непрерывностью.

— Чертов кот! — воскликнул Майлз. — Надо вышвырнуть его.

— Убей его! — велела Белла.

— Что? Ты слишком решительна, Белл. Дэн носится с этим никчемным животным, как Каин со своей печатью.[9] Давай сунем его обратно. — Он взял саквояж.

— Я убью его, — жестко сказала Белла. — Почти год я мечтала убить эту проклятую тварь.

Осмотревшись в поисках орудия убийства, она увидела каминную кочергу и схватила ее.

Майлз взял Пита и попытался засунуть в саквояж.

— Попробуем… — начал он.

Но Пит не терпел, когда его хватал кто-нибудь, кроме меня и Рикки. Даже я не посмел бы прикоснуться к нему, когда он вопил — лучше играть с гремучей змеей. Даже если бы он не был так

---

[9] Примечания: 9

…Каин со своей печатью. — Согласно библейскому преданию, на лоб Каина, убившего своего брата Авеля, Господом Богом был наложен знак, изобличавший его в совершенном грехе.

возбужден, он никогда и никому не позволил бы взять себя за загривок.

Он вцепился в руку Майлза зубами и когтями. Майлз завопил и выпустил его.

— Стой на месте, Майлз, — сказала Белл, пытаясь огреть Пита кочергой.

Ее намерения были достаточно ясны. На ее стороне была сила, и она была вооружена. Но оружием своим владела плохо, а Пит был весьма искушен в тактике. Увернувшись, он бросился на Белл и сильно оцарапал ее голые ноги.

Белл взвизгнула и бросила кочергу.

Я не видел всей картины боя, ибо мог смотреть только перед собой, и мне оставалось дожидаться, когда они окажутся в поле моего зрения. Но слышал я все. То они гонялись за котом, то кот за ними. Я слышал грохот стульев, ругательства и вопли.

Я знал, что Пит не позволит им захватить себя.

Самое худшее из случившегося со мной в ту ночь было, конечно, то, что я не мог ни видеть, ни оценить это величайшее сражение Пита и его величайшую победу. Правда, я все слышал и кое-что видел, но порадоваться его триумфу я был не в состоянии.

Сейчас, вспоминая все это, я чувствую волне-

ние, но это — совсем не то. Я навсегда лишился радости гораздо большей, чем медовый месяц.

Внезапно поток ругани и грохот прекратились. Майлз и Белла вернулись обратно, в гостиную.

— Кто оставил дверь открытой? — отдышавшись, осведомилась Белла.

— Ты сама. Заткнись. Теперь уж ничего не поделаешь.

Майлз раскраснелся. Он ощупал царапины на лице, и они ему явно не понравились. Потом он осмотрел свою одежду — пиджак был разорван по всей спине.

— Черта лысого я заткнусь. У тебя есть пистолет?

— Что?

— Я застрелю этого гнусного кота.

Ей досталось больше, чем Майлзу. Пит оцарапал все, что смог достать — ноги, голые руки, плечи. Ясно было, что она не скоро сможет носить открытые платья, да и на память кое-что останется. В общем, она выглядела, как дикая кошка после драки со своими соплеменниками.

— Сядь! — приказал ей Майлз.

Белла ответила ему кратко и, мягко выражаясь, отрицательно.

— Я все же убью эту тварь, — настаивала она.

— Ладно, не садись. Пойди умойся. Потом я перевяжу тебя, а ты меня. И наплюй на этого кота. Мы, наконец, избавились от него, и слава Богу.

Белла что-то пробормотала себе под нос, но Майлз ее понял.

— Ты тоже, — ответил он. — Не бесись и послушай меня. Предположим, у меня нашлась бы пушка — я не говорю, что она у меня есть. Что бы ты сделала? Вышла бы на улицу и подняла стрельбу? Не знаю, убьешь ты кота или нет, но вот полиция непременно будет здесь минут через десять, и нам придется отвечать на разные щекотливые вопросы. Что бы ты сказала насчет этого? — он ткнул пальцем в мою сторону. — А если ты высунешься на улицу без оружия, этот зверь вполне может убить тебя. — Он нахмурился. — Следовало бы издать закон, запрещающий держать таких тварей. Этот кот представляет общественную опасность. Ты только послушай.

Снаружи доносились вопли Пита. Он бегал вокруг дома и выл, призывая своих врагов выйти на честный бой.

Белла, вздрагивая, прислушивалась.

— Не бойся, сюда ему не забраться. Я исправил твой просчет и закрыл дверь.

— Это не я оставила ее открытой!

— Брось, это твоя привычка!

Майлз обошел все комнаты, проверяя, заперты ли окна, потом пропал куда-то, а следом за ним и Белл. Пит продолжал завывать, изредка замолкая. Я не знаю, долго ли они отсутствовали — время перестало существовать для меня.

Белл вернулась первой. Ее косметика и прическа были безупречны, она надела платье с высоким воротом и длинными рукавами, сменила порванные чулки. Кроме нескольких царапин на лице, ничто не напоминало о недавнем сражении. Грим сотворил чудо: при других обстоятельствах я бы влюбился в нее.

Она подошла ко мне и велела встать, что я и сделал. Быстро и умело она обыскала меня, не позабыв проверить карман рубашки и правый нагрудный карман пиджака, которого у большинства костюмов не бывает. Улов был небольшой: бумажник с незначительной суммой наличных, идентификационная карточка, водительские права, ключи, мелочь, носовой антисмоговый ингалятор, всякий мелкий хлам и конверт с чеком, который она же и отправила. Она повертела чек, прочла передаточную запись и озадаченно взглянула на меня.

— Что это такое, Дэн? Неужели ты застрахо-

вался?

— Нет.

Совсем не отвечать я не мог, и такой мой ответ был, пожалуй, самым лучшим.

Она нахмурилась и положила конверт в общую кучу. Потом посмотрела на саквояж Пита и, должно быть, вспомнила о клапане, который я использовал вместо портфеля. Она подняла саквояж и открыла клапан.

Там она, естественно, обнаружила комплект документов, выданный мне в Компании Взаимного Страхования. Присев, она начала их читать, а я, словно манекен, стоял там, где меня поставили.

Вскоре появился Майлз. На нем был халат, домашние шлепанцы и преизрядное количество марли и пластыря. Выглядел он, как провинциальный боксер среднего веса после состязаний с чемпионом-тяжеловесом. Лысину его украшало нечто вроде марлевого тюрбана, неприкрытой оставалась только макушка — ее Пит, очевидно, не смог достать.

Белла быстро взглянула на Майлза, приложила палец к губам и указала на кипу бумаг. Майлз присел и тоже начал их читать. Вскоре он догнал ее, и последнюю бумагу они читали вместе.

— Это меняет дело, — заключила Белла.

— Ничуть. Документы действительны на четвертое декабря, то есть на завтра. Куда же мы его денем? Завтра утром его начнут разыскивать, — ответил Майлз, посмотрев на часы.

— Майлз, в критических ситуациях ты сущий цыпленок. Эта возможность, быть может, лучшая из всего, что мы могли придумать.

— Что ты имеешь в виду?

— Он же наркотизирован. Я вкатила ему лошадиную долю «зомби» и теперь он сделает все, что нам будет угодно. Пусть он делает, что намеревался, пусть себе ложится в анабиоз. А он так и сделает, если ему приказать это. Ты знаешь что-нибудь о гипнозе?

— Не так уж и много.

— А в чем ты вообще разбираешься, кроме законов, толстячок? Любознательности у тебя ни на грош. Есть такая штука — постгипнотическое внушение. Оно может быть противно всей его натуре, но сопротивляться ему он не сможет, если не попадет в руки психиатра. Хороший специалист, конечно, поймет, в чем тут дело. Тогда внушение будет снято, Дэн окажется независимым от моих команд и натворит кучу неприятностей для нас.

— Черт побери, ты же говорила, что препарат абсолютно надежен.

— Боже мой, Майлз, рискни хоть раз в жизни. Мы можем выиграть. Дай мне подумать. — Она помолчала. — Проще и безопаснее было бы отпустить его на все четыре стороны. С этой дрянью в крови он сделает все, что мы скажем. Если он сломает себе шею — тут мы ни при чем, и риска никакого. Мы можем протрезвить его, и пусть себе ложится в анабиоз, — она повернулась ко мне. — Дэн, когда ты собираешься ложиться в анабиоз?

— Я не собираюсь.

— Как? А это что такое? — она показала на бумаги.

— Документы для анабиоза. Договор с Компанией Взаимного Страхования.

— Он бредит, — предположил Майлз.

— М-м… не совсем. Я забыла, что наркотизированные не могут размышлять. Они слышат, говорят, могут отвечать на заданные вопросы… важно лишь правильно ставить эти вопросы. А размышлять они не могут.

Она подошла ко мне и заглянула прямо в глаза.

— Дэн, я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом договоре. Начни с самого начала и расскажи все по порядку. Ты же только сегодня подписал эти

документы, а теперь говоришь, что не собираешься ложиться в анабиоз. Расскажи все мне, я хочу знать, почему ты решился на это и почему передумал.

Я рассказал ей все, ответил на все вопросы. Это заняло много времени, но зато я рассказал все по порядку и в деталях, что от меня и требовалось.

— Итак, ты сел в машину и раздумал ложиться в анабиоз? Вместо этого ты решил наделать нам неприятностей.

— Да.

Я собирался рассказать, как я сел в машину, что я сказал Питу, и что он мне ответил, как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями, как подъехал к дому Майлза, и как Пит не захотел сидеть в машине… но она прервала меня.

— Ты снова изменил свое решение и снова собираешься лечь в анабиоз. Ни за какие блага мира ты теперь не откажешься от анабиоза. Понял? Что ты теперь собираешься делать?

— Я собираюсь лечь в анабиоз. И хочу этого.

Тут я прервался. Дело в том, что уже больше часа я стоял, как флагшток, не двигая ни одним мускулом — ведь никто не приказывал мне шевелиться. Я начал медленно, но верно валиться на Беллу.

— Сядь! — язвительно сказала она, отскакивая в сторону.

Я сел.

Белла повернулась к Майлзу.

— Вот видишь. Я еще поработаю над ним, пока не буду уверена до конца, что он полностью созрел.

— Он сказал, что тамошний доктор будет ждать его ровно в полдень, — сказал Майлз, взглянув на часы.

— Времени у нас вполне достаточно. А для верности мы сами отвезем его туда, как раз… О, черт!

— В чем дело?

— Времени у нас слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, хотела обезопасить его совсем. К полудню он будет в норме для кого угодно, но не для врача.

— Может быть, осмотр будет поверхностным. Ведь уже имеется протокол его обследования.

— Ты уже слышал, что док велел ему не пить. Он обязательно проверит рефлексы, осмотрит зрачки — словом, сделает все, что нас никоим образом не устраивает. Мы не сможем помешать ему; Майлз, этот номер у нас не пройдет.

— А, может быть, отвезти его туда на следую-

щий день? Сошлемся на какую-нибудь непредвиденную задержку?..

— Замолчи, дай мне подумать.

Она снова взялась за бумаги, предоставив меня самому себе. Потом вышла в другую комнату, вернулась с лупой, какую применяют ювелиры, вставила ее в глаз наподобие монокля и продолжила изучение документов. Майлз спросил, что это она делает, но Белла только отмахнулась от него.

Вскоре она отложила свою лупу и облегченно вздохнула:

— Слава Богу, они пользуются стандартными бланками. Толстячок, дай-ка мне телефонную книгу.

— Зачем?

— Давай, давай. Меня интересует точное название этой фирмы. Я и так его знаю, но хочу быть полностью уверена.

Майлз, ворча, принес телефонный справочник. Белла полистала его.

— Точно. «Главная Страховая Компания Калифорнии». И места на бланке вполне достаточно. Это могла быть и «Главная», и «Моторс», и другие. В «Моторс» у меня связей нет, и я не уверена, что они занимаются анабиозом. Скорее всего, они

страхуют только автомобили. — Она оторвалась от бумаг. — Собирайся, толстячок, и немедленно поезжай прямо на фабрику.

— Что-о?

— Может быть, ты знаешь другой способ добыть среди ночи машинку с таким же шрифтом? Нет? Тогда собирайся и поезжай, а я тем временем кое-куда позвоню.

Майлз нахмурился.

— Белла, я кажется понял, что ты затеваешь. Но это безумие. Это же дьявольски опасно!

— Совершенно верно, — рассмеялась Белла. — Я же говорила тебе, что на прежней работе у меня остались кое-какие связи. Ты, наверное, думаешь, что «Мэнникс» — это только «Мэнникс» и ничего больше?

— Ну… я не знаю.

— А я знаю. Может быть, тебе известно, что «Главная Страховая Компания» принадлежит «Мэнниксу»?

— Нет, я этого не знал. А что это нам дает?

— Там у меня хорошие связи. Чтобы помочь «Мэнникс Энтерпрайзис» избежать слишком больших налогов, я часто проделывала один фокус… пока хозяин был в отъезде. Мы получим все, что нам нужно, а заодно избавимся от поползно-

вений Дэна. О «Мэнниксе» я знаю все. А сейчас поторопись и привези машинку, тогда я покажу тебе, что такое артистическая работа. А заодно пришиби этого мерзкого кота.

Майлз ушел, но вскоре вернулся.

— Белла, ты случайно не знаешь, где Дэн припарковал свою машину?

— Нет, а что?

— Перед домом ее нет, — сказал он с беспокойством в голосе.

— Ну, он ведь мог поставить ее за углом. Это неважно. Пойди и привези сюда машинку. Быстрее!

Он снова ушел. Конечно, я мог бы им сказать, где я припарковал свою машину, но они меня об этом не спрашивали, и я не думал об этом.

Белла куда-то ушла, и я надолго остался один. Ближе к рассвету вернулся Майлз. Он выглядел изможденным и волок на себе нашу тяжеленную машинку. Потом они снова куда-то сгинули.

Вскоре Белла вернулась и сказала мне:

— Дэн, согласно документам, ты поручил заботу об имеющихся у тебя акциях Страховой Компании. Теперь же ты передумал. Ты хочешь подарить их мне.

Я молчал. Она пристально посмотрела мне в

глаза.

— Так и только так. Ты хочешь подарить свой пай мне. Ты очень этого хочешь. Ведь правда?

— Да, я хочу подарить его тебе.

— Вот и хорошо. Ты хочешь подарить его мне. Ты не будешь счастлив до тех пор, пока не сделаешь этого. Где сейчас твой сертификат? В машине?

— Нет.

— А где же он?

— Я послал его по почте.

— Что?! — взвизгнула она. — Когда ты его отослал? Кому? Зачем ты проделал все это?

Если бы свой второй вопрос она задала бы последним, то я бы ответил на него, а так я обошелся ответом на ее последний вопрос.

— Я ассигновал его.

Тут вошел Майлз.

— Куда он дел его?

— Он говорит, что послал сертификат по почте… что ассигновал его. Найди его машину и обыщи — может быть все это ему только кажется. Когда он оформлял документы, сертификат был при нем.

— Ассигновал его? — повторил Майлз. — Но кому, о боже мой?

— Я спрошу его. Дэн, кому ты ассигновал сертификат?

— В Американский Национальный Банк.

Больше они меня ни о чем не спрашивали, а то я был бы вынужден рассказывать и о Рикки.

Плечи Беллы поникли, и она тяжело вздохнула.

— Гол в наши ворота, толстячок. Можешь забыть об этих акциях. Из банка нам их не выцарапать. — Вдруг она подобралась. — Если он только в самом деле отослал сертификат. Если нет, я счищу передаточную надпись так, что комар носа не подточит. А потом он снова ассигнует его… мне.

— Нам, — поправил Майлз.

— Это все детали. А теперь иди и найди его машину.

Майлз ушел, но вскоре вернулся и сообщил:

— Ее нигде нет. Я объехал все аллеи и улицы вокруг. Наверное, он приехал сюда на такси.

— Ты же сам говорил — он приехал на своей машине.

— Может быть, но ее нигде нет. Спроси его, когда и откуда он отправил свой сертификат.

Белла спросила — я ответил.

— Незадолго до того, как приехать сюда, я опу-

стил его в почтовый ящик на углу Сепульведи и Бульвара Вэнгур.

— Ты уверена, что он не лжет?

— В таком состоянии он не может лгать. Забудь об этом, Майлз. Может быть, потом удастся доказать, что эта передача не имеет законной силы, потому что он передал нам свой пай задолго до этого… во всяком случае, я берусь доказать это, но сначала нужно получить его подпись на нескольких чистых бланках.

Она попыталась получить мою подпись, а я всячески старался ей помочь. Но в таком состоянии я не мог даже толком расписаться. Наконец, она вырвала у меня бумагу и сказала со злостью:

— Ты доведешь меня до припадка. Я и то могу подписаться за тебя лучше, чем ты. — Она склонилась ко мне и добавила, криво улыбнувшись: — Как бы я хотела пришибить твоего кота!

Некоторое время они не беспокоили меня, потом Белла, которая куда-то выходила появилась снова и сказала:

— Дэн, я сделаю тебе укол, и ты почувствуешь себя гораздо лучше. Ты сможешь вставать, ходить, словом, делать все, что ты делал раньше. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлзом. Мы — твои лучшие друзья. Ведь

правда? Кто твои лучшие друзья?

— Ты. Ты и Майлз.

— Но я не только твой лучший друг, я еще и твоя сестра. Повтори.

— Ты — моя сестра.

— Вот и хорошо. Сейчас мы немного прогуляемся, а потом ты ляжешь в анабиоз. Ты утомлен, а когда проснешься, все будет хорошо. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Кто я?

— Ты — мой самый лучший друг. Ты — моя сестра.

— Умница. А теперь закатай рукав.

Укола я не ощутил, но сама инъекция была болезненной. Я поднялся и потряс головой.

— Слушай, сестренка, это не самая приятная процедура. Что это было?

— Кое-что, от чего тебе станет лучше. Ты сильно утомлен.

— Да, пожалуй это так. А где Майлз?

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

— Зачем? — спросил я, но рукав все-таки поднял и позволил ей сделать укол, от которого чуть не подскочил.

— Ну-ну, — улыбнулась она. — Не так уж это и больно.

— Не так уж и больно! А зачем эти уколы?

— Ты немного посидишь в машине. Поспишь там. А когда мы приедем на место, я разбужу тебя.

— Хорошо, я хочу немного поспать. Скорее бы в анабиоз.

Я огляделся.

— А где Пит? Я собирался лечь в анабиоз вместе с ним.

— Пит? Ты что, не помнишь? Ты же отправил его к Рикки. Она сама позаботится о нем.

— Ах, да, — сказал я с облегчением.

Конечно же, я послал Пита к Рикки. Я даже вспомнил, как послал его. Рикки всегда любила Пита, она хорошо о нем позаботится, пока я буду спать.

Меня отвезли в Соутелл, в Объединенный Санктуарий. Им пользовались небольшие компании, те, что не имели собственных санктуариев. Всю дорогу я спал, но проснулся сразу же, как только Белла позвала меня. Майлз остался ждать в машине, а Белла повела меня в здание.

Девушка-регистратор поднялась на навстречу.

— Дэвис? — переспросила она.

— Да, — ответила Белла. — Я его сестра. Где я могу найти представителя «Главной Страховой Компании»?

— Внизу, в девятой комнате. Они уже готовы и ждут вас. Документы можете отдать представителю компании, — она с интересом посмотрела на меня. — Он уже прошел медицинский осмотр?

— Конечно, — заверила ее Белла. — У него, знаете ли, рак, и я ввела ему успокоительное из-за болей.

— Да-да, — сочувственно заквохтала девушка. — В таком случае, поторопитесь. Через эту дверь, а там поверните налево.

В девятой комнате нас ждали трое: мужчина в костюме, другой — в стерильном халате и женщина в одежде медсестры. Они помогли мне раздеться, успокаивая, словно ребенка, а Белла тем временем объясняла, что она ввела мне и зачем. Меня положили на стол, и мужчина в халате начал массировать мой живот, проминая его чуть ли не до позвоночника.

— С этим хлопот не будет, — объявил он наконец. — Он совершенно пуст.

— Да, он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — согласилась Белла.

— Это хорошо. А то некоторые являются сюда

нафаршированными, как рождественская индюшка. Не все так разумны.

— Да-да.

— О'кей, сынок, а теперь сожми эту штуку покрепче. Я введу тебе кое-что в вену.

После укола все вокруг меня начало заволакиваться туманом. Вдруг я вспомнил про Пита и попытался сесть.

— Где Пит? Я хочу видеть Пита.

Белла взяла в ладони мое лицо и поцеловала.

— Там, там, милый. Он не смог прийти, разве ты не помнишь? Он остался с Рикки.

Я затих, и она объяснила остальным:

— Пит — это наш брат. У него заболела дочь.

Я начал засыпать.

Вскоре я почувствовал сильный холод, но не мог шевельнуться, чтобы натянуть одеяло…

5

Я пожаловался бармену на кондиционер — тот работал слишком хорошо, и все мы могли простудиться.

— Не имеет значения, — ответил он. — Вы не почувствуете холода, когда заснете. Спать. Спать… вечерняя дрема, чудесный сон.

У него было лицо Беллы.

— Хорошо бы выпить чего-нибудь горячего, вроде кофе с молоком, — сказал я. — И горячий блин с маслом.

— Сам ты блин! — ответил доктор. — Нечего ему валяться, поверните-ка его!

Я попытался зацепиться за бронзовую стойку табурета, но в этом баре не было бронзовых стоек, таких забавных, и я, плоский, очутился на спине, еще более забавный, и так лежал, пока меня обслуживала сиделка, натасканная на уход за безногими. У меня не было ног, иначе почему же я не зацепился за бронзовую стойку табурета? И рук тоже нет, обоих.

— Смотрите-ка, Мэй, у него нет рук!

Пит сидел у меня на груди и вопил.

Я снова был в армии, на учениях… в условиях, максимально приближенных к боевым, в одном из тех лагерей, где вам сунут лед за пазуху, чтобы разбудить, и знают кучу других идиотских шуток. Я поднимался на чертову гору, самую большую во всем Колорадо, и повсюду был лед, а у меня не было ног. Тем не менее, я тащил огромный тюк, самый большой изо всех — они прикидывали, нельзя ли заменить мулов солдатами, и ставили на мне опыт. Я не смог бы сделать ни шагу, если бы сзади меня не подталкивала маленькая Рикки.

Старший сержант, с лицом, совсем как у Беллы в ярости, обернулся ко мне:

— Эй, ты, вперед! Я не могу опаздывать по твоей милости. Мне наплевать, сделаешь ты это или нет… но пока делаешь — не смей спать.

Мои ноги больше не держали меня, и я упал в обжигающий холодом снег и заснул, а маленькая Рикки причитала, умоляла меня не спать. Но я уже заснул.

Я проснулся в постели Беллы. Она трясла меня, приговаривая:

— Просыпайся, Дэн! Я не могу ждать тридцать лет. Каждая девушка должна думать о своем будущем!

Я попытался встать, чтобы отдать ей чемоданчик с золотом, который стоял под кроватью, но она ушла… а потом «Горничная» с ее лицом схватила чемоданчик, положила его себе на панцирь и заметалась по комнате. Я попытался догнать ее, но у меня не было ног и, как оказалось, не было тела вообще.

У меня нет тела, и никто обо мне не заботится…

Мир состоит из старших сержантов и работы… и какая разница, где работать и как? Я позволил им снова взнуздать меня и опять полез вверх по ледяной горе. Это было все, что мне оставалось — взбираться к цветущей вершине, где мне, наконец, дадут вожделенный отдых и позволят заснуть. Но я никогда не доберусь туда… не было ни рук, ни ног, ничего.

Лес, покрывающий склон горы, загорелся. Снег не таял, но я, держась из последних сил, чувствовал, как на меня волнами накатывает жара. Старший сержант говорил, склоняясь надо мною:

— Просыпайся… просыпайся… просыпайся…

* * *

От его бормотания я не проснулся — только сильнее захотелось спать. Все, что было после, я помню довольно смутно: кажется, я лежал на столе, и он вибрировал подо мною, а вокруг были огни, какие-то штуки, здорово напоминающие питонов, и куча народу. А потом, уже на больничной койке, я проснулся. Чувствовал я себя довольно хорошо, если не считать какой-то расслабленности, словно после хорошей парной и массажа. У меня снова были руки и ноги. Никто со мной не заговаривал, а когда я сам попытался задать сиделке пару вопросов, она что-то сунула мне в рот. А потом меня снова начали массировать.

Наконец, в одно прекрасное утро, я проснулся настолько, что смог встать, совсем так же, как и обычно вставал, проснувшись. Накатило легкое головокружение, и ничего более. Я знал, что вся предыдущая бодяга мне просто приснилась.

Я знал, кто меня сюда поместил. Наркотизировав меня, Белла приказала мне забыть все ее свинство, но либо за тридцать лет анабиоза гипноз потерял силу, либо ее приказ не дошел до меня. Я немного путался в деталях, но основное

помнил хорошо — они, как говорят моряки, опоили меня и пустили в плавание.

Я особо не злился на них. Ведь это случилось только «вчера», всего лишь один сон назад — но этот сон длился тридцать лет. Я не могу точно описать это. Ощущение, оно слишком объективно. Память воспринимала это, как «вчера», а чувства — словно все это случилось давным-давно. Видели вы когда-нибудь, как телевизионщики одновременно показывают и туманный силуэт игрока, и общий вид стадиона? Вот и со мной происходило что-то в этом роде… сознательные воспоминания были в полной ясности, а вот эмоциональные реакции оказались неадекватны.

Я рад был пустить и Беллу, и Майлза на кошачьи консервы, но спешить с этим не хотелось. Это еще успеется — а сейчас мне не терпелось заглянуть в 2000 год.

Кстати о кошачьих консервах, а где Пит? Он должен быть где-то рядом, если старый бродяга перенес анабиоз. И тогда — только тогда — я вспомнил, что нас с Питом разлучили!

Я раздразнил Майлза и Беллу, и они приняли в отношении меня экстренные меры. Ведь они хотели убить моего кота, разве нет?

Похоже, они учинили кое-что похуже просто-

го убийства. Они обрекли его на одиночество… на растрачивание дней своих на блуждание по глухим дворам и на стычки — и жизнь его кончилась под знаком голода и презрения ко всем двуногим тварям.

Они позволили ему умирать — конечно, он не мог прожить так долго — в уверенности, что я бросил его.

Они заплатят за это… если только они еще живы. О, как я хотел застать их в живых — невыразимо хотел!

* * *

Тут я вспомнил, что стою у своей кровати, вцепившись в нее, дабы устоять на ногах, и что из одежды на мне только пижама. Я осмотрелся вокруг, раздумывая, как бы мне вызвать кого-нибудь. Больничные палаты за это время изменились мало. Окон не было, свет исходил бог весть откуда. Кровать была высокая и узкая — больничная койка; насколько я помню, они во все времена были такие. Но эта была предназначена не только для того, чтобы спать — там были разные хитрые приспособления, и «судно», похоже, составляло единое целое с кроватью. Все эти штуки меня не интересовали, я искал кнопку

вызова сиделки. Я хотел получить свою одежду.

Ничего похожего здесь не было, но затем я обнаружил клавиши на тумбочке, которая оказалась совсем не тумбочкой. Я нажал на одну из них, и на экране, расположенном рядом с изголовьем, появилась надпись: «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же она мигнула и сменилась другой: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ НЕМНОГО».

Вскоре дверь палаты бесшумно скользнула в сторону, и появилась сиделка. Сиделки тоже не изменились. Эта была в меру привлекательна и обладала хорошими манерами вымуштрованного сержанта. Поверх ее короткой прически была наколка. Одета она была в белую униформу непривычного покроя — она прикрывала совсем не те места, что в 1970 году. Впрочем, это во все времена можно было сказать о женской одежде вообще — даже рабочей. Непререкаемый тон обличал немалый стаж.

— Вы должны вернуться в постель!

— Где моя одежда?

— Вернитесь в постель. Немедленно!

— Послушайте, сестра, — урезонил я ее, — я ведь свободный гражданин старше двадцати одного года, не преступник. Я не хочу возвращаться в постель — и не вернусь. А теперь покажите мне,

где моя одежда, или я сам, в чем есть, отправлюсь искать ее.

Она смерила меня взглядом, потом быстро повернулась и вышла. Дверь за ней закрылась.

Это меня не беспокоило. Я начал изучать устройство замка, совершенно уверенный в том, что если один инженер смог придумать некий механизм, то другой непременно сможет его разгадать.

Но тут дверь снова открылась, и на пороге появился мужчина.

— Доброе утро, — сказал он. — Я — доктор Альбрехт.

Одет он был, словно негритянский ряженый в сочельник, но непринужденные манеры и усталые глаза были столь убедительно профессиональны, что я сразу поверил ему.

— Доброе утро, доктор. Я хотел бы получить свою одежду.

Он вошел в палату, и дверь позади него закрылась. Потом он сунул руку в складки одежды, достал пачку сигарет, выщелкнул одну, помахал ею в воздухе, сунул в рот, затянулся, и она загорелась. Спохватившись он протянул пачку мне.

— Угощайтесь.

— Гм… нет, спасибо.

— Возьмите, одна сигарета вам не повредит. Говорю вам, как врач.

Я помотал головой. Раньше я не мог работать, если рядом не было полной сигаретницы; пепельницы, полные окурков, и подпалины на чертежной доске были непременным атрибутом творческого процесса. А теперь от одного вида дыма я ощутил дурноту и удивился: неужели анабиоз отучил меня от привычки к никотину?

— Нет, не хочу, спасибо.

— Как знаете… мистер Дэвис, я шесть лет работаю здесь. Моя специальность — гипикология, воскрешение и все такое прочее. За это время восемь тысяч семьдесят три пациента вернулись с моей помощью из гипотермии к нормальной жизни — стало быть, вы — восемь тысяч семьдесят четвертый. Все проснувшиеся ведут себя странно, я имею в виду — странно для постороннего человека, а не для меня. Некоторые из них желают не просыпаться и кричат на меня, когда я пытаюсь их разбудить. Часть из них и в самом деле снова ложится в анабиоз, но это уже не моя забота. Некоторые, осознав, что билет у них был только в один конец, что возврата назад нет, начинают точить слезу. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и хотят, не медля ни минуты,

выйти на улицу.

— А почему бы и нет? Что я — заключенный?

— Вовсе нет. Правда, покрой вашей одежды устарел, но это уж ваше дело. А пока ее принесут, вы, может быть, расскажете, что это у вас за неотложное дело, которое не может подождать ни минуты… после того, как прошло тридцать лет? Именно столько вы были в гипотермии — тридцать лет. Это в самом деле так срочно? Или можно подождать до завтра? Или, хотя бы, до вечера?

Я начал было бормотать, что это крайне и чертовски срочно, но вскоре одумался и примолк.

— Возможно, что это не так уж и срочно.

— Тогда сделайте мне одолжение, возвращайтесь в постель. Позвольте мне осмотреть вас, съешьте завтрак и поговорите со мной, прежде чем рванете на все четыре стороны. Может, я смогу подсказать вам, в какую сторону лучше рвануть.

— Гм… ладно, доктор. Извините за беспокойство.

Я забрался в постель. Мне стало хорошо — оказалось, что я изрядно устал.

— Не спешите. Вы еще увидите, какими мы стали. Здесь же, прямо на потолке.

Он поправил на мне одеяло, потом наклонился

к тумбочке и сказал:

— Доктор Альбрехт в семнадцатой. Немедленно велите дежурному доставить сюда завтрак, гм… меню четыре-минус.

Потом он обернулся ко мне:

— Повернитесь-ка на живот и снимите пижаму. Я хочу пощупать ваши ребра. Пока я буду вас осматривать, можете задавать мне вопросы, если хотите.

Я попробовал размышлять, пока он тыкал мне в бока какой-то штукой, похожей на стетоскоп-недомерок. Если это был именно стетоскоп, то он был ничем не лучше прежних — такой же холодный и твердый.

О чем прикажете спрашивать, проснувшись после тридцатилетнего сна? Добрались ли они до звезд? Кто теперь делает политику? Научились ли выращивать детей в колбах?

— А что, док, в фойе кинотеатров все еще стоят машины для изготовления и продажи воздушной кукурузы?

— Вчера еще стояли. Но я давно ими не пользуюсь. Кстати, сейчас говорят не «кино», а «тактил».

— Вот как?! А почему?

— А вы попробуйте разок. Сами поймете. Только

покрепче держитесь за подлокотники. С проблемой объяснения терминов мы встречаемся каждый день и давно к этому привыкли. С каждым годом наш словарь изрядно дополняется и в смысле истории, и в смысле культуры. Это совершенно необходимо, ибо дезориентация ведет к культурному шоку. Раньше этому не придавали значения.

— Гм… пожалуй, так.

— Точно так. Особенно, в вашем случае. Тридцать лет.

— А тридцать лет — это максимум?

— И да, и нет. Самый длительный срок — тридцать пять лет. Это один из первых пациентов — он был охлажден в декабре 1965 года. Среди тех, кого я оживил, вы — рекордсмен. Но сейчас у нас есть клиенты с договорным сроком на полтораста лет. В ваши времена о гипотермии знали довольно мало и, честно говоря, им не следовало договариваться с вами на тридцать лет. Им здорово повезло, что вы остались живы. Да и вам тоже.

— В самом деле?

— В самом деле. Перевернитесь на спину, — он снова начал тыкать и щупать меня, потом продолжил: — Теперь мы знаем достаточно. Я берусь заморозить человека на тысячу лет, если бы

кто-нибудь взялся финансировать такой опыт… продержать его год при температуре, в которой пребывали вы, а потом резко охладить градусов до двухсот ниже нуля. И он будет жить. Я уверен. А теперь давайте проверим ваши рефлексы.

Все, что сказал доктор, мало меня развеселило.

— Сядьте и положите ногу на ногу, — предложил он. — Современным языком вы овладеете без особых трудностей. Конечно, сейчас я говорю с вами на языке 1970 года. Я до некоторой степени горжусь тем, что могу разговаривать на языке любого года. Все это я изучил под гипнозом. Что до вас, то вы будете говорить по-современному самое большое через неделю. В сущности, вы лишь увеличите свой словарный запас.

Я подметил, что он четыре раза употребил слова, которых в 1970 году не знали или вкладывали в них другой смысл, но счел нетактичным говорить ему об этом.

— Вот и все на сегодня, — сказал док. — Кстати, вас хотела повидать миссис Шульц.

— Как?

— Разве вы не знаете? Миссис Шульц утверждает, что она — ваш старинный друг.

— Шульц… Когда-то я и знал нескольких женщин с такой фамилией, но сейчас помню только

одну — мою учительницу в начальной школе. Но она, по-моему, давно умерла.

— Может быть, она легла в анабиоз? Ну, ладно, вы всегда сможете послать за ней, стоит вам только захотеть. Сейчас я прощаюсь с вами. Если почувствуете недомогание, я несколько дней полечу вас, а курс переориентации отложим. Я еще навещу вас попозже. А сейчас — двадцать три удачи, как говорили в ваши времена. Вот и дежурный принес ваш завтрак.

Я снова подумал, что в медицине он разбирается гораздо лучше, чем в лингвистике. Но тут я увидел дежурного, и мне стало не до доктора. Он вкатился, предупредительно объехав доктора Альбрехта, а тот, выходя из палаты, даже не посторонился.

Дежурный подъехал к кровати, установил прямо передо мной откидной столик и сервировал мне завтрак.

— Разрешите налить вам кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Честно говоря, я люблю очень горячий кофе и предпочитаю, чтобы его наливали в конце завтрака, но мне хотелось посмотреть, как это он сделает.

Я был восхищен и изумлен… ведь это был «Ум-

ница Фрэнк»! Конечно, не та модель, неуклюжая, собранная из чего попало, которую присвоили себе Майлз и Белла.

Он походил на первого «Фрэнка» не более, чем турбомобиль на первую безлошадную повозку. Но человек всегда узнает свою работу. Я создал базовую модель, и она неизбежно эволюционировала… это был правнук «Фрэнка», усовершенствованный, приглаженный — но одной с ним крови.

— А что дальше? — спросил я.

— Одну минуту.

Очевидно, я сказал что-то не то, ибо он полез внутрь своего туловища, достал листок прочного пластика и протянул его мне. От листка к его корпусу тянулась тонкая стальная цепочка.

Я взглянул на листок и прочел:

«Работяга».
Управляется голосом.
Модель XVII-а.

Внимание! Этот аппарат не понимает человеческую речь. Вообще не понимает, ибо он всего лишь машина. Для Вашего удобства у него предусмотрен блок ответа на нижеперечисленные приказания. Он

никак не реагирует на обычную речь или (если ваши слова ему «кажутся» знакомыми) предлагает Вам эту инструкцию. Пожалуйста, внимательно прочтите ее.

Спасибо за внимание.

Корпорация «Аладдин», производящая «Работягу», «Виллибэйба», «Чертежника Дэна», «Билла-строителя», «Зеленного хвата» и «Нэнси». Проектирование и консультации по вопросам автоматики.

Всегда к вашим услугам!

Фирменный знак изображал Аладдина с волшебной лампой и джинна.

Ниже был перечень простых приказаний — «Стой, иди, да, нет, медленнее, быстрее, подойди сюда, позови сиделку» и так далее. Еще там был небольшой список операций, которые выполняют специализированные модели для больниц, вроде растирания, причем о некоторых процедурах мне и слышать не приходилось. В конце списка было примечание: «Приказания на операции с номера 87 по 242 отдаются только работниками больницы и поэтому здесь не перечислены». Мой «Умница Фрэнк» управлялся кнопками, а не голосом. Не то, чтобы я не до-

думался до этого, просто система анализа речи весила и стоила бы больше, чем весь остальной «Фрэнк». Стало ясно, что прежде, чем я смогу вернуться к работе, мне придется здорово подучить все, относящееся к миниатюризации и упрощению систем. Кое-что я мог уяснить прямо сейчас — под рукой был «Работяга». Мне предстояла самая интересная в жизни работа, открывалась куча новых возможностей. Техника — искусство практическое, оно зависит не от таланта того или иного инженера, а от общего технического уровня общества. Железные дороги появились лишь тогда, когда пришло их время, и ни годом раньше. Вспомните бедного профессора Лэнгли — все силы своей души он отдал машине, которая должна была летать; он показал себя подлинным гением, но техника того времени не могла воплотить его мечты. Или возьмите великого Леонардо да Винчи — наиболее блестящие его изобретения были в те времена совершенно неосуществимы.

Итак, я предвкушал множество удовольствий.

Я отдал роботу листок с инструкцией, поднялся с постели и посмотрел на его «выходные данные». Я почти не сомневался, что среди всего прочего будет надпись «Горничные, Инкорпорейтед»; может быть, «Аладдин» был преемником

«Мэнникса». На пластинке было не так уж много данных: название модели, серийный номер, фабрика-изготовитель и прочее. Там же был список патентов, числом около сорока. Самый ранний — ого! — датировался 1970 годом… и почти наверняка был основан на моих чертежах и единственной модели.

Я отыскал в тумбочке карандаш с блокнотом и записал номер патента из чисто интеллектуального интереса. Даже если схема украдена у меня (а я был уверен, что это именно так), я ничего не мог бы сделать: патент был датирован 1997 годом, а срок давности в моем случае, если, конечно, патентное право не изменилось, истек в 1985 году. Я просто хотел знать правду.

У дежурного вспыхнула лампочка и он произнес:

— Меня вызывают. Могу я уйти?

— А? Ну, конечно. Двигай.

Он снова полез за инструкцией, и я поспешно поправился:

— Иди.

— Спасибо. До свидания, — сказал он, объезжая меня.

— Тебе спасибо.

— Не за что.

Отвечал он приятным, располагающим баритоном.

Я вернулся в постель и доел свой завтрак — он к этому должен был совсем остыть, но почему-то не остыл. Порция была явно рассчитана на какую-то птицу средней величины. Удивительно, но ее хватило и для меня, хотя я был очень голоден. Итак, впервые за тридцать лет я поел — за это время на Земле сменилось поколение. Это косвенно подтверждало меню — то, что я принял за копченую грудинку, оказалось жареными дрожжевыми полосками — национальным блюдом.

Но, несмотря на тридцатилетний пост, еда мало занимала меня, ведь вместе с завтраком они прислали газету — лос-анджелесскую «Таймс» за среду, 14 декабря 2000 года.

Формат газеты не изменился, а вот бумага стала не шероховатая, а глянцевая; иллюстрации были или цветные, или черно-белые, но стереоскопические — убей меня бог, если я понимал, как они это делали. Стереоизображение получалось без очков и прочих приспособлений. Помнится, в детстве я был совершенно очарован стереооткрыткой, рекламирующей свежемороженые продукты. Но та состояла из множества крошечных призм на довольно толстой пластиковой

бумаге, а здесь не было ничего, кроме тонкой бумаги и удивительно глубокого изображения.

Я решил просмотреть газету до конца. «Работяга» положил ее так, чтобы мне было хорошо видно первую страницу. Но я никак не мог перевернуть эту страницу — все листы словно смерзлись.

Наконец, я случайно коснулся верхнего правого угла листа. Он свернулся и отлетел. Очевидно, в этом месте заключалась некая хитрость. И другие страницы открывались легко и даже изящно — стоило мне коснуться верхнего правого угла. Добрая половина заголовков напоминала мне старые времена, навевала ностальгическую грусть: «Ваш гороскоп на сегодня», «Мэр на торжественном открытии нового бассейна», «Военные ущемляют свободу печати», «„Гиганты“ играют два матча подряд», «Внезапное потепление огорчает любителей зимнего спорта», «Пакистан предупреждает Индию» — и так далее в том же духе. Точно, как в мои времена.

Другие заголовки были незнакомы, но сами себя объясняли: «„Лунный Челнок“ столкнулся с Нилинидами — стационарная Суточная Станция пробита во многих местах, живых нет», «В Кейптауне линчевали четырех белых — ООН требует санкций», «Мамаши выступают за повышение

гонораров — они требуют, чтобы «любительниц» объявили вне закона», «Плантатора из штата Миссисипи обвиняют в нарушении закона о запрещении «Зомби» — защитник утверждает: „Его работники не были наркотизированы. Они тупы от рождения!“»

Что касается «Зомби», то я хорошо знал, что это такое… по собственному опыту.

Некоторые слова мне были совершенно непонятны. «Продолжалось выпадение «вогли». Еще три французских города были эвакуированы. Король приказал засыпать пораженные площади». Король? Ну ладно, французы сами себе хозяева, а вот что это за «санитарная пудра», которую они использовали против «вогли», что бы это значило? Может быть, что-то радиоактивное? Я надеялся, что они выбрали для расщепления безветренный день… лучше бы в третьей декаде февраля. Я уже подцепил однажды изрядную дозу — еще в армии, по милости одного инженера, болвана проклятого! До неукротимой рвоты не дошло, но пришлось посидеть на консервной диете, а это такое удовольствие — врагу не пожелаешь.

«Прибрежное отделение полиции Лос-Анджелеса оснащено лейколасами. Начальник

отделения предложил всем «сардинкам» убираться из города. „Моим людям приказано сначала стрелять, а уж потом устанавливать личность. Пора навести порядок.“»

Я дал себе слово держаться подальше от Побережья, пока не разберусь, что к чему. Мне не хотелось, чтобы в меня стреляли и устанавливали личность — тем более, «потом».

Ну, это так, к примеру. Я бегло просмотрел несколько статей, и только потом до меня начал доходить их смысл.

На меня повеяло родными ветрами: я увидел знакомые заголовки. Это были старые добрые объявления о рождении, смертях, женитьбах и разводах, правда, сейчас там встречались слова «обязательства» и «возвраты». Были там всякого рода списки. Я заглянул в список «воскресших» и нашел там свою фамилию. Это было приятно, вызывало чувство причастности.

Интереснее всего были объявления. Одно из них мне запомнилось: «Молодая привлекательная вдова, одержимая страстью к путешествиям, желает познакомиться со зрелым мужчиной таких же наклонностей. Намерение: двухгодичный брачный контракт».

«Горничная», ее сестры, кузины и тетки были

тут как тут, и товарный знак был тот же самый, который я некогда придумал для наших бланков — крепкая деваха с метлой. Я даже пожалел, что поспешил избавиться от своего пая в «Горничных, Инкорпорейтед». Похоже, что сейчас эти акции стоили бы больше, чем все мои активы. Нет, я правильно сделал. Если бы я оставил сертификат при себе, эта пара нечистых наверняка бы переделала передаточную подпись в свою пользу. Как бы то ни было, его получила Рикки, и если она при этом разбогатела — дай ей Бог — я не мог избрать лучшего наследника. Я дал себе слово первым делом, не откладывая, выяснить, что стало с Рикки. Она была всем, что осталось у меня в мире, тем более сейчас. Дорогая маленькая Рикки! Будь она на десять лет постарше, я бы и не взглянул на Беллу… и не обжегся бы.

Сколько же ей сейчас? Сорок… Нет, сорок один. Трудно представить, что Рикки может быть сорок один. Впрочем, это не так уж много для женщины даже в мое время — а, тем более, сейчас. Хотя иной раз невозможно отличить сорокалетнюю от восьмидесятилетней.

Что ж, если она богата, я позволю ей заказать мне выпивку, и мы выпьем за упокой души нашего Пита, забавного маленького создания.

А если что-то сорвалось, и она бедна, несмотря на мои акции, тогда, черт возьми, я женюсь на ней! Именно так. Я не посмотрю на то, что она старше меня на десять лет с небольшим. Такому недотепе, как я, обязательно нужен человек, который бы присматривал за мной и вовремя останавливал — и никто не смог бы сделать этого лучше, чем Рикки. В неполных десять лет она уже умела противостоять Майлзу и всему, что было связанно с ним, совершенно всерьез, с девичьей напористостью. И в сорок лет она должна быть такой же, только более зрелой.

Первый раз со времени моего пробуждения мне стало по-настоящему тепло в этой чужой стране. Рикки была ответом на все вопросы.

И тут внутренний голос сказал мне: «Послушай, болван, ты не сможешь жениться на Рикки — если она стала такой, какой обещала стать, то она уже лет двадцать, как замужем. У нее четверо детей… и старший выше тебя ростом… и конечно, муж, которого ты вряд ли очаруешь в роли старого доброго дяди Дэна».

Я слушал его с отвисшей челюстью. А потом слабо возразил: «Ну, ладно, ладно, я снова опоздал. Но я все равно найду ее. Не расстреляют же меня за это. В конце концов, только она — един-

ственная из всех — понимала Пита».

Я «перевернул» страницу, помрачнев от мысли, что потерял обоих — и Рикки, и Пита. А потом задремал прямо над газетой и проспал до тех пор, пока мой «Работяга» или его двойник не принес мне ленч.

Мне приснилось, что Рикки держит мою голову в своих ладонях и говорит:

— Все хорошо, Дэнни. Я нашла Пита, и мы вдвоем пришли к тебе. Правда, Пит?

— Мяааау!

* * *

Добавочный запас слов оказался весьма кстати, когда я взялся читать исторические обзоры. За тридцать лет много всего может произойти, но чего ради приписывать все к истории — ведь каждый, кроме меня, и так хорошо знает об этом? Я почти не удивился, узнав, что Великая Азиатская Республика вытеснила нас с южноамериканских рынков — это было предопределено Тайваньским договором. Еще менее меня удивило превращение Индии в лоскутное одеяло, вроде Балкан. Известие о том, что Англия стала провинцией Канады, ненадолго заняло меня. Я не стал читать о биржевой панике 1987 года: я не мог считать

трагедией то, что золото подешевело и больше не является эквивалентом денег, а сколько народу при этом разорилось, касалось меня еще меньше. Золото — замечательный технический металл, его можно применять, где угодно.

Прервав чтение, я начал размышлять, что можно сделать из дешевого золота при его высокой плотности, хорошей электропроводности, чудесной ковкости… и вскоре остановился, поняв, что сперва нужно прочитать техническую литературу. Во всяком случае, для атомщиков это было неоценимым даром. Да и для автоматики золото подходит лучше, чем любой другой металл — кстати, я был почти уверен, что «голова» у «Работяги» была битком набита золотом. Мне нужно было лишь найти себе работу и разузнать, что сделали в своих «конурках под лестницей» мои коллеги, пока меня не было.

Соутеллский Санктуарий не мог снабдить меня технической литературой, и я объявил доктору Альбрехту, что хочу поскорее выбраться в свет. Он пожал плечами, назвал меня идиотом и согласился. Я отказался даже переночевать, ибо совершенно устал от безделья и чтения книг с экрана.

На следующее утро, сразу после завтрака, мне

принесли современную одежду… которую я не смог натянуть на себя без посторонней помощи. Сама по себе она была не столь уж необычна (хотя мне сроду не приходилось носить фиолетовых брюк с бляшками), но вот с застежками я не мог совладать без посторонней помощи. Уверен, что мой дедушка с непривычки точно так же мучился бы с «молниями». Это был стиктайтовский шов-застежка. Я подумал, что надо бы кого-нибудь нанять помогать мне при раздевании, пока не понял, каким образом эта штука расстегивается. Застегивался он просто — достаточно было сжать края и они слипались, как разноименные полюса магнита.

Я попытался немного ослабить пояс, и он так перетянул меня, что захватило дух. Но никто надо мной не смеялся.

— Чем вы собираетесь заняться? — спросил доктор Альбрехт.

— Я? Сначала разживусь картой города. Потом найду себе ночлег. Потом буду читать книги по специальности… где-нибудь с год. Ведь я, док, — ископаемый инженер. И это меня совершенно не устраивает.

— Ммм… Ну что ж, желаю удачи. Гм… может, мне не стоило говорить об этом, пока я не справ-

люсь в страховой компании о ваших доходах, но не стесняйтесь позвонить мне, если придется туго.

Я вздернул голову.

— Спасибо, док. Вы — молодец. Я хотел бы отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня больше, чем положено по службе. Вы меня понимаете?

Он кивнул.

— Спасибо. Но все мои расходы оплачивает санктуарий.

— Но…

— Нет. Я не могу принять это от вас и давайте не будем говорить об этом.

Он пожал мне руку и добавил:

— До свиданья. Эта дорожка доведет вас до конторы. — Он помедлил. — Если начнете уставать — возвращайтесь. Согласно контракту, вы можете оставаться у нас еще четыре дня без дополнительной оплаты. Советую воспользоваться этим. Возвращайтесь, когда захотите.

— Спасибо, док, — усмехнулся я. — Можете держать пари, что я не вернусь — разве что повидать вас.

В конторе я представился регистратору, и он вручил мне конверт. Там была записка с теле-

фоном миссис Шульц. Я еще не разговаривал с нею — прежде всего, потому что не знал, кто она такая. Кроме того, в санктуарий к воскресшим никого не допускали, не разрешались и телефонные разговоры, кроме случаев, когда инициатива исходила от клиентов. Едва взглянув на записку, я сунул ее за пазуху, подумав при этом, что ошибся, сделав «Умницу Фрэнка» слишком умным. Регистраторами должны быть хорошенькие девушки, а не машины.

— Пожалуйста, пройдите сюда, — сказал регистратор. — Наш казначей будет рад увидеть вас.

Что ж, я тоже хотел его увидеть и поэтому пошел, куда мне указывали. Меня интересовало, сколько денег я заработал, пока спал, и я поздравил себя с тем, что в свое время вложил средства в акции, а не отдал их на «сохранение». Конечно, во времена Паники 1987 года мои акции упали в цене, но сейчас они должны были здорово подорожать. По меньшей мере, два моих пакета стоили сейчас кучу денег — это я вычитал в финансовом разделе «Таймс». Газету я взял с собой: мне хотелось проверить и другие пакеты.

Казначей был человек из плоти и крови и видом вполне соответствовал своей должности. Мы обменялись быстрым рукопожатием.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста.

— Добрый день, мистер Доути, — ответил я. — Наверное, я не отниму у вас много времени. Просто скажите мне, есть ли в вашем заведении представитель моей страховой компании? Или я должен обратиться в их контору?

— Пожалуйста, сядьте. Я должен вам кое-что объяснить.

Я уселся. Конторщик (снова старый добрый «Фрэнк») принес досье.

— Это подлинники ваших договоров. Желаете взглянуть?

Я очень желал взглянуть. Едва проснувшись, я скрестил на сердце пальцы — ведь Белле ничего не стоило подделать эти бумаги. Сертификаты подделать гораздо труднее, чем обычный чек, но ведь и Белла была неглупа.

Я с облегчением обнаружил, что все передаточные записи в порядке. Не было только контракта и документов, касающихся акций «Горничных». Скорее всего, Белла просто сожгла их, чтобы избежать щекотливых вопросов. Я придирчиво осмотрел дюжину строчек, где она изменила «Компанию Взаимного Страхования» на «Главную».

Нет слов, она была своего рода художником. Может быть, эксперт-криминалист, вооруженный стереомикроскопом и химикалиями, смог бы установить подделку, но мне это было не под силу. Удивительно, что ей это удалось — ведь документы такого рода печатались на бумаге, исключающей возможность подделки. Похоже было, что она обошлась без ластика — что ж, если один человек может схитрить, другой всегда может перехитрить его… а Белла была весьма ловка.

Мистер Доути покашлял. Я поднял глаза от бумаг.

— Можете вы сказать, сколько денег у меня на счету?

— Да.

— Тогда я спрошу одним словом: сколько?

— Мм… Мистер Дэвис, прежде чем мы займемся этим вопросом, я хотел бы обратить ваше внимание еще на один документ и одно обстоятельство. Вот контракт между нашим санктуарием и «Главной Страховой Компанией Калифорнии». Он касается вашего усыпления, сохранения и воскрешения. Прошу вас заметить, что плата за все внесена вперед. Это сделано и в наших, и ваших интересах — такое положение вещей

гарантирует вашу безопасность в то время, пока вы спите и совершенно беспомощны. А средства — все средства — находятся под наблюдением судебных исполнителей, причем четверть из них временно отчуждается, как залог.

— Ясно. Звучит хорошо.

— Так оно и есть. Это тоже защита интересов беспомощного человека. Итак, вы должны понять, что санктуарий — организация, не зависящая от вашей страховой компании, и ее контракт с вами — совсем не то, что ваш договор о помещении капитала.

— Мистер Доути, что мне причитается?

— Есть у вас что-нибудь помимо того, что вы доверили Страховой Компании?

Я призадумался. Некогда у меня был автомобиль… но Бог знает, что с ним случилось. Из Мохаува я не взял ничего, так что в будущее я отправился, имея за душой тридцать долларов наличными. Правда, я был одурачен. Книги, одежда, различные мелочи — я старался не обрастать ими — могли находиться где угодно, хоть у черта на рогах.

— Не только вагона, но и маленькой тележки не наберется, мистер Доути.

— Тогда… мне очень неприятно говорить вам

об этом, у вас нет ничего.

Голова у меня закружилась, я чуть не свалился со стула, но удержался.

— Как так? Ведь я вложил свои средства в чудесные предприятия. Они существуют и процветают. Вот здесь об этом прямо написано, — я достал утренний номер «Таймса».

Он покачал головой.

— Сожалею, мистер Дэвис, но никаких вкладов у вас нет. «Главная Страховая Компания Калифорнии» разорилась.

Я почувствовал слабость и мысленно поблагодарил его за то, что он предложил мне сесть.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет, нет. Это случилось во время краха группы «Мэнникс»... вы, конечно, не можете этого знать. Все произошло уже после Паники, но нельзя сказать, что Паника здесь ни при чем. «Главная Страховая Компания» устояла бы, но ее систематически обирали... грабили, грубо говоря. Если бы это было обычным хищением, можно было спасти хоть что-нибудь. А так — не осталось ничего, только пустая оболочка... и люди, которые сделали это. Им потом удалось скрыться в те страны, которые не выдают преступников. Гм... если это утешит вас хоть немного, скажу, что при

нынешних законах ничего подобного случиться не может.

Это ничуть меня не утешило, кроме того, я этому не поверил. Мой старик говаривал, что чем больше законов, тем больше жуликов. А еще он говорил, что мудрый человек должен быть всегда готов бросить свой багаж. Со мной такое случалось на удивление часто, я заслужил, чтобы меня называли мудрым.

— Гм… мистер Доути, а не знаете вы, что стало с Компанией Взаимного Страхования?

— Чудесная фирма. Им здорово досталось во время Паники, но они выстояли. А что, у вас с ними договор?

— Нет.

Я не стал ничего объяснять, это было ни к чему. Я никогда не был в Компании Взаимного Страхования, у меня никогда не было с нею договора. Я не мог подать в суд на «Главную»: что толку возбуждать дело против трупа?

Я мог возбудить дело против Беллы и Майлза — если они еще живы — но это было столь же глупо. У меня не было никаких доказательств.

Кроме того, я не хотел судиться с Беллой. С гораздо большим удовольствием я взял бы тупую иглу… и вытатуировал бы на видных местах ее

тела «не имеет законной силы». Тут я вспомнил, что она сделала с Питом. Честное слово, любое наказание было для нее слишком мягким.

Вдруг я вспомнил, что Белла и Майлз собирались продать «Горничных» группе «Мэнникс». Из-за этого меня и уволили.

— Мистер Доути, а вы уверены, что от «Мэнникса» ничего не осталось? Разве им не принадлежали «Горничные»?

— «Горничные»? Вы имеете в виду фирму, производящую бытовые автоматы?

— Да, именно ее.

— Едва ли это возможно. Нет, этого не может быть, ведь «Мэнникса», как такового, больше не существует. Конечно, я не могу утверждать, что между «Мэнниксом» и «Горничными» не было никакой связи. Но я не верю, что между ними было что-то серьезное, иначе бы я знал об этом.

Я прекратил расспросы. Было бы хорошо, если бы Майлз и Белла потерпели крах вместе с «Мэнниксом». Но, с другой стороны, если «Мэнникс» владел «Горничными», это должно было ударить по Рикки, причем не менее сильно. Главное, чтобы Рикки было хорошо, а на все прочее можно наплевать.

Я поднялся.

— Что ж, спасибо за все, мистер Доути. Пойду восвояси.

— Не торопитесь, мистер Дэвис… наша организация чувствует ответственность не только за букву контракта, но и за клиента. Вы, конечно, понимаете, что ваш случай — не первый в нашей практике. Наш совет директоров предоставил в мое распоряжение некоторые средства, чтобы клиенты на первых порах не испытывали нужды. Эти средства…

— Не надо благотворительности, мистер Доути. Но все равно, спасибо вам.

— Это не благотворительность. Заем. Своего рода заем. Поверьте мне, на таких займах мы почти ничего не теряем… и нам не хотелось бы, чтобы вы вышли отсюда с пустыми карманами.

Я обдумал это раз, другой. Я ведь даже не знал, сколько берут в парикмахерской за стрижку… а с другой стороны, занимать деньги — это все равно, что плавать с кирпичами в руках… и небольшой заем мне будет так же трудно вернуть, как миллион.

— Мистер Доути, — медленно проговорил я. — Доктор Альбрехт говорил, что я могу еще четыре дня валяться здесь в постели.

— Да, пожалуй, об этом написано в вашей кар-

точке. Но мы не выбрасываем людей на улицу даже после истечения договорного срока, если они не подготовлены.

— Рад слышать. А сколько стоит палата, питание и обслуживание?

— Гм… Но ведь это не гостиница, и мы не сдаем номера. Но мы и не больница — просто мы помогаем нашим клиентам войти в форму.

— Да, конечно. Но вы можете назвать хотя бы примерную стоимость?

— Мм… и да, и нет. Здесь довольно сложная арифметика: нужно учесть обслуживающий персонал, наблюдение, диетпитание и так далее. Я могу составить смету…

— О, не беспокойтесь. Сколько стоит помещение и питание?

— Это не совсем в моей компетенции. Пожалуй, около ста долларов в сутки.

— Я ухожу на четыре дня раньше. Можете вы ссудить меня четырьмя сотнями?

Он не ответил, но продиктовал своему механическому помощнику несколько цифр, а потом отсчитал мне восемь пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо, — искренне сказал я, забирая их. — Будь я проклят во веки веков, если задержусь

с возвратом. Обычные шесть процентов? Или больше?

Он покачал головой.

— Это не заем. Поскольку вы так захотели, я погасил эту выдачу, поставив ее против неиспользованного вами срока до конца пребывания здесь.

— О, мистер Доути, я же не хотел принуждать вас. Конечно, я готов…

— Не надо. Мой помощник уже зарегистрировал выдачу. Или вы хотите, чтобы у наших ревизоров заболела голова из-за каких-то четырех сотен долларов? Я приготовил для вас гораздо больше. Взаймы.

— Ну, ладно, — сдался я, — не буду спорить. Скажите, мистер Доути, а сколько стоят эти деньги? Какие сейчас цены?

— Мм… так сразу мне трудно ответить на это.

— Дайте мне хотя бы зацепку. Сколько стоит еда?

— Весьма немного. За десять долларов вам подадут весьма приличный обед, если вы позаботитесь выбрать ресторан средней руки.

Я поблагодарил его и ушел с действительно теплым чувством. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея; казначеи бывают

двух сортов: одни показывают вам параграф инструкции, согласно которому вы не можете получить того, что вам причитается; другие мусолят инструкцию до тех пор, пока не найдут параграфа, по которому вам причитается даже несколько больше, чем вы ожидали.

Доути относился к этой второй разновидности.

Санктуарий находился на Уилширской Дороге. Перед ним были разбиты клумбы, росли кусты, стояли скамеечки. Я присел на одну из них передохнуть и поразмыслить — куда мне пойти: на восток или на запад. Все-таки я был сильно потрясен, хотя и старался не обнаружить этого перед мистером Доути — денег в моем кармане должно было хватить на пропитание в течении недели.

Но солнце светило ярко, полосы Дороги приятно гудели, я был молод (по крайней мере, биологически), у меня были мои руки и голова на плечах. Насвистывая «Аллилуйя, я бездельник», я достал «Таймс» и просмотрел колонку найма.

Я подавил в себе порыв посмотреть раздел «Инженеры-профессионалы» и решил изучить спрос на неквалифицированную рабочую силу. Таких почти не требовалось. Я едва нашел этот раздел.

6

Работу я нашел через день, в пятницу, пятнадцатого декабря. Кроме того, я получил представление о нынешних законах и совершенно запутался во всем, что касалось слов, действий и ощущений. Я открыл для себя, что «ориентироваться» по книгам ничуть не лучше, чем изучать по книгам секс — на деле все совершенно по-другому.

Уверен, что мне было бы гораздо легче, окажись я в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе чужой страны я бы знал, что обычаи там совершенно другие, а в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно считал, что ничего не изменилось, хотя и видел перемены. Конечно, тридцать лет — пустяки. За свою жизнь человек видит гораздо больше перемен. Но не все разом.

Одно слово я по-наивности использовал неправильно, и все присутствовавшие при сем леди оскорбились. Только то, что я был Спящим — я поспешил объяснить им это — удержало мужчин от решительных действий. Я использую здесь это слово не как непристойность — для этого я

слишком хорошо воспитан — а для того чтобы объяснить, что во времена моего детства никто не писал его, озираясь, на тротуарах. Посмотрите его значение в старом словаре.

Это слово — «кинк».[10]

Над некоторыми словечками стоило пару раз подумать, прежде чем произнести их. Не то, чтобы они были табу, просто изменилось их значение.

Например, слово «хозяин» означало человека, укравшего вашу одежду. Отчего и почему — неизвестно.

Похоже, я опять отвлекся. Так вот, моя работа состояла в том, что я превращал новехонькие лимузины в металлолом, который потом отправлялся в Питсбург. Cadillac'и, Chrysler'ы, Lincoln'ы — самые шикарные, большие и мощные турбомобили всех сортов, не наездившие и километра. Их цеплял грейферный захват, а потом — трах! бах! тарах! — и готово сырье для домен.

Поначалу меня это возмущало — сам я пользовался дорогами, денег на автомобиль у меня не было. Я громко объявил о своих мыслях и чув-

---

[10] Примечания: 10

Kink — англ.: петля, узел, изгиб, перегиб; судорога, приступ удушья, далее — странность, ненормальность; заскок; ну а под конец — чудик, эксцентрик, извращенец.

ствах — и чуть было не лишился работы… Слава Богу, начальник смены вовремя вспомнил, что я из Спящих и в самом деле ни черта не помню.

— Это азбука экономики, сынок. Государство оплатило производство этих автомобилей, чтобы как-то поддержать цены. Они выпущены два года назад и никогда не будут проданы… И вот теперь правительство решило от них избавиться и продать как металлолом. Домны не могут работать на одной руде. Ты должен был знать это, хотя ты из Спящих. Кроме того, высокосортной руды не хватает, и спрос на металлолом все время растет. Эти машины нужны металлургам.

— Но зачем их вообще тогда выпустили, если знали, что их никто и никогда не купит? Это же расточительство!

— Это только с виду расточительство. Ты хотел бы, чтобы люди остались без работы? Чтобы упал жизненный уровень?

— Ну ладно, а почему бы их не продавать за границу? Там бы за них наверняка дали больше, чем здесь, когда они идут на металлолом.

— Что? — изумился начальник. — И взорвать экспортный рынок?! Кроме того, если бы мы начали продавать их по бросовым ценам за границей, на нас бы окрысились все — Япония, Франция,

Германия, Великая Азия, словом все. Представляешь, что бы случилось? Началась бы война. — Он перевел дух и вернулся к своим отеческим интонациям. — Сходил бы ты в библиотеку, взял пару книжек. Ты ничего не знаешь, у тебя неверные представления о многих вещах.

Я заткнулся. Я не стал говорить ему ни о том, что все свободное время проводил в библиотеках, ни о том, что был в свое время инженером — это было все равно, что прийти к Дюпону и сказать: «Сэр, я алхимик. Вам не нужен специалист моего профиля?»

И все-таки я вернулся к этой теме. Я заметил, что лишь немногие из этих автомобилей были способны ездить. Сработаны они были неряшливо, не хватало основных приборов или кондиционеров. Однажды я заметил, что зубья дробилки размалывают пустой, без мотора, капот и сказал об этом начальнику смены.

— Великий Юпитер! — ответил он. — Неужели ты, сынок, думаешь, что с этими машинами будет кто-то работать? Они были обречены на слом еще задолго до того, как сошли с конвейера.

Я снова заткнулся, теперь уже надолго. В технике я разбирался хорошо, а вот экономика всегда была для меня наукой почти мистической.

Зато у меня была куча времени для размышлений. Моя работа была совсем не тем, что я привык называть этим словом — все делал «Фрэнк» и его братья: обслуживали дробилку, двигали автомобили, взвешивали и убирали металлолом, вели учет. Мне же оставалось стоять на небольшой платформе (сидеть мне не дозволялось), держа руку на переключателе, который останавливал все и вся, если что-нибудь шло наперекосяк. Ничего такого ни разу не случалось, и я вскоре сообразил, что лишь дублирую одну из цепей — она тоже могла остановить всю работу и вызвать ремонтников.

Ну, ладно, в конце концов, эта работа приносила мне двадцать один доллар в день, давала мне хлеб насущный. Лиха беда начало.

После вычетов на социальное страхование, в профсоюз, подоходного налога, в больничную кассу и фонд взаимопомощи мне оставалось долларов шестнадцать. Мистер Доути явно перехватил, говоря, что обед стоит десять долларов. Этих денег хватало на три приличных обеда, если, конечно, вам не приспичит откушать настоящего мяса. Что до меня, то я вовсе не считал, будто выращенный в колбе бифштекс хуже гулявшего по пастбищу. Насчет настоящего мяса

поговаривали, что оно радиоактивное, так что я был вполне счастлив, потребляя суррогат.

С жильем дело обстояло похуже. Шестинедельная война обошла Лос-Анджелес стороной, и в него хлынула уйма беженцев (фактически, я тоже был одним из них, хотя в те времена себя таковым не считал), и никто из них, похоже, не собирался возвращаться к родным пенатам. Когда я заснул, население в городе, мягко говоря, было многочисленно, а уж теперь он был набит, словно дамская сумочка. Может быть, не стоило избавляться от смога — в шестидесятые годы не было лучше средства, чтобы выкурить людей из больших городов. А сейчас бежать стало не от чего.

В тот день, когда я вышел из Санктуария, у меня в мозгу сформировался список основных дел. Я должен был: 1) найти работу, 2) найти жилье, 3) обновить свои знания по специальности, 4) найти Рикки, 5) снова стать инженером, если это не выше человеческих сил, 6) найти Беллу и Майлза и решить, как с ними расправиться, не попадая при этом в тюрьму и 7) прочие дела помельче: отыскать исходный патент на «Работягу» и проверить, действительно ли в его основу был положен «Умница Фрэнк» (не то, чтобы это было самым основным, просто для примера), разузнать

историю «Горничных, Инкорпорейтед» и так далее, и тому подобное.

Я выстроил все свои дела по пунктам вовсе не потому, что собирался жестко придерживаться очередности, просто давным-давно, еще будучи инженером-первогодком, я понял, насколько это удобно. Естественно, исполнение одного пункта не мешало претворению в жизнь другого. К примеру, я надеялся отыскать Рикки, может быть, «Беллу и К°», и в то же время превзойти современную инженерию. Но есть вещи более важные и менее важные: сперва следовало найти работу, а уж потом охотиться, ибо доллары и в двухтысячном году оставались ключом ко всем дверям… и это становилось особенно ясно, когда их не было.

Когда в шести местах мне отказали, я счел за благо убраться в район Сан-Бернардино и попытать счастья там, благо ходу туда было всего десять минут. Еще мне надо было где-то переночевать, чтобы утром встать как можно раньше и быть первым в очереди на бирже труда.

Я занес свое имя в список ожидающих и пошел в парк. Что я еще мог сделать? Почти до полуночи я прогуливался по парку, чтобы согреться, а потом сдался — зимы в Лос-Анджелесе не субтропические. Я приютился на станции Уилширской

дороги… и часа в два ночи меня замели вместе с прочими бродягами.

Тюрьмы изменились в лучшую сторону. Там было тепло, и тараканов, похоже, всех вывели.

Вскоре нас всех вызвали из камеры. Судья оказался молодым парнем. Он даже глаз не поднял от газеты, объявляя:

— Все по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать суток или освобождение под залог. Следующих.

Нас начали выталкивать, но я не двинулся с места.

— Одну минутку, судья…

— Что? Вы чем-то недовольны? Виновны вы или не виновны?

— Гм… я, право, не знаю, ибо мне неведомо что я такого сделал. Видите ли…

— Вы хотите обратиться к адвокату? Я помогу вам связаться с ним, и он может опротестовать мое решение. Срок апелляции — шесть дней с момента вынесения приговора… это ваше право.

— Гм… не знаю. Может быть, я выберу освобождение под залог, хотя не уверен, что мне этого хочется. Чего я на самом деле хочу, так это получить от вас совет, если вы будете так добры.

Судья сказал приставу:

— Выводите остальных, — потом повернулся ко мне. — Бросьте. Мой совет вам наверняка не понравится. Я довольно давно на этой должности и до тошноты наслушался слезливых историй.

— Честное слово, сэр, от моей вас не стошнит. Видите ли, я только вчера вышел из Санктуария…

Он оглядел меня с искренним отвращением.

— А, так вы один из этих… Хотел бы я знать, о чем думали наши деды, сбрасывая своих подонков на наши головы. Они, наверное, считали, что нам будет недоставать людей… особенно тех, кто и в свое время немного стоил. Хотел бы я отправить вас обратно в ваш затертый год, чтобы вы объявили там всем и каждому, что будущее отнюдь не усеяно золотом, — он вздохнул. — Хотя, я уверен, что толку от этого было бы мало. Ну ладно, что вы от меня хотите? Дать вам еще шанс? Но ведь не пройдет и недели, как вы снова очутитесь здесь.

— Не думаю, судья. У меня достаточно денег, потом я найду работу и…

— Вот как? Так почему же, если у вас есть деньги, вы бродяжничаете?

— Мне даже слово-то это незнакомо!

Я пустился в объяснения. Когда я упомянул о том, что меня обчистила «Главная» он резко переменил свое отношение ко мне.

— Свиньи этакие! Они и мою мать обманули, а ведь она платила взносы почти двадцать лет. Что же вы раньше об этом не сказали?

Он достал карточку, что-то написал на ней и сказал:

— Отнесите это в контору по использованию трудовых ресурсов. Если они не найдут для вас работы, приходите ко мне после полудня. Только не бродяжничайте больше. Это не только порочно и преступно, но и опасно: можно нарваться на зомби-вербовщика.

Вот так я сподобился крушить новенькие автомобили. Я не ошибся, поставив поиски работы на первое место. Человеку со счетом в банке везде рады — даже полицейские его не трогают.

Кроме того, в западной части Лос-Анджелеса, которую еще не затронула Большая Стройка, я нашел приличную и недорогую комнату. Похоже, что раньше она называлась встроенным шкафом.

Мне не хотелось бы, чтобы вам показалось, будто двухтысячный год нравился мне меньше, чем 1970-й. Этот год мне нравился, равно как и

2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения. Несмотря на приступы острой ностальгии, я считал, что Большой Лос-Анджелес начала третьего тысячелетия — самое замечательное место из всех, где мне довелось побывать. Весь он был крепкий, деятельный и очень чистый, хотя и был наводнен техникой… и разросся до титанических размеров. План Большой Стройки радовал сердце любого инженера. Если бы еще городские власти смогли лет на десять приостановить иммиграцию, они живо бы справились с жилищной проблемой. Но, поскольку такой возможности не было, им приходилось делать все возможное, мирясь с толпой, что валом валила со стороны Сьерры. Кстати, возможности их (то есть властей) были невероятно огромны, и даже неудачи — величественны.

Честное слово, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда люди победили простуду, и никто больше не маялся насморком. Мне это говорило больше, чем исследовательская колония на Венере.

Две перемены меня поразили больше всего — одна большая, даже великая, другая маленькая. Великая — это, конечно, открытие антигравитации. Еще в 1970 году мне приходилось слышать

об экспериментах с гравитацией в Бэбсоновском институте, но я не думал, что из этого чего-нибудь получится. Так оно и вышло — теоретическое обоснование антигравитации разработали в Эдинбургском университете. Еще в школе я привык думать, что с гравитацией ничего нельзя поделать, потому что она — свойство самого пространства. Так вот, они просто изменяли пространство. Локально и временно, как раз настолько, чтобы сдвинуть что-нибудь тяжелое. Пока это было возможно только на матушке-Земле, так что для космических полетов не было никакой пользы, но я готов был держать пари, что в 2001 году антигравитация выйдет в космос. Я узнал, что для подъема тела нужно приложить довольно много энергии, да и для спуска — тоже. Кроме того, часть энергии шла на поддержание тела в воздухе. А вот на движение в горизонтальной плоскости, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, энергии совсем не требовалось — груз скользил куда угодно, словно конькобежец на длинной дистанции.

Здорово!

Я попытался изучать теорию гравитации, но продраться сквозь дебри математики оказалось выше моих сил. Собственно, инженер не обязан

быть матфизиком, он должен знать предмет достаточно хорошо, но лишь настолько, насколько это касается практического использования — то есть, помнить рабочие характеристики. А на это моих способностей хватало.

«Маленькая перемена», о которой я заикнулся, касалась женской моды. Меня не шокировало, что на пляжах 1970 года люди загорали, в чем мать родила. Но от того, что нынешние дамы выделывали при помощи шва, у меня отвисала челюсть.

Мой дед родился в 1890 году, и я уверен, что некоторые фасоны 1970 года подействовали бы на него так же.

Но мне нравился этот крепкий новый мир, и я надеялся найти в нем счастье после стольких лет одиночества. Я был вне общества. Временами (обычно это случалось среди ночи) я был рад поменять все вокруг на моего дикого кота, на возможность повести маленькую Рикки в зоопарк, после обеда… или на дружбу Майлза, дружбу тех времен, когда мы вместе работали и вместе надеялись.

Но на дворе было начало 2001 года, и я не собирался отступать — мне не терпелось бросить мою нынешнюю работу и вернуться к чертежной

доске. Много, чертовски много вещей, считавшихся невероятными в 1970 году, стали вполне возможными, и я хотел заняться своим настоящим делом, спроектировав несколько дюжин новых приборов.

Например, я ожидал, что уже существуют автоматические секретари — я имею в виду машины, которым можно диктовать, а на выходе получать, скажем, деловое письмо с правильной орфографией и пунктуацией, и все это — без участия человека в промежуточных операциях. Но сейчас такого не было. Единственный аппарат такого рода был рассчитан на фонетический язык типа эсперанто, и уж конечно, не смог бы написать ни одного английского слова.

Трудно было ожидать, чтобы люди в угоду изобретателю изменили традициям родного языка. Придется Магомету идти к горе. Если уж девицы-старшеклассницы с трудом усваивают английскую орфографию, то что вы хотите от машины?

Проблема считалась неразрешимой. Нельзя было снабдить машину человеческим восприятием и здравым смыслом.

Но ведь патенты для того и существуют, чтобы их выдавали тем, кто решил «неразрешимую

проблему».

Элементы памяти, современные возможности миниатюризации плюс дешевое золото, чудесный технический металл — и всю систему анализаторов звука можно поместить в кубическом футе… при этом машина сможет «запомнить» на слух весь словарь Уэбстера. Но этого и не требовалось; вполне хватило бы и десяти тысяч слов. Какая стенографистка знает слово «курбаш»[11] или «пирофилит»?[12] Такие слова придется диктовать по буквам. Значит, машина должна воспринимать и такой вид диктовки, если это потребуется. А еще нужен звуковой код для знаков препинания… для указания формата, шрифта, интервалов, количества копий… и нужен резерв памяти, по меньшей мере, на тысячу специальных терминов, чтобы покупатель мог сам разместить их там, дабы не произносить каждый раз по буквам.

Все было просто. Оставалось скомпоновать имеющиеся в продаже блоки и изготовить промышленный образец. Но главной проблемой оказались омонимы.

---

[11] Примечания: 11
Курбаш — арабская ременная петля.

[12] Примечания: 12
Пирофилит — минерал.

«Стенографистка Дейзи» не заржавеет, если придется напечатать скороговорку — ведь там все слова звучат по-разному. Но вот с омонимами ей придется туго.

Однако, в любой публичной библиотеке должен быть словарь английских омонимов. Да, он там был… и я взялся подсчитывать пары и ряды, пытаясь с помощью теории информации и статистики выделить только те, без которых нельзя обойтись. Нервы мои начали сдавать. Тридцать часов в неделю совершенно бесполезной работы тяготили меня, к тому же библиотека — не лучшее место для серьезной инженерной работы. Мне нужны были чертежное ателье, мастерская, чтобы испытывать образцы, каталоги деталей и узлов, имеющихся в продаже, специальные журналы, калькулятор и все такое прочее.

Я твердо решил поискать другую работу, пусть даже не по специальности, но хотя бы около нее. Я был не настолько глуп, чтобы думать, будто снова стал инженером — слишком многого я не знал. Можно было спроектировать новую машину, но с риском обнаружить потом, что десять-пятнадцать лет назад кто-то уже решил эту проблему, причем изящнее, лучше и дешевле, чем я.

Мне нужно было поступить в какую-нибудь

техническую контору, чтобы кожей впитывать новую информацию. Я считал, что вполне гожусь на должность младшего чертежника.

Я уже знал, что для черчения сейчас используют полуавтоматические устройства. Мне довелось видеть их чертежи. У меня было предчувствие, что при случае я минут за двадцать разберусь, как они работают. Они здорово напоминали разработку, пришедшую мне в голову тридцать лет назад, и мотивы изобретения наверняка были такими же: ненависть к старомодной доске с рейсшиной и надежда присобачить к ней пишущую машинку. Помнится, я хорошенько продумал, как, стуча по клавишам, наносить на чертеж любые линии и в любом месте.

Во всяком случае, я мог быть уверен, что этот прибор не украден у меня. Уверен в той же степени, как и в том, что «Фрэнк» у меня был бессовестно украден — ведь моя чертежная машина существовала только в виде отрывочных рассуждений. Кому-то пришла в голову та же идея, и он развил ее. Настало время чертежных автоматов — и они незамедлительно появились.

Конструкторы «Аладдина», той самой фирмы, что выпускала «Работягу», создали «Чертежника Дэна», одну из лучших машин этого рода.

Я разорился на новый костюм и новый «кейс». Последний набил старыми газетами и явился в торговый салон «Аладдина», изображая потенциального покупателя. Я попросил продемонстрировать чертежный автомат в работе.

Увидев «Чертежника Дэна», я обмер. Психологи называют такое явление «deja vu» — «уже виденное». Чертов прибор был точно таким, каким его сделал бы я, если бы меня насильно не отправили спать!

Не спрашивайте, отчего я так в этом уверен. Человек всегда узнает свой стиль работы. Искусствовед безошибочно определяет манеру письма Рубенса или Рембрандта по композиции, светотени и дюжине других признаков. Проектирование — тоже искусство: любую задачу можно решить разными способами. У каждого конструктора есть «своя манера», и он узнает ее так же уверенно, как живописец свою картину.

«Чертежник Дэн» был сделан настолько «по-моему», что я даже расстроился. Поневоле поверишь в телепатию.

Я пожелал узнать номер исходного патента и не удивился, когда мне сказали, что он был выдан в 1970 году. Я решил разыскать изобретателя. Это мог быть кто-нибудь из моих учителей, от кото-

рых я, собственно, и усвоил свой стиль, или кто-то из инженеров, с которыми я вместе работал.

Изобретатель мог быть еще жив. Если так, то в один прекрасный день я разыщу его… и познакомлюсь с человеком, чей мозг работал синхронно с моим.

Я набрался наглости и позволил продавцу показать мне, как обращаться с машиной. Ему не пришлось долго объяснять — мы с «Чертежником Дэном» были созданы друг для друга. Минут через десять я управлял прибором лучше, чем любой из продавцов. Наконец, скрепя сердце, я оторвался от «Дэна» и, получив проспект с ценами, скидками и перечнем дополнительного оборудования, ушел, пообещав продавцу вскоре позвонить — в тот самый момент, когда он уже был готов получить от меня подписанный чек. Это был подлый обман, но, в конце концов, я отнял у него не более часа.

Из салона я отправился на головной завод «Горничных, Инкорпорейтед» — искать работу. Я уже знал, что ни Беллы, ни Майлза там больше нет. Все время, что у меня оставалось от работы и наверстывания того, что я проспал, я тратил на поиски Беллы, Майлза и, особенно, Рикки. Никто из них не значился в числе абонентов те-

лефонной сети ни в Большом Лос-Анджелесе, ни в Соединенных Штатах вообще — за эту информацию национальное бюро в Кливленде содрало с меня как за четверых, ведь Беллу разыскивал я под двумя фамилиями: Джентри и Даркин.

Список избирателей округа Лос-Анджелес тоже ничего не дал.

«Горничные, Инкорпорейтед» в письме, подписанном семнадцатым вице-президентом, в чьи обязанности, наверное, входило отвечать на дурацкие вопросы, осторожно сообщала, что служащие с такими фамилиями работали в корпорации тридцать лет назад, но сейчас корпорация не располагает никакими сведениями о них.

Розыск тридцать лет спустя — работа не для любителя, тем более, небогатого. Будь у меня дактилограммы, я бы мог обратиться в ФБР. У меня же не было ни одной зацепки. Моя Благословенная Отчизна еще не дошла до того, чтобы заводить досье на каждого своего гражданина. Но уж если бы такие досье и были, я наверняка не получил бы к ним доступа.

Сыскное агентство, субсидированное должным образом, наверняка смогло бы отыскать их след, опираясь на косвенные данные, газетные

статьи и бог знает, что еще. Но я не мог никого субсидировать должным образом, а на то, чтобы заняться розысками самому, у меня не было ни способностей, ни времени.

Наконец, я плюнул на Майлза и Белл, но пообещал себе с первых же больших денег нанять профессионалов и бросить их на поиски Рикки. Я решил не искать ее среди акционеров «Горничных Инкорпорейтед» и обратился в Американский банк с просьбой сообщить, открывали ли они счет на ее имя. В ответ я получил официальное письмо, в котором меня уведомляли, что сведения такого рода хранятся в секрете. Я написал им снова, сообщив, что был в анабиозе, и что она — единственная моя родственница. Вскоре пришло вежливое письмо, подписанное одним из иерархов банка: он сожалел, что не может сообщить сведения даже родственнику и даже в таких исключительных обстоятельствах; извинился, что вынужден дать мне отрицательный ответ, но сообщил, наконец, что ни одно отделение банка никогда не открывало счета на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Это могло означать только одно. Каким-то образом стервятники умудрились отнять у маленькой Рикки ее деньги. Деньги должны были пройти

через Американский Национальный банк и дождаться там Рикки. Но что-то сорвалось! Бедная Рикки. Нас обоих обокрали!

Но кое-что я все-таки нашел. В архиве Департамента Просвещения была отмечена ученица по имени Фредерика Вирджиния Джентри. Но названную ученицу забрали из школы в Мохауве в 1971 году. Куда — неизвестно.

Кто-то где-то подтверждал, что Рикки в принципе, существовала — меня и это утешило. Но она могла перевестись в любую из многих тысяч школ в Соединенных Штатах. Сколько времени понадобится, чтобы написать в каждую из них. Предположим, где-то найдутся сведения о Рикки, но знают ли школьные чиновники, где она, и имеют ли право сообщать эти сведения кому бы то ни было?

Маленькая девочка затеряется среди четверти миллиарда людей легче, чем камешек на дне океана.

Поиски мои провалились, зато, узнав, что Майлз и Белла не числятся в «Горничных, Инкорпорейтед», я решил сам устроиться туда. Я мог выбрать любую из сотен фирм, занимающихся автоматикой, но «Горничные» и «Аладдин» занимали в своей области такое же положение,

как Ford и «Дженерал Моторс» в своей области во времена расцвета автомобильного производства. Была и еще одна причина, чисто сентиментального свойства — мне хотелось посмотреть, что стало с моим старым детищем.

Пятого марта 2001 года, в понедельник, я пришел в бюро найма, встал в очередь к клерку, заполнил дюжину анкет, никак не связанных с инженерией и еще одну, связанную… и мне сказали: не звоните нам, мы сами вам позвоним.

Я не отступился и сподобился предстать перед очами заведующего бюро. Он неохотно просмотрел единственную путную анкету и объявил, что моя профессия ничего не значит, ибо с тех пор прошло тридцать лет.

Я объяснил, что пролежал все эти годы в анабиозе.

— Это еще хуже, — ответил он. — Мы не нанимаем людей старше сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти. Мне только тридцать.

— Извините, но вы родились в тысяча девятьсот сороковом году.

— А что же мне теперь делать? Пойти и застрелиться?

Он пожал плечами.

— На вашем месте я попросил бы работу по возрасту.

Я поспешил выйти, прежде чем сформулировал достойный ответ. Затем прошел три четверти мили до главного входа и вошел. Генерального Директора звали Кертис. Я объявил, что желаю встретиться с ним.

Двух первых клерков я оставил позади, просто объяснив, что у меня есть дело к директору. «Горничные, Инкорпорейтед» не пользовались своими клерками-автоматами, здесь предпочитали плоть и кровь. Всеми правдами и неправдами я, наконец, пробился к двойным дверям, что вели, как мне казалось, в кабинет босса, и здесь натолкнулся на главную цербершу. Она пожелала узнать суть моего дела.

Я огляделся по сторонам. В большом зале было человек сорок живых людей и столько же машин.

— Ну? — резко спросила она. — Выкладывайте ваше дело, и я доложу о нем секретарю мистера Кертиса.

Громко, чтобы слышали все, я сказал:

— Мне хотелось бы знать его дальнейшие намерения относительно моей жены!

Шестьдесят секунд спустя я был уже в кабинете

босса. Он поднял глаза от бумаг.

— Ну? Какого черта вам нужно?

Понадобилось полчаса времени и кое-какие документы, дабы убедить его, что никакой жены у меня сроду не было и что я — основатель фирмы.

Тут появились сигареты, выпивка, разговор стал совершенно дружеским. Меня познакомили с коммерческим директором, главным инженером, начальниками отделов.

— Мы считали, что вы умерли, — признался Кертис. — Так говорится в официальной истории нашей компании.

— Это всего лишь слухи. Меня спутали с каким-то другим Д.Б.Дэвисом.

— Чем вы сейчас заняты, мистер Дэвис? — осведомился Джек Гэлви, коммерческий директор.

— Ничем особенным. Я занят… гм… в автомобильном бизнесе. Но собираюсь в отставку. А почему вы спрашиваете?

— Почему?! Разве это не очевидно? — он повернулся к главному инженеру, мистеру Мак-Би. — Слыхали, Мак? Все вы, инженеры, одним миром мазаны: не видите своей выгоды, даже когда она сама вешается вам на шею. ПОЧЕМУ? Потому что вы — клад для нас! Вы — сюжет для романа «Основатель фирмы восстает из могилы к своему

детищу! Изобретатель первого робота-слуги видит плоды своего гения!»

— Подождите минутку, — прервал его я. — Я же не рекламный манекен и не восходящая звезда. Я люблю уединение. Я не за этим шел сюда. Я пришел сюда работать… инженером.

Мистер Мак-Би поднял брови, но ничего не сказал.

Некоторое время мы спорили. Гэлви пытался доказать, что я обязан помочь фирме, которую основал. Мак-Би говорил мало, но было ясно, что он не считает меня подарком своему отделу. Между прочим, он спросил, что я знаю о проектировании стереоцепей, и мне пришлось признаться, что все мои познания почерпнуты из популярной литературы.

Наконец, мистер Кертис предложил компромисс:

— Послушайте, мистер Дэвис. Ваше положение совершенно особое. Одно можно сказать, вы основали не только эту фирму, а целую индустрию. Но, как верно намекнул мистер Мак-Би, с тех пор эта индустрия ушла далеко вперед. Считайте, что вы приняты в штат фирмы на должность… гм… заслуженного инженера-исследователя.

— А что это будет означать? — заколебался я.

— Все, что захотите. Честно говоря, я надеюсь, что вы, кроме всего прочего, будете сотрудничать с мистером Гэлви. Мы не только производители, но и торговцы.

— Гм… а проектировать я смогу?

— Как пожелаете. У вас будет все, что нужно, и вы сможете делать все, что захотите.

— Все, что нужно?!

Кертис посмотрел на Мак-Би.

— Конечно, конечно… — поспешно подтвердил главный инженер. — Естественно, в разумных пределах…

Он говорил на шотландском диалекте, и я еле понимал его.

— Мы все устроим, — живо вмешался мистер Гэлви. — Простите, босс, можно я заберу мистера Дэвиса. Нужно щелкнуть его рядом с первой моделью «Горничной».

Что он и сделал. Я рад был увидеть ее… самую первую модель, в которую я вложил столько сил и души. Я хотел взглянуть, работает ли она, но мистер Мак-Би не позволил мне включать ее — похоже, он все еще не верил, что я умею с ней обращаться.

* * *

Март и апрель слились в один медовый месяц. У меня было все, что я хотел: инструменты, специальные журналы, торговые каталоги, библиотека, «Чертежник Дэн» («Горничные, Инкорпорейтед» предпочитали пользоваться моделью «Аладдина») и инженерная трепотня… музыка для моих ушей!

Ближе всех я сошелся с Чаком Фриденбергом, первым заместителем главного инженера. По-моему, Чак был единственным настоящим инженером. Все прочие были просто хорошо выдрессированные механики… в том числе и Мак-Би — для того, чтобы стать инженером нужно нечто большее, чем диплом и шотландский акцент. Позже, когда мы сошлись с Чаком еще ближе, он признался, что питает к главному инженеру те же чувства.

— Мак и правда боится всего нового. Будь его воля, он бы работал теми же методами, что и его дедушка в копях Клайда.

— Что же он делает на своей должности?!

Подробностей Фриденберг не знал. Кажется, раньше существовала фирма-производитель, которая брала напрокат патенты (мои патенты)

у «Горничных Инкорпорейтед». Лет двадцать назад фирмы слились, и новая приняла имя той, что я основал. Чак думал, что Мак-Би был нанят именно тогда.

— Для пущей важности, должно быть, — добавил он.

Мы с Чаком частенько просиживали вечерами за кружкой пива, обсуждая технические проблемы, дела фирмы и все такое прочее. Его особенно интересовало все, что относилось к Спящим. Этим интересовались многие, причем интерес был какой-то нездоровый (как если бы мы были уродами). Поэтому я предпочитал помалкивать об анабиозе. Чак — другое дело, он был очарован самой идеей прыжка во времени, тем, что есть люди, для которых то время, когда они родились, было «только вчера».

В награду он всегда был готов консультировать мои технические идеи и откровенно указывал мне (а это случалось частенько) на то, что устарело в 2001 году от Рождества Христова. Под его дружеским руководством я быстро наверстывал упущенное, становясь современным инженером.

Но когда я обрисовал ему в общих чертах идею автосекретаря, он озабоченно спросил:

— Дэн, ты занимался этим в рабочее время?

— Гм… нет, а что?

— Что написано в твоем контракте?

— Что? Но у меня нет контракта!

Кертис просто вставил меня в платежную ведомость, а Гэлви только и знал, что меня фотографировать. Кроме того, он был штатной тенью писаки, который уже извел меня своими идиотскими вопросами, вот и все.

— Мм… На твоем месте, друг мой, я бы ничего не предпринимал, пока не достигну твердого положения в фирме. Твой прибор — и в самом деле новинка. И я думаю, ты сможешь сделать его.

— Целиком с тобой согласен.

— Отложи его на время. Ты же знаешь, чем занимается наша фирма. Она делает деньги и выпускает хороший товар. Но все новинки последних десяти лет мы выпускаем по лицензии. Я ничего не могу сделать минуя Мака. А ты можешь наплевать на него и рвануть прямо к боссу. Но если ты не хочешь продешевить, не отдавай это фирме… по крайней мере — сейчас.

Я внял его совету: продолжал проектировать автосекретаря, но сжигал все чертежи. Мне они были не нужны — я помнил их до последней черточки. Виноватым я себя не чувствовал: ведь меня наняли не как инженера, а как витринный

манекен для Гэлви. Когда он выжмет меня досуха, они заплатят мне за месяц вперед, скажут «спасибо!» и выставят за дверь.

К этому времени я должен стать настоящим инженером, чтобы открыть собственную контору. Если Чак захочет, я возьму и его.

Джек Гэлви не стал размениваться на газеты — он хотел пристроить мою историю в общенациональные журналы, вроде «Лайф», и увязать ее с успехами фирмы за прошедшие тридцать лет. «Лайф» наживку не взял, но Джек умудрился пристроить меня, вместе с рекламой, в другие журналы.

Я начал подумывать о том, чтобы отпустить бороду — тогда меня никто не узнает.

Я получал множество писем. Один из моих корреспондентов сообщал мне, что я буду вечно гореть в аду за то, что пошел против Божьего начертания. Я наплевал на это: если бы Бог имел относительно меня другие планы, он бы искоренил анабиоз в зародыше. Резоны такого рода меня мало трогали.

Во вторник, 3 мая 2001 года, мне позвонили.

— Вас спрашивает миссис Шульц. Вы будете говорить с ней?

Шульц? Дьявольщина! Я же обещал Доути, что

разберусь с ней. Я все время откладывал, будучи уверен, что она — одна из тех зараз, что пристают к бывшим Спящим и изводят их вопросами.

Доути сообщил, что в октябре она звонила несколько раз, пыталась узнать мой адрес, но неизменно получала отказ. — «Ладно, — подумал я. — Поговорю с ней, чтобы она не докучала Доути».

— Соедините, — сказал я вслух. — Это Дэнни Дэвис? — раздалось из трубки. Экрана у моего телефона не было, так что видеть она меня не могла.

— Говорите. Ваша фамилия — Шульц?

— Ох, Дэнни, как я рада снова слышать твой голос!

Я молчал.

— Ты не узнаешь меня?

Я узнал ее. Это была Белла Джентри.

7

Мы договорились встретиться.

Первым моим порывом было послать ее ко всем чертям и бросить трубку. Но я не поддался ему: это была бы детская месть, и она не вернула бы мне Пита. Достойное же отмщение кончилось бы для меня тюрьмой. Я бросил искать Беллу и Майлза, но частенько о них думал.

А Белла почти наверняка знала, где сейчас Рикки. И я согласился встретиться с нею.

Она предложила вместе пообедать, но я отказался. Я не очень щепетилен, но всегда считал, что совместная еда — занятие для друзей. Я согласился встретиться с нею, но не есть и не пить. Я спросил у нее адрес и сказал, что буду к восьми часам вечера.

Она жила в одной из дешевых меблирашек, до которых еще не добралась Большая Стройка. Теперь я мог быть уверен, что она никуда от меня не денется.

Но стоило мне ее увидеть, и я понял, что любая моя месть опоздала: время и она сама справилась с этим лучше меня.

Ей было не меньше пятидесяти трех, если судить по тому, что я помнил, а, скорее всего, около шестидесяти. Благодаря успехам геронтологии и эндокринологии, женщина, если она следила за собой, могла выглядеть на тридцать еще тридцать лет после тридцати. Некоторые актрисы выступали в амплуа молодых девушек и были при этом бабушками.

Белла за собой не следила.

Она была довольно толста, довольно оживлена, и было в ней что-то кошачье. Очевидно, она до сих пор считала свое тело основным капиталом и поэтому одевалась в стиктайтовское неглиже, которое открывало не только тело (слишком много), но и то, что она женского пола, млекопитающее, весьма упитанна и не годна к употреблению. Она не сознавала это. Свой некогда быстрый ум она порастеряла, и все, что в ней осталось от старых времен, так это тщеславие и непреодолимая самоуверенность. С радостным визгом она бросилась ко мне и чмокнула меня прежде, чем я успел уклониться.

Я отстранил ее.

— Спокойнее, Белла.

— Но, дорогой! Я же так рада видеть тебя! Так взволнована! Так возбуждена!

— Охотно верю.

Я пришел лишь затем, чтобы узнать кое-что и уйти… ничем не обнаружив своих чувств. Но это оказалось не так просто.

— Вспомни, как мы расстались. Вы накачали меня наркотиками, а потом запихнули в анабиоз.

— Дэн, любимый, мы сделали это для твоего же блага! Ты был так болен…

Похоже, она сама в это верила.

— Ладно, ладно. А где Майлз? Ты ведь теперь «миссис Шульц»?

Глаза ее округлились.

— Разве ты не знаешь?

— Что?

— Бедный Майлз… бедный дорогой Майлз. Он и двух лет не прожил после того, как ты оставил нас, Дэнни-бой.

Она вдруг разозлилась.

— Он обманул меня!

— Какой ужас!

Хотел бы я знать, как он умер? Сам, или ему помогли? Накормила супчиком с мышьяком? Однако, я решил до поры до времени держать подозрения при себе.

— А что стало с Рикки?

— Что за Рикки?

— Падчерица Майлза. Фредерика.

— А, это ужасное маленькое отродье! Откуда я знаю? Она уехала к своей бабке.

— Куда? И как фамилия ее бабушки?

— Куда? В Таксон… или в Юму… или еще в какую-нибудь дыру вроде этого. А может быть, куда-то в Индиану. Я не хочу говорить об этом невозможном ребенке… давай лучше поговорим о нас с тобой.

— Минутку. Как звали ее бабушку?

— Дэнни-бой, ты стал ужасным занудой. Чего ради я должна все это помнить?

— И все-таки?

— Господи, Ханелон… или Хейни… Хейнз… Хинкли! Не хмурься, милый, давай лучше выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение!

Я покачал головой.

— Я не пью.

Это было почти правдой. Получив в свое время хороший урок, я знал, что алкоголь — плохой товарищ, и обычно ограничивался пивом с Чаком Фриденбергом.

— Очень жаль, дорогуша. Но ты не против, если я выпью?

И она устремилась к своему лучшему и един-

ственному другу — бутылке с джином. Но прежде, чем опрокинуть рюмочку, она достала пластиковый флакон и вытряхнула на ладонь две капсулы.

— Хочешь?

Я узнал полосатую этикетку. Это был эйфорион. Он считался нетоксичным и не наркотическим, хотя единого мнения на этот счет не было. Некоторые предлагали зачислить его в один ряд с морфином.

— Благодарю, мне и так хорошо.

— Рада за тебя.

Она проглотила обе капсулы и запила джином. Мне следовало поспешить, если я хотел что-то узнать. Скоро она будет способна только хихикать. Я взял ее за руку, усадил на диван, а сам сел напротив.

— Белла, расскажи мне о себе. Введи меня в курс дела. Чем кончились переговоры с «Мэнниксом»?

— Ничем… — тут ее словно кольнули. — И все из-за тебя!

— Из-за меня? Но меня же при этом не было!

— Конечно, из-за тебя. Ведь это ты сделал первую модель той раскоряки на колесах от инвалидного кресла… а они только этого и ждали. А

потом она пропала…

— Пропала? Как это случилось?

Белл взглянула на меня с холодной подозрительностью.

— Тебе лучше знать. Ведь это ты ее взял.

— Я?! Белла, ты в своем уме? Я ничего не мог взять! Я был намертво заморожен, лежал в анабиозе. Как это случилось? И когда?

Все это совпадало с моими собственными домыслами насчет того, что кто-то увел «Умницу Фрэнка» у Майлза и Беллы, коль скоро они не разбогатели на нем. Но из миллиардов людей, живущих на земном шаре, у меня было самое железное алиби. Я не видел «Умницу Фрэнка» с той самой горестной ночи, когда они нокаутировали меня.

— Расскажите мне об этом, Белла. Как это случилось? И почему вы думаете, что это моя работа?

— А чья же еще? Никто другой не знал, насколько он важен. Эта куча дерьма! Говорила я Майлзу, что нельзя держать его в гараже.

— Но если кто-то и увел его, то что из этого? Ведь у вас остались все записи, инструкции и чертежи.

— Ничего не осталось! Этот идиот Майлз засунул все бумаги и чертежи в саму машину. Ночью

мы хотели увезти ее от греха подальше.

Меня даже не покоробило это «от греха подальше». Я уже был готов сказать, что запихнуть бумаги во «Фрэнка» невозможно — он и без того был набит деталями, словно гусь яблоками, но вовремя вспомнил, что сам приспособил между колесами ящик для инструментов, чтобы не бегать за каждым пустяком.

Ну, ладно. Как бы то ни было, этому преступлению, или преступлениям, уже тридцать лет. Мне было гораздо интереснее узнать, как уплыла от них «Горничные, Инкорпорейтед».

— А что вы сделали с компанией после того, как сорвалась сделка с «Мэнниксом»?

— Мы продолжали работать. Потом Джек порвал с нами, и Майлз сказал, что пора свертывать дела. Майлз всегда был тряпкой… а этого Джека Шмидта я с самого начала терпеть не могла! Он все допытывался, почему ты нас оставил… будто мы могли остановить тебя. Я предлагала нанять хорошего инженера и продолжать производство, развивать фирму, но Майлз настоял на своем.

— А что было потом?

— Потом мы продали лицензию «Механизмам». Ты знаешь эту фирму, ты же сам в ней работаешь.

Эту фирму я знал. Полное ее название было «Узлы «Горничных» и производство механизмов, Инкорпорейтед», хотя на вывеске фигурировали только «Горничные». Похоже было, что эта старая калоша готова выложить все, что меня интересовало.

И я продолжал любопытствовать.

— А когда вы сбыли свои акции — до или после того, как продали лицензию «Механизмам»?

— Как? Что за глупости ты выдумал?

Тут она начала рыдать. Слабой рукой она взяла носовой платок, потом отбросила его — лейтесь слезы!

— Он обманул меня! Обманул! Этот грязный подлец обманул меня… обвел вокруг пальца, — она шмыгнула носом и уже задумчиво добавила, — вы все меня обманывали… а больше всех ты — Дэнни-бой. И это после всего того хорошего, что было между нами!

Она снова разрыдалась.

Я решил, что эйфорион не оправдывает своей цены. Хотя, может быть, рыдания доставляли ей удовольствие.

— Как он обманул вас, Белла?

— Как? А вот как! Он все завещал этому гнусному отродью… после того, как обещал оставить все

свое состояние мне… после того, как я ухаживала за ним, пока он болел. Ведь она ему даже не родная дочь! Это все знают.

Это была первая добрая весть за весь вечер. Значит, Рикки все же получила приличное состояние, даже если мои деньги не попали к ней. И я вновь задал свой главный вопрос:

— Как звали бабушку Рикки? И где они жили?

— Кто жил?

— Бабушка Рикки.

— Какой Рикки?

— Дочери Майлза. Напряги мозги, Белл. Это очень важно.

Она подскочила, как ужаленная, ткнула в меня пальцем и завопила:

— Я знаю! Ты был ее любовником! Да-да! Эта гнусная маленькая ябеда… и этот ужасный кот!

Я еле сдержался при упоминании о Пите. Но все-таки сдержался. Я взял ее за плечи и чуточку встряхнул.

— Взбодрись, Белл. Я хочу знать только одно — где они жили? Куда Майлз адресовал письма, когда писал им?

Она топнула на меня ногой.

— Я ничего тебе не скажу! Весь вечер ты допрашиваешь меня, словно сыщик, — и тут же, словно

мгновенно протрезвев, спокойно ответила: — Я не знаю. Бабку звали Хэнекер или что-то вроде этого. Я ее видела только один раз, в суде: они улаживали формальности с завещанием.

— Когда это было?

— Естественно, сразу после смерти Майлза.

— А когда умер Майлз?

Она снова переключилась.

— Много хочешь знать! Ты, как дрянной шериф… вопросы, вопросы, вопросы…

Потом она посмотрела мне в глаза и выдала с мольбой в голосе:

— Давай забудем обо всем и будем просто сами собой. Сейчас есть только ты и я, дорогой… и у нас впереди вся жизнь. В тридцать девять лет женщина еще молода. Шульц, этот старый козел, говорил, что я моложе всех на свете. Мы можем быть так счастливы, дорогой! Мы…

«Хватит разыгрывать детектива», — подумал я и поднялся.

— Мне пора идти, Белла.

— Куда, милый? Зачем, ведь еще рано… у нас еще целая ночь впереди. Я думала…

— Мне все равно, что ты думала… Я должен идти.

— Ах, дорогой, какая жалость! Когда мы снова

увидимся? Завтра? Я сейчас ужасно занята, но я отложу все дела и…

— Я не желаю больше тебя видеть, Белла.

И я ушел.

И никогда больше не видел ее.

Добравшись до дома, я сразу же нырнул в горячую ванну и растерся до красноты. Потом сел к столу и попытался привести в порядок все, что мне удалось узнать. Белле казалось, что фамилия бабушки Рикки начинается с буквы «Х» — если ее бормотание вообще что-то значило, а это весьма сомнительно — и что они жили в одном из городков Аризоны или, может быть, Калифорнии. Ладно, возможно, что сыщик-профессионал извлечет из этого пользу.

Во всяком случае, это должно быть нелегко и дорого. Я решил подождать, пока разбогатею.

Что я еще узнал?

Майлз (по словам Беллы) умер году в семьдесят втором. Если он умер в этом округе, я за пару часов смогу узнать дату смерти и, возможно, узнаю что-нибудь о завещании… если, конечно, все было так, как говорила Белла. Таким образом, можно было установить, где в те времена жила Рикки. Если в суде сохранились записи (могли и не сохраниться). Таким образом, я получил бы

местонахождение Рикки, правда, без поправки на двадцать восемь прошедших с тех пор лет и достаточно реальную возможность разыскать ее теперь.

Но если мы встретимся, то как прикажете женщине сорока одного года, почти наверняка замужней, матери семейства, смотреть на меня? Превращение Беллы Даркин в развалину отрезвило меня. Теперь я понимал, что значат тридцать лет. Конечно, я не сомневался, что Рикки, даже взрослая, осталась средоточием обаяния и доброты… но вот помнит ли она меня? То есть, помнить-то, конечно, помнит, но, вернее всего, как некую обезличенную фигуру, как человека, которого она звала «Дядя Дэн», и у которого был очень славный кот.

Неужели я, вслед за Беллой, питаюсь воспоминаниями о днях давно минувших?

Ну, ладно, если я ее найду, это никому не повредит. Будем, в конце концов, раз в год посылать друг другу открытки к Рождеству. Не думаю, что ее супруг станет возражать против этого.

8

На следующий день, в пятницу, четвертого мая, вместо того, чтобы идти в отдел, я отправился в Окружной Архив.

Там все были очень заняты — двигали все, что двигалось — и попросили зайти через месяц. Я пошел в архив «Таймса» — портить глаза и свертывать шею за окулярами микроскопа. Я знал, что Майлз умер не ранее, чем через двенадцать и не позднее, чем через тридцать шесть месяцев после того, как меня заморозили. Но, похоже, он умер не в округе Лос-Анджелес — иначе в газете было бы извещение о его смерти.

Естественно, никто не обязывал его умирать именно здесь.

Может быть, его смерть была зарегистрирована в архиве штата Сакраменто. Я решил как-нибудь наведаться туда, а пока поблагодарил библиотекаря, позавтракал и явился в «Горничные, Инкорпорейтед».

Оказалось, мне дважды звонили; кроме того, меня ждала записка. Всем этим я был обязан Белле. Записка начиналась словами: «Дорогой Дэн…»

Я порвал ее и объявил секретарше на коммутаторе, что не желаю отвечать на звонки миссис Шульц. Потом я зашел к главному бухгалтеру и спросил, может ли он проследить судьбу некоего пакета акций. Он обещал попробовать, и я назвал ему номера акций «Горничных Инкорпорейтед», тех самых, что некогда были моими. Мне не было нужды напрягать память — мы тогда выпустили ровно тысячу акций, и я оставил за собой первые пятьсот десять. «Подарок по случаю помолвки» состоял из акций под первыми номерами.

Вернувшись в свой закуток, я застал там Мак-Би.

— Где вы были? — осведомился он.

— Везде понемногу. А в чем дело?

— В том что мистер Гэлви сегодня уже дважды заходил за вами. И я вынужден был признать, что не знаю, где вас носит.

— О боже! Да если я всерьез понадоблюсь Гэлви, он меня из-под земли достанет. Если бы вместо того, чтобы измышлять рекламные трюки, он хотя бы половину своего времени посвятил коммерции, фирма бы только выиграла!

Галлуэй начал мне надоедать. Он считался коммерческим директором, а на самом деле возился с рекламой. Может быть, я сужу предвзято — ведь

меня интересует только техника, а все остальное может гореть синим пламенем.

Я знал, зачем нужен Гэлви. Честно говоря, именно поэтому я и старался не попадаться ему на глаза. Он хотел сфотографировать меня в костюме, сшитом по моде 1900 года. Я объявил, что достаточно позировал в одеждах 1970 года, и что 1900 год наступил за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто не заметит разницы, а я сказал, что не все такие болваны, как он думает. Тогда он объявил, что я неправ.

Люди этого типа врут настолько беззастенчиво, будто полагают, что никто, кроме них, не умеет ни читать, ни писать.

— Вы неправы, мистер Дэвис, — подтвердил и Мак-Би.

— Вот как? Очень жаль!

— Ваша должность — синекура. Хоть вы и числитесь за моим отделом, я не возражаю, когда вас забирает коммерческий директор. Мне кажется, там от вас больше пользы, чем где бы то ни было… но неплохо было бы, если бы вы отпрашивались у меня, когда вам снова приспичит уйти куда-то в рабочее время. Пожалуйста, учтите это.

Я медленно досчитал в уме до десяти в двоичной системе.

— Мак, а вы сами отмечаетесь на табельных часах? — спросил я наконец.

— Что? Конечно, нет. Я же главный инженер.

— Вот именно. И поэтому ходите куда и когда вам угодно. А теперь послушайте вот что, Мак: я был главным инженером этого заведения, когда вы еще и бриться-то не начали. Вы что, всерьез полагаете, что я буду отмечаться на табельных часах?

Он побагровел.

— Ладно. Тогда я вам вот что скажу: не исключено, что у вас и не будет такой возможности.

— Не вы меня нанимали, не вам и увольнять.

— Мм… посмотрим. В конце концов, я могу спихнуть вас в отдел рекламы, к которому вы фактически относитесь. Если вы вообще куда-либо относитесь. — Он взглянул на мой чертежный автомат. — От вас здесь никакого толку, только портите дорогое оборудование. Будьте здоровы.

Я посмотрел ему вслед. В этот момент в комнату вкатился посыльный и положил на мой стол конверт. Но я был слишком взвинчен, чтобы читать что-либо.

Я отправился вниз, в кафетерий. Как и все прочие службисты, Мак полагал, что результат работы зависит от количества затраченных че-

ловеко-часов. Немудрено, что фирма годами не выпускала ничего нового.

Ладно, черт с ним. Как бы то ни было, я и сам не собираюсь застревать в «Горничных» до конца дней своих.

Через час или около того я вернулся за свой стол и на глаза мне попался еще один конверт — с эмблемой нашей фирмы. Я распечатал его, искренне полагая, что это Мак решил не откладывать дела в долгий ящик.

Но письмо было из бухгалтерии. Вот что оно содержало:

> «Дорогой мистер Дэвис!
>
> Относительно интересующих Вас акций могу сообщить следующее:
>
> Дивиденды по ним выплачивались с первого квартала 1971 года по второй квартал 1980 года держателю по фамилии Хайнке. В 1980 году произошла реорганизация фирмы, и дальнейшая судьба этого пакета неясна. Кажется, аналогичный по номерам пакет купила (после реорганизации) Международная Страховая Компания, по крайней мере, дивиденды выплачиваются именно ей. Некоторая

часть названных Вами акций числилась до 1972 года (как Вы и предполагали) за Беллой Д.Джентри, после чего была передана Акционерной Корпорации Сьерры, которая пустила их в свободную продажу. Если Вам угодно, мы можем проследить судьбу каждой акции до и после реорганизации фирмы, но это требует определенного времени.

Если Вас интересуют эти дополнительные сведения, не стесняйтесь обращаться к нам.

И.Е.Риютер, гл. бухгалтер».

Я позвонил Риютеру, поблагодарил его и сказал, что дополнительные сведения мне не нужны. Теперь я знал, что мои акции не дошли до Рикки. Операция с передачей акций была явно жульнической — очередная штучка Беллы. Что до основного пакета, то и это, скорее всего, был ее трюк: дивиденды шли на вымышленное имя. Похоже, таким образом она хотела обмануть Майлза. Наверное, после смерти Майлза ей не хватило наличных, вот она и продала какую-то часть акций. Но теперь это меня не трогало, так или иначе все акции уплыли из рук Беллы. Я

совсем забыл попросить Риютера проследить судьбу акций Майлза… ведь он мог завещать их Рикки, и тогда дивиденды шли бы на ее новую фамилию. Но рабочий день подходил к концу, и я решил выяснить это в понедельник. А пока взял толстый пакет и прочитал обратный адрес.

В начале марта я написал в патентное бюро, попросил исходные данные на «Работягу» и «Чертежника Дэна»: если существовал человек, сделавший «Дэна» таким, как я сам его задумал, то он с таким же успехом мог изобрести и двойника «Умницы Фрэнка». Тем более, оба патента были выданы в один год, и оба принадлежали одной компании — «Аладдину» (а тот, возможно, придерживал их до лучших времен).

Но я должен был знать все точно. Если этот изобретатель еще жив, стоило повидаться с ним. Он мог обучить меня кое-чему.

Сначала я написал в патентное ведомство, но мое письмо вернулось с уведомлением, что срок патентов истек, и вся документация находится в Карлсбадских пещерах. Тогда я написал в архив, и мне прислали прейскуранты платных услуг. Я написал в третий раз, присовокупив к письму поручительство (чеков они не принимали) и заказал копии обоих патентов — описания, заявки,

чертежи и так далее.

Толстый конверт выглядел так, будто в нем было все, что я запрашивал.

Первый патент фигурировал под номером 4307909 и был выдан на «Работягу». Я пролистал заявку с описанием и сразу обратился к чертежам. От заявки мало толку, разве что в суде. Ее пишут для того, чтобы объявить всему миру о великих возможностях изобретения, кои возможности патентоведы сведут потом на нет. Поэтому и говорят, что адвокатом по патентным делам надо родиться. Описание, наоборот, должно быть полным и обстоятельным. Что до меня, то чертежи говорят мне гораздо больше, чем описания.

Я вынужден был признать, что схема «Работяги» отличается от схемы «Фрэнка». Он мог делать гораздо больше, а некоторые его узлы были проще. Но основная идея была та же — и другой быть не могло: «Работяга», как и «Фрэнк», управлялся лампами Фрезена или их прямыми потомками; он был построен на тех же принципах, что и «Фрэнк».

Тогда я решил обратиться к описанию в заявке, найти имя изобретателя.

Оно было мне хорошо знакомо. Это был… Д.Б.Дэвис.

Я долго смотрел на эту строчку, насвистывая в замедленном темпе «Время в моих ладонях». Итак, Белла снова солгала. Естественно, ведь она была патологической лгуньей, хотя я когда-то читал, что патологические лгуны, прежде чем воспарить в сферы безудержной фантазии, отталкиваются от правды. Совершенно очевидно, что мою первую модель «Фрэнка» никто никогда не крал, ее доработал другой инженер, после чего ее запатентовали от моего имени.

«Мэнникс» был ни при чем — это единственное, что я точно знал из документов компании. А Белла говорила, будто бы «Мэнникс» изгадил им идею с производством «Фрэнка» по лицензии.

Может быть, Майлз прибрал «Фрэнка», а Беллу оставил в убеждении, что его украли. Или точнее, переукрали.

Но в таком случае… Тут я прервал свое безнадежное дознание. Более безнадежное, чем поиски Рикки. Конечно, можно было задать работу ребятам из «Аладдина» и узнать, как к ним попал базовый патент и кто на этом погрел руки. Патентный срок истек, и эти сведения, наверное, уже не были тайной. Но Майлз умер, а Белл, если даже и загребла на этом деньги, давным-давно их промотала. Я узнал самое важное — изобрел

«Работягу» все-таки я. Таким образом, моя профессиональная гордость была ублажена, а что до денег, то кому они нужны, если и без них трехразовое питание обеспечено? Только не мне.

Я обратился к номеру 4307910, к базовому патенту на «Чертежника Дэна».

Чертежи были — загляденье. Я сам не смог бы скомпоновать прибор лучше, чем этот парень. Я любовался, как экономно использовались цепи, и как ловко он обошелся минимумом движущихся частей. Эти детали, словно аппендикс, чреваты всяческими неприятностями, поэтому их следует удалять при первой же возможности.

Вместо клавиатуры использовалась электрическая машинка фирмы «IBM». Это было и красиво, и технологично: нет нужды изобретать то, что можно купить в любом магазине.

Полистав бумаги, я узнал имя этого башковитого парня.

Это был Д.Б.Дэвис.

* * *

Спустя пару часов, я позвонил доктору Альбрехту. Его быстро разыскали и, поскольку мой телефон не был оборудован экраном, я представился ему.

— Я узнал тебя по голосу, сынок, — ответил он. — Рассказывай, как твои успехи на новой работе?

— Более-менее. Отдельного кабинета еще не предоставили.

— Дайте им время. А все остальное? Назад не тянет?

— Ни в коем случае! Если бы я знал, что здесь так здорово, я бы улегся в анабиоз гораздо раньше. Ни за какие коврижки я не вернусь в семидесятый!

— Не скажите! Я хорошо помню этот год. Я тогда был еще мальчишкой, жил на ферме в штате Небраска, охотился и удил рыбу. Это было здорово. И я был гораздо счастливее, чем сейчас.

— Что ж, каждому свое. А мне нравится здесь. Но вот какое дело, док, я позвонил не ради приятных воспоминаний. У меня появилась маленькая проблема.

— Чудесно, давайте ее сюда. Заодно и отдохну, а то ведь у большинства людей проблемы большие и неотложные.

— Послушайте, док, может анабиоз вызвать амнезию?

Он ответил не сразу.

— В принципе, это возможно. Не скажу, что сам наблюдал что-то подобное, но допускаю, если

учесть дополнительные факторы, вызывающие амнезию.

— А что это за факторы?

— Да что угодно. Чаще всего встречается так называемая функциональная амнезия, когда пациент забывает или перетасовывает неприятные для него факты. Или — старый добрый удар по черепу — и, как следствие, — травматическая амнезия. Еще бывает амнезия… внушенная при помощи наркотика или гипноза. А в чем дело, сынок? Забыл, куда сунул чековую книжку?

— Таковой нет в природе. Я великолепно себя чувствую, но вот какое дело — не могу вспомнить некоторые события, происшедшие перед тем, как я улегся в анабиоз… и это меня беспокоит.

— Мм… Тогда возможна любая из перечисленных причин.

— Да, — проговорил я. — Пожалуй, даже все разом. Кроме удара по черепу. Хотя меня могли треснуть, когда я был пьян.

— Я забыл упомянуть, — заметил он, — тривиальную временную амнезию с похмелья. Послушай, сынок, почему бы тебе не приехать ко мне — мы бы все подробно обсудили. Конечно, ничего определенного я не скажу — я ведь не психиатр, как ты знаешь. Но я могу показать вас

настоящему специалисту. Он обшелушит твою память, как луковицу, и скажет, отчего ты опоздал в школу четвертого февраля, когда учился во втором классе. Правда, он дорого берет, и поэтому лучше сперва показаться мне.

Я ответил:

— Господи Иисусе, док, как я могу отнимать у вас время, заранее зная, что вы не возьмете с меня ни гроша! Я и так вам уже надоел.

— Сынок, мне не безразлично, как себя чувствуют мои пациенты. Они для меня вроде семьи.

Я отключился, пообещав позвонить в начале следующей недели, если почувствую себя плохо, и при этом не кривил душой.

Почти по всему зданию уже погасили свет. В мою комнату ткнулась «Горничная», но поняла, что здесь кто-то есть, и покатилась прочь. А я остался сидеть.

Потом в дверь заглянул Чак Фриденберг и сказал:

— Я думал, ты уже смылся. Поднимайся и иди досыпай дома.

Я посмотрел на него.

— Чак, у меня появилась чудесная идея. Что, если нам купить бочку пива и две соломинки?

Он взвесил мое предложение.

— Так, нынче пятница… ясная голова нужна мне в понедельник, чтобы не спутать дни недели.

— Собирайся, и да будет так. Подожди минутку, я суну кое-что в портфель.

Мы выпили пива, потом поели, потом еще выпили пива в заведении с хорошей музыкой, потом еще — в заведении, где музыки не было, а столики стояли как попало, а клиенты сидели, сколько им вздумается. Мы болтали. Я показал ему копии патентов.

Чак оценил прототип «Работяги».

— Это по-настоящему здорово, Дэн. Горжусь тобой, парень. Как насчет автографа?

— Взгляни еще вот на это, — я подсунул ему патент на чертежную машину.

— Это, пожалуй, даже получше первой, Дэн. Ты сам-то понимаешь, что сделал? Пожалуй, побольше, чем Эдисон в свое время. До тебя это доходит, парень?

— Брось, Чак, я серьезно, — я хлопнул по пачке патентов. — Дело в том, что я изобрел только одну машину. Во втором случае я ни при чем. Я не делал ничего такого… если только не перепутал все, что было до анабиоза. Может быть, у меня амнезия.

— Ты уже говорил об этом двадцать минут назад. Но ты не похож на человека, у которого в мозгах произошло замыкание. Ты безумен не более, чем это нужно для инженера.

Я треснул по столу так, что кружка подпрыгнула.

— Но мне нужно знать!

— Остынь! Что ты собираешься предпринять?

— А? — я помешкал. — Собираюсь обратиться к психоаналитику, пусть выкопает это из меня.

Он вздохнул.

— Я так и думал. Слушай, Дэн, предположим, ты заплатишь этому слесарю-мозговеду, и он объявит, что все в порядке, что память твоя — в прекрасном состоянии, и все реле у тебя в голове замкнуты. Что тогда?

— Но это невозможно.

— То же самое говорили Колумбу. Тебе даже не пришло в голову наиболее вероятное объяснение.

Не дожидаясь ответа, он позвал официанта и попросил принести телефонную книгу.

— В чем дело? — спросил я. — Собираешься вызвать мне карету скорой помощи?

— Нет пока.

Он полистал толстенную книгу, потом сказал:

— Смотри сюда, Дэн.

Я посмотрел. На развороте столбцами выстроились Дэвисы. А на том месте, куда он указал, расположилась дюжина Д.Б.Дэвисов — от Дабни до Дункана.

Там было три Дэниеля Б.Дэвиса. Одним из них был я.

— Это из неполных семи миллионов человек, — заметил он. — А что ты скажешь насчет двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает, — попытался возразить я.

— Не доказывает, — согласился он. — Должно быть чудовищно редкое совпадение, чтобы два инженера, одинаково талантливые, работали в одной отрасли в одно время, и чтобы у них были одинаковые инициалы и фамилии. Можно даже высчитать эту вероятность. Но все, и в первую очередь те, которым помнить это положено по должности, вроде тебя, забывают, что любое маловероятное событие рано или поздно случается. Этот вывод нравится мне гораздо больше, чем версия, будто мой собутыльник спятил и почем зря молотит кулачищами куда попало. Хорошего собутыльника не сразу найдешь.

— И что, по-твоему, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатра, пока не отработаешь «во-вторых». А «во-вторых» состоит в том, чтобы узнать полное имя этого Д.Б.Дэвиса. Это нетрудно. Скорее всего, ты обнаружишь Декстера. Или даже Дороти. Или это окажется Дэниел, но не падай при этом в обморок, ибо среднее имя может быть, к примеру, «Берзвоски». Для удобства, чтобы не спутали с тобой. А, в-третьих, и, по сути дела, во-первых, ты должен наплевать на все это и заказать еще пива.

Что я и сделал. Потом мы говорили, что называется обо всем, а особенно — о женщинах. У Чака была теория, будто бы женщины сродни механизмам — и те, и другие одинаково не владеют логикой. Свои тезисы он подтвердил графиками, рисуя их прямо на столе. Я слушал его, слушал, а потом вдруг выдал:

— Если бы это было настоящее путешествие во времени, я бы знал, что делать.

— Что? О чем ты?

— Да все о том же. Слушай, Чак, я прибыл сюда — я хочу сказать в «сейчас» — довольно допотопным способом. Вся штука в том, что назад пути нет. Все мои беды случились тридцать лет назад. Чтобы докопаться до истины, мне следовало бы

вернуться туда… если бы способ путешествовать во времени существовал на самом деле.

Он посмотрел на меня.

— Он существует.

— Что?

Чак мгновенно протрезвел.

— Я не должен был говорить этого.

— Может быть, — кивнул я, — но ты уже сказал. А теперь — выкладывай все как есть, пока я не опорожнил кружку тебе на голову.

— Забудь это, Дэн. Я сболтнул лишнего.

— Говори!

— Я не имею права, — он быстро огляделся. Рядом никого не было. — Это засекречено.

— Путешествие во времени засекречено? Но почему, боже мой?

— Ты что, парень, не был на государственной службе? Да они и секс засекретят, если смогут. И безо всякой причины. Просто они так привыкли. Засекречено — и все тут. Уволь.

— Чак, брось хамить. Это важно для меня. Ужасно важно.

Он молча глядел в стол.

— Мне ты можешь рассказать. У меня неограниченный допуск. И его никто не отменял, хотя я давно уже не состою на государственной служ-

бе…

— Что такое «неограниченный допуск»?

Я объяснил — он покивал.

— Ты имеешь в виду статус «Альфа». Ты молодец, парень, я дополз только до «Беты».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

— Хм… Сам знаешь. Несмотря на твой высокий статус, у тебя нет тематического допуска.

— Какого еще допуска, к черту?

— Тематического. Того, что был у меня.

Он не собирался раскалываться, и я заявил:

— Не думаю, чтобы это было так важно. По-моему, ты просто трусишь.

Пару минут он пялился на меня.

— Дэнни… — выдавил он наконец.

— Что?

— Я расскажу тебе все. Только помни, парень, о своем статусе «Альфа». Я расскажу тебе об этом потому, что это никому не повредит. Правда, и тебе не поможет. Да, это самое настоящее путешествие во времени, но толку от этого никакого. Ты не сможешь им воспользоваться.

— Почему?

— Ты дашь мне сказать? Никто не знает, как это происходит — даже теоретически это невозможно. Это не представляет даже научной ценности.

Перемещение во времени — просто побочный продукт исследования нуль-гравитации. Потому оно и засекречено.

— Черт возьми, но ведь нуль-гравитацию рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы перемещению во времени нашлось коммерческое применение, его бы тоже рассекретили. А теперь — заткнись.

Не то, чтобы я его послушался. Однако, перескажу все без моих реплик.

Когда Чак учился на последнем курсе Колорадского Университета, он подрабатывал на должности лаборанта. Сначала он работал в лаборатории, занимавшейся низкими температурами, но потом Университет занялся разработкой выводов Эдинбургской теории поля и выстроил в горах большую физическую лабораторию. Шефом Чака был профессор Твишелл, доктор Хьюберт Твишелл. Он упустил Нобелевскую премию и поэтому остервенел.

— Твиш решил посмотреть, что будет, если попробовать поляризовать гравитационное поле. Ничего особенного не случилось. Насмотревшись вдоволь, он отошел к компьютеру обработать результаты опыта. Компьютер выдал такое, от чего у Твиша вылезли глаза на лоб. Мне он, есте-

ственно, ничего не показывал. Потом он положил в камеру два серебряных доллара, — тогда они были еще в ходу — и велел мне пометить их. Затем нажал кнопку, и доллары исчезли.

— Конечно, это было свинство с его стороны, — продолжал Чак, — выкидывать подобные фокусы на глазах у парнишки, которому деньги доставались с таким трудом. Но он казался довольным, я, впрочем, тоже — ведь мне платили повременно.

Спустя неделю одно из колесиков прикатилось назад. Только одно. Но еще раньше случилось вот что. Шеф ушел домой, а я прибирался в лаборатории и вдруг обнаружил в испытательной камере морскую свинку. Ни у нас в лаборатории, ни поблизости никакой живности не водилось. Я взял ее и понес к биологам. Они пересчитали свой зверинец, но дефицита не обнаружили. Я взял зверушку домой, и вскоре мы очень подружились.

После того, как доллар вернулся к Твишеллу, он начал работать так, что забывал бриться. Однажды он затребовал у биологов двух морских свинок. Одна из них показалась мне ужасно знакомой, но разглядеть ее как следует я не успел — Твиш нажал кнопку, и обе исчезли.

Через десять дней одна из них — та, что не

походила на мою — вернулась, к вящей радости Твиша. Потом из департамента безопасности явился один хмырь, типичный полковник, хотя и называл себя профессором ботаники. Военный до мозга костей… и Твиш ничего не смог с ним поделать. Так вот, этот полковник живо посадил нас под колпак — установил режим секретности, дал всем по статусу, взял подписку о лояльности. Похоже, он возомнил, будто напал на величайшее стратегическое открытие со времен Цезаря. Он думал, что с помощью установки Твиша можно будет выигрывать проигранные сражения, побеждать врага за день до битвы. А противник так и не поймет, в чем дело. Конечно, он был псих, с головы до ног… и светилом стратегии он не стал, как ни пытался. А секретность, насколько я знаю, так и осталась. По крайней мере, открытых материалов я не видел.

— Мне кажется, — перебил я его, — это могло дать некоторые военные выгоды. Можно взять напрокат у времени целую дивизию. Хотя, постой, здесь есть одно «но». Вы посылали во времени парные предметы. Значит, нужны две дивизии: одна идет в будущее, другая — в прошлое. Таким образом, одна дивизия теряется полностью… и я уверен, что есть более дешевые способы выиг-

рать сражение.

— Ты прав, хотя кое в чем ошибаешься. Вовсе не обязательно брать пару дивизий, пару морских свинок или пару чего бы то ни было. Оперировать нужно с массами. Можно взять дивизию солдат и груду валунов того же веса. Действие равно противодействию, как гласит третий закон Ньютона.

Он снова начал чертить на столе.

— Произведение массы на скорость равно произведению скорости на массу… На этом принципе основан полет ракеты. Формула путешествия во времени выглядит похоже: произведение массы на время равно произведению времени на массу.

— Так в чем дело? Валуны подорожали?

— Пораскинь мозгами, Дэнни. Ракета движется в одну сторону, газы — в другую, а в какой стороне лежит прошлая неделя? Покажи пальцем. Попробуй. И как ты узнаешь, которая из масс отправится в будущее, а которая — в прошлое? Такое оборудование практически невозможно отладить, правильно его сориентировать.

Я замолчал. В хорошеньком же положении окажется генерал, получив вместо дивизии кучу гравия! Неудивительно, что экс-профессор так и не стал бригадным генералом.

Чак продолжал:

— Эти две массы можно представить в виде пластин конденсатора, несущего определенный заряд времени. Сближаем их… Чвак! — и одна из них оказывается в прошлом. Но мы никогда не узнаем, какая из них где. И что хуже всего — ты не сможешь вернуться.

— Что? Да кто же захочет возвращаться в прошлое?

— Тогда какой же из всего этого толк? Для коммерции? Для науки? Где бы ты ни оказался, от твоих денег мало проку, если ты не можешь вернуться в свое время. Кроме того, оборудование и энергия тоже стоят денег. Мы пользовались атомным реактором. Дороговато… но это к делу не относится.

— Назад вернуться можно, — изрек я. — С помощью анабиоза.

— Что? Это если ты попадешь в прошлое. А можешь угодить и в будущее, пятьдесят на пятьдесят. И если в этом прошлом знают, что такое анабиоз… а его открыли только после войны. Но какой в этом толк? Если тебя интересует, что произошло, скажем, в 1930 году, полистай старые газеты. Кстати, вот чудесный способ сфотографировать распятие Христа… хотя нет. Это

невозможно. На всей Земле не хватит энергии. Вот тебе еще одно препятствие.

— Но ведь должен же кто-нибудь попробовать. Неужели не нашлось таких?

Чак снова огляделся.

— Я и так сказал тебе слишком много.

— Так скажи еще, хуже не будет.

— Мне кажется, их было трое. Мне кажется. Первым был один из преподавателей. Я был в лаборатории, когда Твиш привел этого типа, Лео Винсента. Твиш сказал, что я могу быть свободен. Домой я не пошел; шлялся вокруг лаборатории. Немного погодя Твиш вышел из лаборатории без Винсента. Насколько я знаю, он остался там. И больше не преподавал.

— А еще двое?

— Студенты. Они зашли в лабораторию втроем, а потом Твиш вышел — один. На другой день я встретил одного студента на лекции, а другой пропадал целую неделю. Сам раскумекай, что это значит.

— А сам ты не соблазнился?

— Я? Что я, по-твоему — псих? Правда, Твиш полагал, что это чуть ли не мой прямой долг. В интересах науки. «Спасибо, — сказал я, — но я лучше пойду выпью пива». Еще я сказал ему,

что с радостью щелкну тумблером, когда он сам соберется в путешествие во времени. Но он не доставил мне этого удовольствия.

— Вот она — возможность. Я узнаю все, что мне нужно, а потом лягу в анабиоз и вернусь сюда. Дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Не пей больше пива, дорогой мой. Ты уже пьян. И совсем меня не слушал. Во-первых, — тут он начертил палочку на столике, — ты не можешь быть уверен, что попадешь в прошлое. А с таким же успехом можешь оказаться в будущем.

— Я рискну. Сейчас мне лучше, чем тридцать лет назад, и тридцать лет спустя будет не хуже.

— Ну тогда лучше снова улечься в анабиоз — это безопаснее. Или просто сидеть и ждать, пока пройдут эти годы. Сам я именно так и делаю. Не перебивай меня. Во-вторых, ты запросто можешь промазать и не попасть в 1970-ый, даже если ты и попадешь в прошлое. Насколько мне известно, Твиш работает наугад, аппаратура у него не отрегулирована. Правда, я был всего лишь лаборантом. В-третьих, лабораторию построили в 1980 году; раньше на этом месте была сосновая роща. Хорошо тебе будет очутиться десятью годами раньше внутри дерева? То-то, — шарахнет — не

хуже кобальтовой бомбы. Как ты полагаешь? Тебе представится случай узнать это наверняка.

— Но… я не понимаю, отчего я должен очутиться на месте лаборатории. Почему бы мне не оказаться где-нибудь на открытом месте, а не там, где будет стоять лаборатория: я имею в виду, где она стояла… или точнее…

— Ничего не выйдет. Ты окажешься на том же самом месте — и по широте, и по долготе, как та морская свинка, помнишь? А если ты окажешься там прежде, чем была построена лаборатория — ты, скорее всего, окажешься в дереве. В-четвертых, даже если все пройдет хорошо, как ты собираешься лечь в анабиоз?

— Так же, как и в первый раз.

— Ясно. А где ты возьмешь деньги?

Я открыл рот и тут же захлопнул его, чувствуя себя дурак дураком. Когда-то у меня были деньги, но лишь однажды. То, что я скопил (чертовски мало), я не мог взять с собой. Дьявол, даже если бы я ограбил банк (а я не представлял, с какой стороны к этому подступиться) и зацепил миллион, я все равно не смог бы перевезти эту сумму в 1970 год. С нынешними деньгами меня ждала прямая дорога в тюрьму за сбыт фальшивых купюр. Изменилось все — размер, цвет, рисунок,

система нумерации.

— Я могу скопить нужную сумму.

— Умная головка. А пока ты ее скопишь, ты и так окажешься здесь и теперь… правда за вычетом зубов и волос.

— Ладно, ладно. Давай вернемся к твоему третьему пункту. Скажи, были на том месте, где сейчас стоит лаборатория, следы взрыва?

— Нет, ничего такого не было.

— В таком случае, я не вмажусь в дерево, потому что не вмазывал раньше. Дошло?

— И снова ты на лопатках. Ты пытаешься поймать меня на парадоксе, но не тут-то было. В теории времени я смыслю, пожалуй побольше тебя. Давай посмотрим с другого конца. Взрыва не было, и ты не вмазался в дерево… потому что ты так и не решился на прыжок во времени. До тебя дошло?

— Почему ты так в этом уверен?

— Уверен. Потому что есть еще и «в-пятых», а этот козырь тебе крыть нечем. Ты даже близко не подойдешь к установке, тебя к ней не подпустят. Там все засекречено, и этот орешек тебе не по зубам. Так что, Дэнни, забудем об этом. Мы с тобой очень интересно и умно побеседовали, а утром меня могут разбудить ребята из ФБР. Но

если меня до понедельника не посадят, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и разузнаю, кто такой этот Д.Б.Дэвис. Может, он у них работает, тогда мы пригласим его пообедать и поболтаем всласть. А еще я хочу свести тебя со Шпрингером, генеральным директором «Аладдина». Он хороший мужик. А про эту чушь с путешествием во времени — забудь. Там все наглухо засекречено. Я тебе ничего не говорил… а если ты станешь утверждать обратное, я сделаю большие глаза и скажу, что ты клевещешь. Мой статус мне еще пригодится.

И мы заказали еще пива.

Потом, уже дома, приняв душ и выведя из организма излишки пива, я понял, что он прав. Путешествие во времени помогло бы мне не больше, чем гильотина от головной боли. Чак здорово придумал свести меня со Шпрингером. Это и проще, и дешевле, и безопаснее. Двухтысячный год мне снова нравился.

Бухнувшись в постель, я решил просмотреть газету. Как и всем путным людям, мне каждое утро по пневмопочте приходила «Таймс». Читал я ее от случая к случаю, газетная болтовня меня мало трогала. Кроме того, у меня хватало своих проблем, преимущественно инженерных, чтобы

забивать голову всякой, в лучшем случае, скучной писаниной.

Как бы то ни было, я никогда не выбрасывал газеты, не просмотрев заголовки и колонку частных сообщений. В ней меня интересовали не рождения, смерти и свадьбы — только «беженцы», пробудившиеся после анабиоза. Я надеялся когда-нибудь встретить там знакомое имя, созвониться с кем-то, пригласить к себе, может быть — помочь. Конечно, шансов на это почти не было, но все-таки читал эту колонку, причем с немалым удовольствием.

Наверное, я подсознательно ощущал всех Спящих своими родственниками, чувствовал себя одной «крови» с ними. Кроме того, надо же было доказать себе, что я не так уж и пьян.

В газетах не было ничего интересного, если не считать сообщений с корабля, летевшего к Марсу без особых происшествий. Среди проснувшихся Спящих не было ни одного знакомого. Я уткнулся носом в подушку и заснул.

* * *

Часа в три ночи я вдруг проснулся, словно меня кольнули. Свет ослепил меня, и я долго моргал. Мне приснился странный сон, не кошмар, но

вроде того — будто просматривая газеты, я пропустил имя маленькой Рикки.

Этого не могло быть, но все же я с облегчением вздохнул, увидев, что не выкинул газеты в мусоропровод, как частенько делал до этого.

Я сгреб их на кровать и снова стал просматривать. На этот раз я читал все разделы частной хроники: рождения, смерти, свадьбы, разводы, усыновления и удочерения, смену имен и фамилий, аресты, воскрешения Спящих. Я был уверен, что даже не зная новой фамилии Рикки, ни за что не пропущу ее. Все колонки я просматривал снизу доверху — ведь Рикки могла выйти замуж, или у нее мог родиться ребенок…

От этого занятия у меня начали слипаться глаза, и я чуть было не пропустил главное. «Таймс» за вторник, 2 мая 2001 года. В колонке «воскресших» она сообщала: «Риверсайдский Санктуарий… Ф.В.Хайнке».

Ф.В.Хайнке!!

Фамилия бабушки Рикки была Хайнке… Я знал это. Я был уверен в этом! Не спрашивайте меня, почему, я не смогу объяснить. Но эта фамилия вдруг вспыхнула в моем мозгу, стоило мне ее прочесть. Может быть, я когда-нибудь слышал ее от Рикки или Майлза, возможно даже, что я

мельком видел эту почтенную даму. Как бы то ни было, строчка из «Таймса» пробудила забытое и теперь я знал.

Но нужны доказательства. Я хотел убедиться, что «Ф.В.Хайнке» означает «Фредерика Вирджиния Хайнке».

Меня всего трясло — от возбуждения, ожидания и страха. Надевая костюм, я так и не смог застегнуть швы и выглядел, наверное, последним оборванцем. Через несколько минут я уже был в вестибюле нашего дома — там стояла телефонная кабинка. В моей квартире телефона еще не было: я только-только встал на очередь.

А потом мне снова пришлось подниматься к себе за кредитной карточкой. Судите сами, в каком я был состоянии.

Руки у меня дрожали, и я никак не мог засунуть карточку в щель. Наконец, я с ней справился и вызвал станцию.

— Что вам угодно?

— Соедините меня с Риверсайдским Санктуарием. Это в районе Риверсайд.

— Минутку… Линия свободна. Соединяю вас.

Наконец, экран вспыхнул и я увидел мужчину с сердитым взглядом.

— Вы, наверное, не туда попали? — сказал он. —

Здесь Санктуарий. И мы уже закрылись на ночь.

— Ради Бога, не отключайтесь. Если это Риверсайдский Санктуарий, то именно вы мне и нужны.

— Чего вы хотите? В такое время? Сейчас слишком поздно.

— У вас есть клиент Ф.В.Хайнке. Из «воскресших». Я хотел бы узнать…

Он покачал головой.

— Мы не сообщаем сведений о наших клиентах по телефону. Тем более — среди ночи. Позвоните утром, после десяти. А еще лучше — приезжайте сами.

— Ладно, хорошо. Но я хочу узнать совсем немного. Что означают инициалы «Ф.В.»?

— Я же сказал вам, что…

— Но, Бога ради, послушайте! Я же интересуюсь не просто так. Я сам был Спящим. Проснулся я совсем недавно. Я все знаю насчет «профессиональной тайны» и так далее. Вы публикуете имена клиентов в газете. Мы оба знаем, что Санктуарий сообщает редакциям полные имена своих клиентов… а газеты, чтобы сэкономить место на полосе, печатают инициалы. Разве не так?

Он поразмыслил над этим.

— Может быть.

— Так значит, не случится ничего страшного, если вы сейчас скажете мне, что означают инициалы «Ф.В.».

— Пожалуй, в самом деле ничего не случится, если это все, что вы хотите, — сказал он, поборов свои сомнения. — Но больше я вам ничего не скажу. Ждите.

Он исчез с экрана, как мне показалось, почти на целый час, и, наконец, вернулся с карточкой в руке.

— Здесь немного темновато, — пожаловался он, разглядывая карточку. — Фрэнсис… Подождите, нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

Я чуть не грохнулся в обморок, глаза у меня закатились.

— Слава Богу!

— Вы здоровы?

— Да. Большое вам спасибо. Спасибо от всего сердца! Теперь со мной все в полном порядке.

— Гм… Тогда, наверное, вам не повредит, если я сообщу еще кое-что. Чтобы вам не приезжать понапрасну. Она уже выписалась от нас.

9

До Риверсайда быстрее всего можно было добраться на джампере, но я еще хотел успеть получить в банке наличные. Я жил в Холливуд-Уэст, а ближайший банк с круглосуточным обслуживанием находился на Большой Кольцевой Дороге, в деловой части города. Так что сначала я поехал в банк, где в полной мере смог оценить полезное усовершенствование — систему универсальных чеков. Несложный компьютер, заменивший банковскую палату, проверил радиоактивную метку на моем чеке, связался с компьютером моего банка, что находился напротив здания «Горничных, Инкорпорейтед», и тут же отсчитал мне деньги.

Я вскочил на экспресс-полосу Риверсайдской дороги. Однако, до Санктуария добрался лишь на рассвете.

Там не было никого, кроме дежурного, с которым я говорил по телефону, и ночной сестры, его жены. Боюсь, что выглядел я не лучшим образом: вчерашняя щетина, дикие глаза плюс пивной перегар. Ко всему прочему, я еще не придумал, что буду врать.

Как бы то ни было, миссис Ларригэн, ночная сестра, приняла меня радушно и сочувственно.

Она достала из досье фотографию и спросила:

— Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рикки. Вне всякого сомнения, это была Рикки! Конечно, не та Рикки, которую я знал, не маленькая девочка, но вполне развитая молодая женщина лет двадцати или чуть постарше со взрослой прической, с прекрасной внешностью. И она улыбалась.

Взгляд ее остался прежним и неподвластным годам, очарование маленького эльфа — тоже. Это была она, повзрослевшая, похорошевшая, но, конечно же, она.

Лицо ее подернулось дымкой — это слезы навернулись мне на глаза.

— Да, — сказал я через силу. — Да, это Рикки.

— Нэнси, тебе не следовало показывать эту фотографию, — заметил мистер Ларригэн.

— Ну тебя, Хэнк. Что от этого — земля треснет?

— Ты же знаешь правила, — он повернулся ко мне. — Мистер, я уже говорил вам по телефону, что мы не даем сведения о наших клиентах. В десять часов откроется контора, вот тогда и заходите.

— А еще лучше, подходите к восьми, — добави-

ла его жена. — Как раз придет доктор Бернстейн.

— Ты бы помолчала, Нэнси. Если ему нужны сведения, он должен выйти на директора. У Бернстейна нет времени отвечать на вопросы. К тому же, курировал ее не он.

— Хэнк, не петушись. Наши правила — это еще не заповеди Христовы. Если он торопится ее увидеть, в десять часов он должен быть уже в Браули. Возвращайтесь в восемь, это вернее всего. Мы с мужем и в самом деле ничего путного не знаем.

— А что вы говорили насчет Браули? Она что, поехала в Браули?

Если бы рядом не было ее мужа, она, похоже, сказала бы больше. Она замялась, он строго посмотрел на нее, и она ответила только:

— Вам нужно увидеться с доктором Бернстейном. Вы завтракали? Здесь поблизости есть поистине чудесное местечко.

Я нашел это «поистине чудесное местечко», поел, умылся, купил в одном из автоматов тюбик с депилятором для бороды, а в другом свежую рубашку, сняв и выбросив старую. К назначенному часу я выглядел вполне респектабельно.

Похоже, Ларригэн уже напел про меня доктору Бернстейну. Доктор был из молодых, да ранних, и говорил со мной весьма жестко.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что сами были Спящим. В таком случае, вы, конечно, должны знать, что есть преступники, которые используют в своих целях только что проснувшихся Спящих, доверчивых и плохо ориентирующихся в современном мире. Большинство Спящих располагает значительными средствами, и все они, что называется, не от мира сего. Им еще предстоит найти себя, они одиноки, ранимы и, как никто другой, нуждаются в защите.

— Но ведь я только хочу знать, куда она направилась! Я ее кузен, но я лег в анабиоз задолго до нее и даже не знал, что она последовала моему примеру.

— Вот и преступники, как правило, называются родственниками, — он пристально посмотрел на меня. — Мы раньше не встречались?

— Сомневаюсь. Разве что на улице. Всем почему-то кажется, что они уже когда-то видели меня. Лицо у меня самое стандартное. Десятицентовая монета в куче ей подобных даст мне сто очков вперед по части внешней выразительности. Доктор, почему бы вам не позвонить доктору Альбрехту в Соутелл насчет меня?

Он холодно глянул мне в лицо.

— Возвращайтесь к десяти часам и обращайтесь

к директору. Он свяжется с Соутеллским Санктуарием… или с полицией, если сочтет нужным.

Я ушел ни с чем. И тут же крупно сглупил. Мне бы повидаться с директором — он вполне мог (после консультации с Альбрехтом) дать нужные сведения, а я вместо этого схватил первый попавшийся джампер и помчался в Браули.

Там я за три дня напал на след Рикки. Да, она жила здесь вместе с бабушкой, это я выяснил быстро. Но бабушка умерла за двадцать лет до того, как Рикки легла в анабиоз. Браули со своим стотысячным населением — совсем не то, что семимиллионный Большой Лос-Анджелес, и разобраться в записях двадцатилетней давности не составило труда. Но одна бумажка, которой и недели-то не исполнилось, меня обеспокоила.

Дело в том, что Рикки путешествовала не одна, с нею был какой-то мужчина. Мне тут же вспомнилась ужасная история о хищных жуликах, которую поведал Бернстейн.

Некий ложный след привел меня в Колэксико, потом я вернулся в Браули, снова покопался в архиве и нашел ниточку, которая тянулась к Юму.

В Юме я узнал, что Рикки вышла замуж. Когда я увидел эту запись, меня словно громом поразило. Я бросил все на свете и рванул в Денвер,

задержавшись лишь затем, чтобы послать Чаку открытку. Я попросил его выгрести все из моего стола и отослать мне на квартиру.

* * *

В Денвере я задержался — зашел в зубопротезную лабораторию. Последний раз я был в Денвере после Шестинедельной войны. Он тогда только начал превращаться в настоящий город. Помнится, мы с Майлзом проезжали его по пути в Калифорнию. Теперь город поразил меня. Господи, я даже Колфакс-авеню сразу не смог отыскать. Ясно, что все более или менее важные объекты правительство запрятало под землю. Но и неважных было ужасно много — казалось, народу здесь больше, чем в Лос-Анджелесе.

В зубопротезной лаборатории я купил десять килограммов золотой проволоки, изотоп 197. Пришлось выложить восемьдесят долларов десять центов за килограмм. Дороговато, если учесть, что килограмм технического золота стоил долларов семьдесят. Эта коммерция нанесла смертельный удар моему тысячедолларовому бюджету. Но дело того стоило: для моих целей нужно было натуральное, добытое из руды золото, а в техническом было слишком много

всяческих добавок, иначе оно не было бы техническим. Изотопы 196 и 198 мне не годились — не хватало еще, чтобы мое же золото поджарило меня. В армии я уже набрался рентгенов и хорошо знал, что это такое.

Я обмотал проволоку вокруг талии и отправился в Боулдер. Десять килограммов — вес хорошо набитого чемодана, но по объему это сокровище не должно было превышать кварту молока. Однако, проволока — совсем не то, что целый слиток, посему не рекомендую вам носить такой пояс. Правда, со слитками было бы много возни, а так мое золото всегда было при мне.

Доктор Твишелл жил все там же, хотя и бросил свою работу. Он был, что называется, профессор в отставке и большую часть своего времени проводил в баре при факультетском клубе. Чужаков туда не пускали, и я потерял четыре дня, пока не подловил его в другом баре. С первого же взгляда мне стало ясно, что подпоить его будет трудно.

Это был трагический персонаж в классическом древнегреческом смысле, великий человек, даже более, чем просто великий — и он был на пути к гибели. Он мог бы по праву стоять в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. Немногие специалисты по общей теории поля могли постичь

всю значительность его открытия. А теперь этот блистательный разум был отравлен горечью разочарования, подточен возрастом и пропитан алкоголем. Я словно посетил развалины некогда величественного замка — крыша обрушилась внутрь, половина колонн повалена, и над всем этим царствуют развалины и заросли дикого винограда.

Но и в этом состоянии он был гораздо умнее, чем я в свои лучшие времена. Я впервые в жизни встретил настоящего гения и смотрел на него с болью, представляя, чем он был раньше.

Когда я подошел к нему, он поднял голову, посмотрел мне прямо в лицо и сказал:

— Опять вы.

— Сэр?

— Разве вы не учились у меня?

— К сожалению, нет, сэр. Я не имел этой чести, — как и всем, ему казалось, что он уже видел меня когда-то. Теперь я решил в меру сил сыграть на этом. — Может быть, вы имеете в виду моего кузена, профессор? Он поступил в 1985 году и одно время учился у вас.

— Наверное. Как его успехи?

— Ему пришлось уйти из университета, сэр, диплома он так и не получил. Но о вас у него

остались самые теплые воспоминания. Он всем и каждому хвастался, что учился у вас.

Если хотите понравиться мамаше, говорите, что ее ребенок — чудо. Доктор Твишелл пригласил меня сесть и великодушно разрешил заказать для него выпивку. Его ахиллесовой пятой было тщеславие. Те четыре дня не пропали для меня даром: я собрал о нем кое-какие сведения, выяснил, какие газеты он выписывал, каких степеней и научных званий удостоен, какие книги написал. Одну из них я попытался прочесть, но увяз на девятой странице. Зато нахватался кое-каких словечек.

Я представился ему писателем-популяризатором, сказал, будто собираю материал для книги «Непризнанные гении».

— И о чем она будет?

Я смущенно признался, что книга еще в стадии замысла, но мне хотелось бы начать ее с популярного рассказа о его жизни и работе… если, конечно, он поступится своей широко известной скромностью. Конечно, я бы хотел получить материал из первых рук.

Это была грубая лесть, и он, конечно, на нее не клюнул. Но я напомнил ему о долге перед будущими поколениями, и он согласился подумать.

К следующему дню он надумал, что я собираюсь посвятить ему не главу, а всю книгу, проще говоря — написать его биографию. Поэтому он говорил и говорил, а я записывал… по-настоящему записывал. Блефовать было нельзя — время от времени он прерывался и просил прочесть ему мои заметки.

Но о путешествии во времени он помалкивал.

Наконец, я не выдержал:

— Доктор, правду ли говорят, что какой-то полковник буквально выбил у вас из рук Нобелевскую премию?

Три минуты подряд он витиевато ругался.

— Кто вам сказал об этом?

— Доктор, мне по роду занятий приходится консультироваться в Управлении Безопасности… разве я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Так вот, там один молодой доктор философии рассказал мне всю эту историю и совершенно искренне заявил, что ваше имя гремело бы в современной физике… если бы вы решили опубликовать свое открытие.

— Чертовски верно!

— И еще я узнал, что открытие засекречено… по приказу этого полковника… Плашботтома,

кажется.

— Трэшботтом, Трэшботтом, сэр. Жирный, тупой, надутый болван из тех, кто готов прибить гвоздем фуражку к своей голове, лишь бы не потерять ее. Фуражку, разумеется. Голова-то ему ни к чему. Надеюсь, когда-нибудь он так и сделает!

— Очень жаль.

— О чем вы жалеете, сэр? О том, что Трэшботтом — дурак? Так в этом виновата природа, а не я.

— Жалко, что мир не узнает этой истории. Я понимаю, вам запретили говорить о ней.

— Кто это мне запретил? Что захочу, то и расскажу!

— Я могу вас понять, сэр… я знаю от своих знакомых из Управления Безопасности…

— Хррм!

Больше в тот вечер я из него ничего не выбил. Только через неделю он решился показать мне свою лабораторию.

Все прочие лаборатории давно были отданы другим исследователям, но лаборатория Твишелла все еще числилась за ним. Ссылаясь на режим секретности, он запретил кому бы то ни было заходить туда, пока вся аппаратура не рассыплется в прах. Когда мы вошли, воздух там был, как в забытом склепе.

Он еще не напился до такой стадии, когда на все наплевать, да и на ногах держался твердо. Крепкий был орешек. Он развил передо мной математическое обоснование теории времени и темпоральных перемещений (ни разу не назвав их путешествиями во времени), но записывать его рассказ запретил. То и дело он говорил: «Ну, это очевидно…» и рассказывал дальше, хотя очевидным это было только для него да еще, может быть, для Господа Бога.

Когда он закончил, я спросил:

— Мои знакомые говорили, что вы так и не смогли отрегулировать аппаратуру. Не снижает ли это значение открытия?

— Что? Чепуха! Если что-нибудь нельзя измерить, молодой человек, то это уже не наука, — он немного поклокотал, словно чайник на конфорке. — Я покажу Вам!

Он отошел и занялся подготовкой опыта. Свою кухню он называл «фазовой темпоральной точкой». Для человека непосвященного это была низкая платформа с решеткой вокруг нее, плюс приборная доска — не сложнее, чем у парового котла низкого давления. Уверен, что останься я один, я вскоре разобрался бы в управлении, но мне было строго-настрого приказано стоять на

месте и ни к чему не притрагиваться. Я опознал восьмипозиционный самописец Брауна, несколько мощных соленоидных переключателей, еще с дюжину более или менее знакомых деталей, но без принципиальной схемы я не мог связать их воедино.

Он обернулся ко мне и спросил:

— Есть у вас мелочь?

Я выгреб все и протянул ему. Он взял две пятидолларовые монеты — изящные зеленые шестиугольники из пластмассы, их выпустили только в этом году. Учитывая состояние моего бюджета, я был бы рад, если бы он выбрал монеты помельче.

— Ножик у вас есть?

— Да, сэр.

— Выцарапайте на них свои инициалы.

Я послушался. Потом он велел их положить рядом на площадку.

— Засеките время. Я перемещу их точно на неделю, плюс-минус шесть секунд.

Я уставился на часы. Твишелл начал отсчет:

— Пять… четыре… три… два… один… *ноль*!

Я поднял глаза от часов. Монеты исчезли. Не скажу, чтобы глаза мои вылезли на лоб — ведь Чак уже рассказывал мне об этом опыте, но все-

таки совсем другое дело — увидеть это своими собственными глазами.

— Через неделю мы зайдем сюда и увидим, как одна из них вернется, — оживленно сказал доктор Твишелл. — Что касается другой… вы ведь видели обе монеты на площадке? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления.

Он в самом деле все время стоял в добрых пятнадцати фунтах от решетки и ближе не подходил.

— Чудесно. А теперь идите сюда, — он полез в карман. — Вот одна ваша монета. А вторую получите через неделю.

И он сунул мне в руку пятидолларовую монету с моими инициалами.

Я ничего не сказал по этому поводу, потому что у меня отвисла челюсть. А он продолжал:

— На прошлой неделе вы меня сильно раззадорили. В среду я пришел сюда, в первый раз… да, за целый год. На площадке я нашел эту монету и понял, что произошло… то, что произойдет… Поэтому я и решил показать вам этот опыт.

Я вертел монету, разглядывал ее со всех сторон.

— Она была у вас в кармане, когда мы пришли сюда?

— Конечно.

— А как она могла быть одновременно и в вашем кармане, и в моем кармане?

— Господи, боже мой, есть ли у вас глаза, чтобы видеть? И мозги, чтобы понимать? Вы что, не можете принять очевидный факт оттого, что он выходит за рамки тупой обыденности? Вы принесли ее сюда сегодня — и мы ее отправили в прошлую неделю. Это мы видели. Несколько дней назад я нашел ее здесь. Эту же денежку… или, точнее, более поздний сегмент пространственно-временной структуры — она на неделю старше, немного более потертая. Сказать, что она «та же», нельзя, как нельзя говорить, что взрослый человек — то же самое, что и ребенок, из которого он вырос. Он старше.

Я снова взглянул на монету.

— Доктор… отправьте меня на неделю назад.

— Об этом не может быть и речи, — сердито ответил он.

— Почему? Ваша машина не может работать с людьми?

— Что? Конечно же, она может работать и с людьми.

— Тогда почему бы не попробовать? Я не боюсь. Только подумайте, как чудесно будет, если я опишу в книге… собственные впечатления. Тогда я смогу ручаться собственным опытом, что машина Твишелла работает.

— Вы уже можете ручаться. Вы видели ее в работе.

— Да, — нехотя согласился я. — Но мне не поверят. Этот опыт с монетами… я его видел и верю в него. Но кто-нибудь из моих читателей сможет сказать, что вы — просто ловкий шарлатан и мистифицировали меня.

— Черт побери, сэр!

— Так могут сказать они. Их невозможно будет убедить, что я сам видел все то, о чем написал. А вот если вы отправите меня на неделю назад и я смогу описать свои ощущения…

— Садитесь и слушайте, — он уселся, но для меня стула не нашлось, хотя он не обратил на это никакого внимания.

— Когда-то я уже экспериментировал с людьми. Именно поэтому я никогда не пойду на это снова.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не говорите чепухи, — он быстро глянул на меня и добавил, — только в книге об этом не

должно быть ни слова.

— Как скажете, сэр.

— Серия предварительных опытов показала, что живые существа переносят темпоральные перемещения без малейшего вреда для организма. Я по секрету рассказал об этом моему приятелю, молодому парню, который преподавал рисование и все такое прочее в Архитектурном Колледже. Конечно, больше бы подошел инженер или ученый, но я выбрал его: у него был живой ум. Этот парень — его звали Леонард Винсент — решил рискнуть… причем всерьез. Он потребовал, чтобы я переместил его не менее, чем на пятьсот лет. Я не устоял перед этим искушением.

— И что было с ним потом?

— Откуда я знаю? Пятьсот лет! Я просто не доживу до тех лет.

— Так вы думаете, что его занесло в будущее?

— Или в прошлое. Он вполне мог оказаться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Здесь неопределенность — симметричные уравнения. Иногда я думаю… хотя, конечно, нет — …просто имена похожи…

Я не стал спрашивать, что он имел в виду, мне внезапно пришла в голову та же мысль, и волосы у меня встали дыбом. Но у меня хватало своих

проблем, и я не стал развивать эту идею. Тем более, что в пятнадцатом веке человек никак не мог попасть в Италию из Колорадо.

— …И я решил прекратить опыты. Это уже не наука, когда не видишь результатов эксперимента. Хорошо, если он попал в будущее, а если в прошлое… это значило бы, что я своими руками отправил друга на расправу дикарям. Или на съедение диким зверям.

Я подумал, что с тем же успехом он мог стать Великим Белым Богом,[13] но придержал эту мысль при себе.

— Но меня-то не нужно посылать так далеко.

— Если вы не возражаете, сэр, не будем больше об этом.

— Как хотите, профессор, — сказал я, не собираясь сдаваться. — Позвольте подбросить вам идею.

— Валяйте.

— Мы можем повторить опыт, точнее, устроить генеральную репетицию.

— Что вы имеете в виду?

— Нужно подготовить аппаратуру к переме-

---

[13] Примечания: 13

Автор, вероятно, в первом случае намекает на Леонардо да Винчи (*Леонард Винсент*), а во втором — на Кетцалькоатля (*Великий Белый Бог*) — одно из божеств древних майя.

щению живого существа — я, так и быть, отказываюсь от этой чести. Мы все сделаем так, как будто вы собрались переместить меня, вплоть до момента нажатия кнопки. Тогда я смогу описать опыт… в меру своих сил, конечно.

Он поворчал немного, но было видно, что ему не терпится показать свою игрушку во всей красе. Он взвесил меня, потом подобрал несколько железных чушек по моему весу — сто пятьдесят футов.

— На этих же весах я взвешивал бедного Винсента.

Мы перенесли чушки на площадку.

— И какое же время мы выберем? Назначайте.

— Вы говорили, что аппаратура у вас точная?

— Да, говорил. А вы что, сомневаетесь в этом?

— Нет, нет! Ну, давайте, прикинем: сегодня двадцать четвертое мая… что, если будет тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

— Что за чушь, сэр! Когда я говорю «точность», я имею в виду стотысячные доли, а со стомиллионными мне некогда было возиться.

— Ясно. Но вы понимаете, что для меня важны подробности, а я так мало понимаю, так мало разбираюсь во всем этом. Не трудно будет настро-

иться на тридцать один год и три недели?

— Не трудно. Максимальное значение ошибки составит не более двух часов, — он поколдовал над приборами. — Можете забираться на платформу.

— И это все?

— Да. Остается подключить энергию. Напряжение, которое я использовал в опыте с монетами, здесь не годится. Но это не имеет значения, ведь мы не будем ничего перемещать.

Я был разочарован и постарался состроить соответствующую мину.

— Так вы и не собирались доводить дело до конца? Вы просто делали все теоретически?!

— Черт подери, сэр, вовсе нет!

— Но если вам не дают энергию…

— Найдется и энергия, если вам так хочется. Подождите.

Он отошел в угол, к телефону. Похоже, он висел здесь еще со времени основания лаборатории. В 2001 году мне еще не встречался такой раритет. Разговаривая с ночным диспетчером университетской подстанции, доктор Твишелл не опускался до спора с представителем невежественной толпы. Он был, как и подобает истинному гению, резок, краток и категоричен:

— ...а мне наплевать на то, что вы думаете! Перечитайте инструкцию. Я имею право получить все, что мне захочется. Ну что, нашли параграф? Или вы хотите, чтобы завтра утром я сам нашел его вам, но уже в присутствии ректора? Что? Вы хоть читать-то умеете? Удивительные способности! А писать? Тогда напишите: через восемь минут дать полное напряжение на аппаратуру Торнтоновской Мемориальной Лаборатории ввиду экстренной необходимости. Прочтите, что вы записали. — Он повесил трубку. — Ну, и народец!

Он подошел к пульту, повертел ручки и замер в ожидании. Даже со своей платформы я видел, как прыгнули стрелки на приборах. На пульте загорелся красный глазок.

— Есть энергия, — констатировал доктор Твишелл.

— И что дальше?

— Ничего.

— Так я и думал.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. Дальше — ничего.

— Боюсь, что не понял вас. Я думал, вы сообразите. Ничего не произойдет, пока я не замкну пусковой контакт, и тогда вы переместитесь на тридцать один год и три недели.

— А я вам говорю — ничего у вас не получится.

Он помрачнел.

— Мне кажется, сэр, вы слишком много себе позволяете.

— Называйте это как хотите. Я пришел сюда, доктор, чтобы узнать, насколько правдивы слухи о вашем открытии. И узнал. Я видел пульт с разноцветными кнопочками, такими же, как в дешевом фильме про ученого-безумца. Еще я видел этот балаганный фокус с двумя монетами. Не слишком убедительный — ведь вы сами выбрали монеты и сами сказали, как их следует поместить на платформе — у ярмарочных магов это получается лучше. Я слышал кучу горячих слов, но эти слова ничего не стоят. Все разговоры о вашем великом открытии — это просто блеф. Кстати, в Управлении Безопасности тоже так думают. Ваш отчет даже засекречивать толком не стали, просто подшили в общую папку вместе с другими малозначительными бумагами. Время от времени его достают и перечитывают смеха ради.

Бедный старикан. Мне показалось, что его вот-вот хватит апоплексический удар. Задел-таки я его слабую струнку, сыграл-таки на его тщеславии.

— Вылезайте оттуда, сэр. Подойдите сюда. Я

вас сейчас проучу. Голыми руками всю душу вытрясу!

Он разъярился и вполне мог избить меня, несмотря на разницу в возрасте, весовой категории и состоянии здоровья.

— Я не боюсь вас, папаша, — ответил я. — И этой дурацкой кнопки тоже не боюсь. Ну-ка, нажмите ее.

Он глянул на меня, глянул на кнопку, но не нажал.

Я заржал и сказал:

— Дохлый номер, как говорят мальчишки. Твиш, вы просто старый надутый шарлатан, чучело гороховое. Правду говорил полковник Трэшботтом…

И тут — свершилось!!!

10

Когда он треснул по кнопке, я крикнул, пытаясь остановить его. Но было поздно: меня уже несло куда-то. Я успел подумать, что не стоило доводить дело до такого конца. Я лишился всего и чуть не довел до инфаркта бедного старика, который не сделал мне ничего плохого. Я не знал, куда меня несет. И что хуже всего, не знал, доберусь ли я туда.

И тут я прибыл. Падать было невысоко, фута четыре, но я не был готов к этому и плюхнулся, как мешок.

— Откуда вы взялись, черт побери? — сказали надо мной.

Рядом стоял, руки в бока, лысый поджарый мужчина лет сорока. Взгляд у него был проницательный, лицо — умное и приятное, если не считать того, что он явно на меня сердился.

Я сел и обнаружил под собой гравий пополам с сосновыми иголками. Рядом с мужчиной стояла красивая женщина, гораздо моложе его. Она удивленно смотрела на меня, но ничего не говорила.

— Где я? — глупо спросил я.

Мне следовало бы спросить «Когда я?», но это прозвучало бы уж совсем по-дурацки и, кроме того, не имело смысла. Стоило на них взглянуть, чтобы сразу понять, что это не 1970 год.

Но это был и не 2001; в 2001 здесь стояла лаборатория. Итак, я попал не туда.

Из одежды на них был только густой загар. Меньше, чем стиктайтовский костюм. Но держались они непринужденно и ничуть не смущались своей наготы.

— Долго же до вас доходит. Я спросил, как вы здесь оказались? — он огляделся. — Что-то на деревьях не видно вашего парашюта. Что вы здесь делаете? Эта территория — частная собственность. Ваше вторжение незаконно. И где вы разжились этой шутовской одеждой?

Я не усматривал ничего непристойного в моем костюме, особенно, по сравнению с их «одеждой», но промолчал. Другие времена, другие обычаи. И я с моим костюмом вполне мог нажить себе неприятностей.

Женщина взяла его за руку.

— Оставь его, Джон, — мягко проговорила она, — похоже, он болен.

Мужчина взглянул на нее, потом снова уставился на меня.

— Вы больны?

Я кое-как поднялся на ноги.

— Пожалуй, нет. Разве что несколько синяков. А какое сегодня число?

— Что?! С утра было третье мая, первое майское воскресенье. Верно, Дженни?

— Да, дорогой.

— Послушайте, — настаивал я, — у меня была контузия, здорово треснули по голове. Назовите, пожалуйста, дату. Полную, понимаете?

— Как так — полную?

Мне не следовало спрашивать об этом, нужно было раздобыть газету или календарь, но я не мог ждать.

— Какой сейчас год?

— Ну ты даешь, братец! Конечно, 1970, — ответил он, пристально разглядывая мою одежду.

Я чуть не упал от радости. Все-таки свершилось! Получилось, черт побери! Мне снова повезло.

— Спасибо, — широко улыбнулся я. — Вы и представить себе не можете, как я вам благодарен. — Он смотрел на меня, как на буйного, и я поспешил добавить: — У меня бывают приступы амнезии. Однажды я потерял целых пять лет.

— Да, вам не позавидуешь, — медленно произнес он. — Но сейчас вы достаточно здоровы,

чтобы ответить на мои вопросы?

— Не приставай к нему, милый, — вмешалась женщина. — Похоже, он славный парень. А сюда забрел просто по ошибке.

— Посмотрим. Ну?

— Да, я здоров… уже целую минуту. Повторите, пожалуйста, вопрос.

— Ладно. Как вы сюда попали? И зачем так вырядились?

— Честно говоря, не знаю, как я здесь очутился. Я даже не знаю, где я сейчас. Приступ накатил совершенно внезапно. А что до одежды… ну, назовите это просто причудой. Вы ведь тоже… необычно одеты. Вернее, не одеты вовсе.

Он глянул вниз, на самого себя, и усмехнулся.

— Я вам объясню… почему мы с женой так одеты… точнее, не одеты. Хотя мы должны были бы не объяснять, а выставить вас отсюда. Вы же чужак, это видно по вашей одежде. Эта земля принадлежит Денверскому Солнечному Клубу.

Джон и Дженни Саттон оказались умными, дружелюбными и, что называется, без лишних предрассудков людьми. Они были из тех людей, что готовы и действующий вулкан пригласить на чашку чая. Джона явно не устроили мои объяснения, и он все порывался продолжить дознание, но

Дженни сдерживала его. Я твердо держался своей версии насчет «внезапных приступов амнезии» и, однако, «припомнил», что вчера вечером был в Денвере, в Нью-Браун Пэлис.

Наконец, он сказал:

— Ну, ладно, все это занятно, даже немного волнует. Я спрошу, кто из наших едет в Браули, а оттуда на автобусе можно добраться до Денвера, — он снова осмотрел меня с ног до головы. — Но в клуб я вас пригласить не могу — наши друзья не поймут меня.

Я тоже осмотрел себя. Странно, но я начал стесняться своей одежды и того, что был одет.

— Джон… а может, мне просто снять все это?

Такая перспектива меня не шокировала. Хотя я никогда раньше не бывал в лагере нудистов, у меня был кое-какой опыт, когда мы с Чаком загорали нагишом в Санта-Барбара и Лагуна-Бич.

Он кивнул:

— Да, пожалуй, так будет лучше.

— Дорогой, — сказала Дженни, — он вполне сойдет за нашего гостя.

— Мм… верно. Ты, моя дражайшая и единственная, неси свои прелести в клуб и постарайся всем раззвонить, что мы ожидаем гостя из… откуда вам угодно быть, Дэнни?

— Из Лос-Анджелеса, штат Калифорния. Я и в самом деле оттуда.

Я чуть не ляпнул «из Большого Лос-Анджелеса». Не дай бог сказать теперь «тактил» вместо «кино».

— …из Лос-Анджелеса. Этого, вкупе с «Дэнни» вполне достаточно. В неофициальной обстановке мы не пользуемся фамилиями. Итак, милая, говори об этом, как будто все решено загодя. А где-нибудь через часик жди нас у ворот. Но сначала зайди сюда и принеси мой чемоданчик.

— А зачем, дорогой?

— Мы спрячем туда этот маскарадный костюм. Уж больно он бросается в глаза… даже если считать его причудой, как рекомендовал Дэнни.

Как только Дженни Саттон ушла, я забрался в кусты и разделся. Прятался я не из стыдливости — вокруг талии я носил золото. По ценам 1970 года (шестьдесят долларов за унцию) моя проволока стоила двадцать тысяч. То есть, уже не совсем проволока: я сплел из нее ремень. Поначалу я долго возился, сматывая ее, чтобы помыться, теперь же достаточно было расстегнуть застежку.

Я завернул золото в одежду и прикинулся, будто она ничего не весит. Джон Саттон глядел на мой узелок, но ничего не говорил. Он угостил

меня сигаретой — их он носил за ремешком на лодыжке. Не думал я, что снова увижу сигареты, которые нужно прикуривать.

По привычке я помахал ею, но она не зажглась. Джон дал мне огня.

— Ну, а теперь, — сказал он, — пока мы одни, вы ничего не хотите добавить? Поскольку мы с Дженни вводим вас в свой клуб, я должен быть совершенно уверен, что не будет никаких неприятностей.

Я затянулся. В горле у меня запершило.

— Ничего такого не будет, Джон. Гарантирую.

— Ммм… а как же ваши «приступы амнезии»?

Я задумался. Положение было дурацкое. Он имел право знать все. Но скажи я правду, он, конечно, не поверит, зато хоть у меня будет совесть чиста. Хуже, если он поверит — дело может получить огласку, а мне это было ни к чему. Добро бы я был настоящим, честным, легальным путешественником во времени, да еще прибывшим сюда с научными целями. Тогда гласность мне была бы только на руку: я бы встретился с учеными, явил бы им неопровержимые доказательства…

Но я был частным лицом, причем довольно подозрительным. И явился я сюда по частному делу, которому лишняя огласка только повредит.

Я просто искал Дверь в Лето, стараясь сделать это незаметно.

— Джон, вы не поверите мне.

— Ммм… возможно. Послушайте, я видел, как с ясного неба упал человек… и при этом не разбился. Он был странно одет, не знал, куда он попал, и какой сегодня день. Я, конечно, читал Чарльза Форта, но воочию ничего такого увидеть не надеялся. Но если уж видел, то наскоро придуманными отговорками меня не проведешь. Ну?

— Джон, вы говорите, как… ну… судя по вашей манере строить фразы, вы, наверное, были юристом.

— Я и сейчас юрист, а что?

— Могу я рассчитывать на сохранение профессиональной тайны с вашей стороны?

— Ммм… вы хотите стать моим клиентом?

— Если вы так ставите вопрос, то да. Пожалуй, мне понадобятся ваши советы.

— Валяйте. Я сохраню все в тайне.

— Чудесно. Я — из будущего. Путешествую во времени.

Несколько минут он молчал. Мы лежали, растянувшись на солнышке, и загорали. Я поеживался: май в штате Колорадо солнечный, но прохладный. Но Джон Саттон, похоже, привык к этому и

спокойно грыз сосновую иголку.

— Вы правы, — ответил он наконец. — Я не верю этому. Давайте лучше сойдемся на приступах амнезии.

— Я же говорил, что вы не поверите.

— Скажем так: я не хочу верить в это, — подчеркнул он. — Я не хочу верить в духов, равно, как и в перерождения, или фокусы с экстрасенсорикой. Мне нравятся простые, доступные моему пониманию вещи. И всем прочим тоже. Итак, вот вам мой первый совет: пусть это останется между нами. Об этом не стоить трезвонить.

— Это мне подходит.

Он перевернулся.

— Мне кажется, ваш костюм стоит сжечь. Я найду вам какую-нибудь одежду. Она горит?

— Скорее плавится.

— И ботинки тоже стоит сжечь. У нас разрешается носить обувь, но эта не подойдет. Кто-нибудь обязательно спросит, где вы купили такие. Давайте их сюда.

— Извольте.

— Вот и хорошо, — и прежде, чем я успел его остановить, он взял мой узел. — Что за чертовщина?!

Отнимать было уже поздно. Я позволил ему

развязать узел.

— Дэнни, — сказал он странным голосом, — эта штука в самом деле то, чем она кажется?

— А чем она кажется?

— Золотом.

— Да, это золото.

— И где вы его взяли?

— Купил.

Он тронул мой пояс, любуясь мертвым блеском металла, потом взвесил его на руке.

— С ума сойти! Дэнни… слушайте меня внимательно. Сейчас я задам вопрос, и очень многое будет зависеть от того, как вы на него ответите. Мне не нужны клиенты, которые лгут. С такими я не связываюсь. И уж совсем не хочу быть соучастником уголовного преступления. Это золото попало к вам законным путем?

— Да.

— Вам известен закон 1968 года о золотом запасе?

— Известен. Я добыл это золото вполне законно и собираюсь продать его казне.

— У вас есть патент ювелира?

— Нет. Джон, я сказал вам сущую правду. Хотите — верьте, хотите — нет. Я купил его, а это легально, как дыхание. Теперь я хочу как можно

скорее превратить его в доллары. Я знаю, что хранить его не совсем законно. Что со мной сделают, если я приду в Монетную Палату Денвера, брякну его на прилавок и попрошу взвесить?

— Ничего особенного… если поверят в вашу «амнезию». Но до этого вам изрядно попортят кровь. Мне кажется, вам лучше схитрить.

— Закопать его?

— Ну, не так радикально. Скажем так: вы нашли его в горах. Где еще в наше время можно найти золото?

— Ладно… вам ведь виднее. Я не против маленькой невинной лжи.

— Причем тут ложь? Когда вы впервые увидели это золото? Какого числа вы вступили во владение им?

Я попытался припомнить. Это было в тот день, когда я приехал в Денвер из Юмы, где-то в мае 2001 года. Примерно, две недели назад…

— Быть посему, Джон. Итак, впервые я увидел это золото… сегодня, третьего мая 1970 года.

— В горах, — уточнил он.

* * *

Саттоны остались в клубе до утра понедельника, и я вместе с ними. Все прочие клубмены были

вполне дружелюбны, и им было в высшей степени наплевать на мои обстоятельства. Позднее я узнал, что именно это и считалось хорошим тоном в клубах такого рода. Мне подумалось, что таких разумных и вежливых людей не часто встретишь.

У Джона и Дженни в клубе была собственная комната, меня же поместили в общей спальне, где я изрядно промерз. Наутро Джон выдал мне рубашку и джинсы. Золото мы снова завернули в мой костюм и положили в багажник машины — Саттоны держали «ягуар-Император», из чего следовало, что Джон — не какой-нибудь затертый адвокатик. Впрочем, я и без того знал это.

Ночь я провел у них, и уже во вторник у меня были кое-какие деньги. Золота своего я больше не видел, но через пару недель Джон вручил мне пачку чеков. Это был денежный эквивалент моего сокровища, за вычетом обычного налога на сделки с золотом. Я узнал, что он не стал связываться с Монетной Палатой — вместе с чеками я получил расписки от покупателей. Себе за хлопоты он не взял ни цента. В детали этих сделок я не вникал, да и Джон помалкивал.

Итак, у меня снова были деньги, и я занялся делами. Уже во вторник, пятого мая, я не без по-

мощи Дженни арендовал маленькую мансарду в старом коммерческом квартале. Я обзавелся чертежным столом, стулом, раскладушкой и кое-какой мелочью. Конечно, там было электричество, газ, водопровод и туалет. Большего я и не хотел. К тому же приходилось экономить каждый дайм.[14]

Проектировать с циркулем и линейкой было скучно и непроизводительно. У меня не было ни одной свободной минуты, и поэтому, прежде чем взяться за воссоздание «Фрэнка», я занялся «Чертежником Дэном». Только теперь «Умница Фрэнк» становился «Питом Протеем», универсальным автоматом, и мог делать все, что делает человек. Я знал, что «Пит Протей» недолго останется универсалом. Его потомки будут узко специализированы, но мне важно было запатентовать все, что возможно.

Для патентной заявки не требовалась рабочая модель, хватило бы чертежей и описаний. Модель нужна была мне самому, при этом она должна была отлично знать свое дело, чтобы ее не стыдно было показать кому угодно. Она должна была продавать саму себя, наглядно демонстрируя

---

[14] Примечания: 14
Дайм — монета в десять центов.

всем и каждому свою полезность и выгодность. Автоматы должны были быть не только работоспособны, но и оправданы экономически, ведь патентные бюро завалены изобретениями, которые хоть и работают, но в коммерческом отношении являют собой сущий «пшик».

Работы шли и быстро, и медленно: быстро потому, что я точно знал свою цель, медленно — оттого, что не было приличной мастерской и помощников. Скрепя сердцем, я раскошелился, взял напрокат кое-какое оборудование, и дела пошли лучше. Я работал дни напролет, семь дней в неделю, питался кое-как и лишь раз в месяц позволял себе провести уик-энд с Джоном и Дженни в их клубе близ Боулдера. В первых числах сентября два робота были готовы. На фабрике я заказал для них корпуса с добротной отделкой и хромированным покрытием движущихся внешних частей — единственная работа, которую я сделал не сам. Стоило это недешево, но я нутром чувствовал, что без этого не обойтись. Мне снова здорово помог каталог стандартных деталей. Конечно, все они стоили денег, но тут уж деваться было некуда. А вот тратиться на украшение было жалко.

Я был так занят, что забыл об осторожности. Од-

нажды я вышел купить сервомотор и напоролся на знакомого из Калифорнии. Он окликнул меня, и я сдуру отозвался.

— Эгей! Дэн! Дэнни Дэвис! Ты откуда здесь взялся? Я-то думал, что ты сейчас в Мохауве!

Мы поздоровались за руку.

— Просто деловая поездка. Вернусь через пару дней.

— А я возвращаюсь нынче вечером, позвоню Майлзу и расскажу, что видел тебя.

Я увял.

— Ради бога, не надо.

— Почему? Вы же с Майлзом друзья — не разлей вода.

— Ну, видишь ли, Март, Майлз не знает, что я здесь. По идее, я должен был быть в Альбукерке по делам компании. А здесь у меня сугубо личное дело. Понимаешь? Никакого отношения к фирме оно не имеет. И мне не хотелось бы обсуждать это дело с Майлзом.

Он понимающе кивнул.

— Здесь замешана женщина?

— Хмм… да.

— Замужняя?

— Считай, что так.

Он подмигнул и ткнул меня пальцем в ребра.

— Понял. Майлз ведь известный святоша. О'кей, я тебя покрою, а ты когда-нибудь выручишь меня. Она хоть хорошенькая?

«Покрыть бы тебя дерновым одеялом, чертов проныра», — подумал я про себя.

Март был второразрядным коммивояжером и большую часть рабочего времени обхаживал официанток вместо того, чтобы вербовать покупателей. Впрочем, дело неплохо шло и без него.

Я угостил его стаканчиком и баснями о «замужней бабе», он поведал мне о своих подвигах, наверняка вымышленных, и мы распрощались.

А однажды мне подвернулся случай угостить доктора Твишелла, правда, ничего из этого не вышло.

Случайно я уселся неподалеку от его столика в аптеке на Чайна-стрит и увидел его в зеркале. Первым моим побуждением было заползти под стойку и подольше оттуда не высовываться.

Потом я сообразил, что из всех живущих в 1970 году он для меня наиболее безопасен. Бояться было нечего, ведь между нами еще ничего не произошло… в смысле «ничего не произойдет». Не стоит и пытаться выразить это — когда складывалась английская грамматика (да и русская тоже), о путешествиях во времени и слыхом не

слыхали. Придется, видно, вводить в английский язык новые категории, вроде как во французском или в классической латыни.

Как бы то ни было, Твишеллу было не за что дуться на меня. Я мог смотреть ему в глаза с чистой совестью.

Сперва я подумал, что обознался. Но нет, у Твишелла было лицо не чета моему: четкое, самоуверенное, высокомерное и довольно красивое. Он чем-то напоминал Зевса. Я вспомнил, во что превратится это лицо и содрогнулся, вспомнив, как я обошелся со стариком. Я удивился — как я посмел.

Твишелл перехватил в зеркале мой взгляд и обернулся ко мне.

— В чем дело?

— Ммм… вы ведь доктор Твишелл? Из Университета?

— Да, из Денверского Университета. Я с вами где-то встречался?

Я чуть не сел в лужу, забыв, что в этом году он уже преподавал в городском университете. Трудно было вспомнить по двум направлениям сразу.

— Нет, доктор, но я слышал ваши лекции. Можете считать меня своим поклонником.

Он изобразил что-то вроде улыбки. В этом возрасте человек еще не нуждается в лести. Достаточно того, что он сам знает свои возможности.

— Вы уверены, что не спутали меня с кинозвездой?

— О нет! Вы — доктор Хьюберт Твишелл… великий физик.

Он дернул щекой.

— Скажем, просто физик. А еще точнее — стараюсь им стать.

Мы поболтали кое о чем, и когда он расправился со своим бутербродом, я попытался поставить ему стаканчик. Я попросил оказать мне честь угостить его. Он помотал головой.

— Крепкое я пью только после захода солнца. Во всяком случае, спасибо. Приятно было посидеть и поговорить с вами. Будете проходить мимо Университета — загляните ко мне в лабораторию.

Я ответил, что не премину этого сделать.

Не так уж много я напортачил в 1970 году (не то, что в прошлый раз): я уже знал, что к чему. Помогло мне и то, что большинство моих знакомых жили в Калифорнии. На будущее я решил, что буду делать, если встречу знакомую физиономию — отделаюсь холодным кивком и побыстрее

смоюсь от греха подальше.

Гораздо больше досаждали мелочи. К примеру, я так и не мог отвыкнуть от стиктайтовского шва и снова привыкнуть к «молнии». Только через полгода я начал понимать все это как само собой разумеющееся. И бритье — я снова должен был бриться! Однажды я простыл — совершенно забыл, что одежда может промокнуть под дождем. Воистину, ужасны призраки прошлого! Хотел бы я видеть в своей шкуре всех этих тонких эстетов, что щерятся на прогресс и лепечут о неповторимых прелестях минувших времен. Нет ничего хорошего в том, что пища остывает, что рубашки надо стирать, что зеркало в ванной запотевает в самое неподходящее время, что из носа течет, что под ногами грязь и в легких тоже. Короче говоря, я знавал лучшие времена, и 1970 год ознаменовался для меня чередой мелких неприятностей.

Потом я привык ко всему этому, как собака — к своим блохам. В 1970 году Денвер еще оставался старомодным самобытным городком. Я почти полюбил его. Не было и намека на Великую Стройку, на все, что я видел (или увижу), приехав туда из Юмы. По улицам бегали автобусы, и все такое прочее. Население еще не перевалило за два миллиона и отыскать Колфакс-Авеню ничего

не стоило.

Денвер в роли столицы штата был похож на мальчика, впервые надевшего вечерний костюм. Он все еще тяготел к сапогам с высокими каблуками, но влияние Дикого Запада понемногу сходило на нет, и вскоре этому городу предстояло вырасти в безликий метрополис с посольствами, шпионами и шикарными ресторанами. А пока его застраивали на скорую руку: надо же было где-то разместить бюрократов, парламентских лоббистов, посредников, секретарей-машинисток и блюдолизов. Здания возводили так быстро, что едва успевали сгонять коров с пастбищ, ставших стройплощадками. И все-таки, Денвер лишь на несколько миль приблизился к Аурор на востоке, к Гендерсону на севере и к Литтлтоку на юге. Между ними и Военно-воздушной Академией все еще были поля. Правда, на западе он забрался в горы, и федеральные учреждения стояли вплотную к голым скалам.

Мою нежность к Денверу не смог поколебать даже федеральный бум, настолько я был рад вернуться в свое собственное время.

Но проклятые мелочи не оставляли меня в покое. Поступив в штат «Горничные Инкорпорейтед», я вылечил себе зубы и думать о них

забыл. Но в 1970 году не было антикариесных таблеток, в зубе появилось дупло, и он начал донимать меня все сильнее. Я пошел к дантисту и совершенно забыл, что он увидит меня во рту. Он моргал, совал свое зеркальце то туда, то сюда и, наконец, сказал:

— Иосафат Великий! У кого вы лечили свои зубы?

— О-о-н-а?

Он вынул зеркальце из моего рта.

— Кто это сделал? И как?

— Что? Это вы про зубы? Мне их чинили в одной экспериментальной клинике… в Индии.

— Как им это удалось?

— Откуда я знаю?

— Ммм… подождите минутку. Я должен сделать несколько снимков, — и он начал возиться с рентгеновским аппаратом.

— Нет-нет, — запротестовал я, — просто вычистите эту дыру, закупорьте ее и отпустите меня.

— Но…

— Мне очень жаль, доктор, но сейчас я очень тороплюсь.

Он сделал, как я просил, хотя время от времени прерывался, снова и снова осматривая меня и мои зубы. Я заплатил наличными и исчез, не оста-

вив следа. Уверен, что у него появились кое-какие идеи. Пусть, ничего страшного. Люди должны сами доходить до всего, а не получать готовенькое. Поэтому я и не позволил сделать рентген.

Потея по шестнадцать часов в сутки над «Чертежником Дэном» и «Питом Протеем», я умудрялся левой задней делать еще кое-что. Анонимно, через адвокатскую контору Джона, я снесся с солидным сыскным агентством и заказал данные о прошлом Беллы. Я сообщил им адрес, личный номер и марку машины (на случай, если понадобятся отпечатки протекторов) и намекнул, что она, возможно, не раз была замужем, и что полиция, может быть, завела на нее дело. В целях экономии я старался максимально сузить для них круг поисков.

Если бы поиск занял дней десять, я бы распростился со всеми своими денежками. Но агентство работало быстро, и через пару дней на адрес конторы Джона пришел толстый пакет.

Белла оказалась деловой девушкой. Она была на шесть лет старше, чем сказала мне, и до восемнадцати лет успела дважды побывать замужем. Один из этих браков был незаконным — у парня уже имелась семья. Было неясно, удосужилась ли она развестись с ним. С восемнадцати лет она

была замужем четырежды, хотя одно замужество внушало сомнения. Не так уж сложно сделаться «солдатской вдовой», тем более, что «муж» погиб и протестовать не может. Однажды она была разведена (официально), и один из ее мужей умер своей смертью. Оставался, по крайней мере, один, с которым она продолжала «состоять в браке».

Ее полицейское досье было толстым и интересным, хотя в уголовном преступлении ее изобличили лишь однажды, в Небраске, но освободили под залог. Это установили по отпечаткам пальцев, потому что она, выйдя на свободу, сменила имя и получила новый личный номер. Агентство спрашивало, нужно ли уведомить власти штата Небраска.

Я ответил им, что не нужно: дело было девять лет назад, срок давности уже истек. Я надивиться не мог: каким же я был болваном! Воистину, рефлекторные реакции никого не доводят до добра.

К октябрю я понял, что безнадежно отстал от своего графика. Я еще не закончил описание, а без него чертежи стоили немного. К заявке я вовсе не притрагивался. С коммерсантами я еще не связывался — мне нечего было им показать — и это было хуже всего. Мне просто не хвата-

ло времени на все. Пожалуй, следовало бы мне попросить доктора Твишелла переместить меня не на тридцать один, а на тридцать два года, да еще недельки три зарезервировать для отдыха. Похоже, что я тогда здорово переоценил свои возможности.

Саттонам я своих игрушек не показывал. Не то, чтобы я чего-то побаивался, просто не хотел разговоров и бесполезных советов, пока не закончу работу. В последнюю октябрьскую субботу я собирался к ним в клуб и поэтому работал до последней ночи, нагоняя график. Будильник задребезжал слишком рано — я сам его так поставил, чтобы успеть побриться. Бритва, будильник! Слава богу, что 2001 году нет таких садистских предметов. Побрившись, я собрался с духом и пошел в угловую аптеку позвонить и объявить своим друзьям, что не смогу с ними поехать.

К телефону подошла Дженни.

— Дэнни, ты слишком много работаешь. Уикэнд на природе пойдет тебе только на пользу.

— Ничего не поделаешь, Дженни. Я должен работать. Простите меня.

Джон взял вторую трубку.

— Что за вздор ты несешь, Дэн?

— Мне нужно работать, Джон. Времени не хва-

тает. Передавай всем в клубе привет.

Я поднялся к себе, сжег пару гренок, завулканизировал несколько яиц и сел за чертежи.

Часом позже ко мне постучались Саттоны.

Отдыхать мы так и не поехали. Зато я показал им обе машины. «Чертежник Дэн» не особенно впечатлил Дженни (оно и понятно, если женщина не инженер), но от «Пита Протея» ее было не оторвать. Дома у нее была пятая модель «Горничной», и она живо поняла, что «Пит» может гораздо больше.

А вот Джон сразу оценил «Чертежника Дэна». Перебирая клавиши (кое-какая практика у меня была), я ловко изобразил свою подпись, неотличимую от настоящей. Он поднял бровь.

— Слушай, парень, так ты всех чертежников оставишь без работы.

— Не оставлю. Нашей стране не хватает инженеров, вот эта штука и восполнит их дефицит. Лет тридцать спустя такая машина будет у каждого инженера и архитектора. Без нее они просто загнутся, как современный механик без электрических инструментов.

— Ты говоришь обо всем этом так, как будто знаешь наверняка.

— Так оно и есть.

Он осмотрел «Пита Протея» — я приказал тому навести порядок на моем рабочем столе — потом вернулся к «Чертежнику Дэну».

— Знаешь, Дэнни… иногда мне кажется, что ты тогда сказал правду… помнишь, когда мы встретились впервые.

Я пожал плечами.

— Назови это предвидением… но я точно знаю. Уверен, что так и будет. Разве важно — откуда?

— Пожалуй, нет. И что ты хочешь делать с этими штуками?

Я нахмурился.

— В том-то и вся загвоздка, Джон. Я — хороший инженер, вполне приличный механик, но делец из меня никакой. Это доказано. Ты разбираешься в патентных законах?

— Нет, я уже говорил тебе. Для этого нужен узкий специалист.

— Найди мне кого-нибудь почестнее. И чтобы его не нужно было подгонять. Мне нужен патентный адвокат. Я собираюсь основать фирму и управлять ею, но с финансами связываться не хочу. И у меня совсем нет времени.

— Почему?

— Я собираюсь вернуться туда, откуда явился.

Он уселся и долго молчал.

— Сколько у тебя времени? — спросил он наконец.

— Гм… недель девять, если считать со следующего вторника.

Он снова взглянул на машины.

— Я бы на твоем месте пересмотрел сроки. Девять месяцев, если все пойдет гладко. Только тогда их можно будет пустить в производство.

— Джон, это невозможно.

— То же самое говорю и я.

— Я имею в виду, что не смогу изменить срок. Это мне неподвластно… уже.

Я закрыл лицо руками. Я смертельно устал: в среднем, мне доводилось спать не более пяти часов в сутки. В конце концов, у бизнеса свои законы — с ними можно бороться, но победить их невозможно.

Я посмотрел ему в глаза.

— А ты мог бы управлять всем этим?

— Чем? И в какой степени?

— Целиком. Я уже сделал все, что мог и умел.

— Это большое дело, Дэн. Известно ли тебе, что я смогу тебя обкрадывать, как захочу? Этот бизнес может принести миллионы.

— Так оно и будет. Я точно знаю.

— Зачем же делиться со мной? Не лучше ли

выплачивать мне гонорар?

Я честно попытался обдумать это, но голова адски болела. Однажды у меня уже был компаньон — но нельзя же, черт возьми, из-за одного мошенника не доверять всем и каждому. Так можно уподобиться одноглазому отшельнику в глухой пещере. Абсолютной безопасности не бывает. Если уж человек живет, он должен рисковать. И надо, в конце концов, доверять людям.

— Джон, ты знаешь мой ответ. Ты-то мне поверил. Сейчас мне снова нужна твоя помощь. Ты мне поможешь?

— Конечно, поможет, — мягко вставила Дженни. — Хотя, честно говоря, я не знаю, что вы обсуждаете. Слушай, Дэнни, эта штука может мыть посуду? У тебя нет ни единой чистой тарелки.

— Как ты сказала, Дженни? О, конечно, может.

— Тогда вели ему перемыть всю посуду. Смотреть тошно.

— Он еще не запрограммирован на мытье посуды. Но, если тебе угодно, я мигом сделаю. Это займет часа два. Зато он станет лучшей посудомойкой в мире. Но сначала надо… м-м, видишь ли, мытье посуды — работа тонкая, не то, что класть кирпичи, или водить трактор. Здесь слиш-

ком много вариантов, и поэтому надо работать с умом.

— Великий боже! Наконец-то хоть один мужчина понял, что такое домашняя работа. Дорогой, ты слышал, что он сказал? Ну, ладно, возись дальше. Посуду я вымою сама, — она осмотрелась. — Дэн, у тебя, мягко выражаясь, не комната, а свинарник.

Святая правда, я даже не подумал, что «Пит Протей» может убирать у меня. Я старался, чтобы он мог делать все, что понадобиться покупателям, а сам тем временем заметал мусор в угол, да и то изредка. Я начал учить его всему, что умел «Умница Фрэнк», благо ламп Фрезена было в нем втрое больше, чем у «Фрэнка».

Теперь у меня было на это время. Все остальные дела взвалил на себя Джон.

Дженни отпечатала описания, а для оформления заявки Джон нанял патентного адвоката. Не знаю, заплатил ли ему Джон наличными или заинтересовал в прибылях. Я ни о чем не спрашивал, доверил Джону все дела, вплоть до определения дивидендов с будущих прибылей и был совершенно уверен, что он не пойдет по дорожке Майлза. Теперь я был свободен и смог всерьез заняться своей настоящей работой. Честное слово, до всего прочего мне не было дела. В

конце концов, не в деньгах счастье. Я должен был полностью доверять Джону, или подыскать пещеру и стать отшельником.

Но на двух пунктах я настоял.

— Джон, ты должен назвать свою фирму «Аладдин».

— У тебя богатая фантазия. Чем плохо «Дэвис и Саттон»?

— Так нужно, Джон, так должно быть.

— Почему? Опять твое предвидение?

— Может быть. На товарном ярлыке мы изобразим Аладдина с лампой и выходящего из нее джина. И еще одно: главная контора должна быть в Лос-Анджелесе.

— Что? Ты спятил, если думаешь сманить меня туда. Чем тебе не нравиться Денвер?

— Всем нравится. Денвер — красивый город, но строить здесь фабрику нельзя. Стоит только подобрать здесь приличное место, как окажется, что эта земля нужна какому-нибудь федеральному ведомству, и тебе снова придется искать. А время уходит. Кроме того, здесь не хватает рабочей силы, строительные материалы на вес золота, некоторые детали днем с огнем не найдешь. А в Лос-Анджелесе — неисчерпаемый рынок рабочей силы, Лос-Анджелес — морской порт, в Лос-Ан-

джелесе — …

— А как насчет смога? Его-то к достоинствам не отнесешь.

— Смог скоро победят. Поверь мне. Кстати, разве ты не заметил, что и в Денвере взялись производить его?

— Подожди минутку, Дэн. Мне вполне ясно, что тебя не переспоришь — значит, это и в самом деле важно. Но у меня должна быть какая-то свобода.

— Естественно, Джон.

— Конечно, надо быть полным психом, чтобы переезжать в Калифорнию. Я бывал там во время войны, видел все. Спроси у Дженни, она коренная калифорнийка — это ее тайный грех. Ее туда багром не затащишь. А здесь — чудесные зимы, свежий горный воздух, великолепные…

— Я никогда не зарекалась вернуться в Калифорнию, — сказала Дженни, оторвавшись от вязания.

— Что такое, дорогая?

Дженни не любительница трепаться. Если уж она заговорила, значит ей есть что сказать.

Она отложила спицы — добрый знак.

— Дорогой, в Калифорнии мы могли бы вступить в клуб Дубовой Долины. Они там купаются круглый год. Когда мы в последний раз приезжа-

ли в Боулдер, весь бассейн был затянут льдом.

Наконец, наступил долгожданный день — 2 декабря 1970 года. Я тянул с отъездом до последней минуты. Из-за чудовищной дороговизны деталей я совсем издержался, и мне пришлось занять у Джона три тысячи в счет будущих прибылей. Он позволил мне написать расписку, потом порвал ее и бросил клочки в корзину.

— Расплатишься, когда станешь миллионером.

— Это будет лет через тридцать, Джон.

— Неужели так долго?

Я задумался. После нашей первой встречи он ни разу не попросил меня рассказать мою историю. Да и тогда он прямо заявил, что не верит ни одному моему слову — однако поручился за меня в клубе.

Пришло время рассказать ему все до конца, я так и сказал ему.

— Может, разбудить Дженни? Она тоже имеет право узнать обо всем.

— М-м… не стоит. Пусть себе спит, пока не придется прощаться. Дженни — цельная натура, Дэн. Уж если она любит человека, ей наплевать, кто он и откуда взялся. Если хочешь, я потом ей все перескажу.

— Как знаешь… — И я подробно рассказал ему

все, изредка прикладываясь к стакану с прохладительным (у меня были причины не прикасаться к алкоголю) и кончил тем мгновением, когда мы встретились на горном склоне близ Боулдера. — Вот и все, — сказал я. — Пожалуй, стоит сказать еще об одном. Мне пришлось падать, правда не высоко. Это значит, что для строительства лаборатории грунт насыпали. А если бы его срыли бульдозером, я бы оказался заживо погребенным под землей. Скорее всего, вы бы тоже погибли — такой взрыв может стереть в порошок весь округ, хотя никто не знает, что случается, когда две массы одновременно оказываются в одной и той же точке пространства.

Джон молчал, прикуривая.

— Дэн, ты много рассказывал мне о будущем Лос-Анджелеса — я имею в виду Большой Лос-Анджелес. Я дам тебе знать, когда сам проверю, насколько точен твой рассказ.

— Все точно. Разве что забылись кое-какие мелочи.

— М-м… все логично. Но пока позволь мне считать тебя самым приятным психом из всех, что я встречал. Это не помешает тебе как инженеру… и как другу тоже. Ты мне нравишься, парень. К Рождеству я подарю тебе новую смирительную

рубашку.

— Что ж, думай, как хочешь.

— Да, именно так. Иначе я сам сойду с ума… а это может не понравиться Дженни, — он взглянул на часы. — Давай-ка разбудим ее. Если я позволю тебе уехать, не попрощавшись с нею, она меня оскальпирует.

— Давай.

Они отвезли меня в Денверский Международный аэропорт, и Дженни чмокнула меня на прощание. Одиннадцатичасовым рейсом я отправился в Лос-Анджелес.

11

На следующий вечер, третьего декабря 1970 года, я взял такси и поспешил к дому Майлза. Я не знал в точности, в каком часу очутился там в тот раз, и поэтому решил приехать загодя. Отпустив такси за квартал до особняка Майлза, я подошел пешком. Было темно, у дома стояла только одна машина Майлза. Я отошел метров на сто и стал ждать.

Две сигареты спустя подъехала другая машина, остановилась. Фары погасли. Я подождал еще минуту, потом подошел к ней. Это была моя машина.

Ключа у меня не было, но это меня мало беспокоило: погруженный по самые уши в инженерные проблемы, я вечно забывал ключ в самых неожиданных местах, и поэтому давно выработал привычку держать в багажнике запасной. Я достал его и забрался в машину. Не зажигая фар, я снял машину с ручного тормоза и позволили ей катиться вниз по улице до угла, и только тогда запустил двигатель. На самых малых оборотах, без огней, я объехал квартал и остановился в

переулке позади дома Майлза и как раз напротив его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул внутрь сквозь грязное окошко и увидел какую-то темную массу. Вглядевшись попристальнее, я различил очертания моего старого друга, «Умницы Фрэнка».

В Южной Калифорнии того времени гаражи строились без расчета на взлом. С замком я справился за считанные секунды. Гораздо больше времени я потерял, разбирая «Фрэнка» на составные части и запихивая их в машину. Перво-наперво, я отыскал чертежи и записи — они оказались там, где я и ожидал их найти. Я отнес их в машину и бросил прямо на пол, а уж потом занялся самим «Фрэнком». Никто лучше меня не знал его соединений, к тому же, я не слишком церемонился — все это ускорило дело, но все равно, вкалывать пришлось целый час.

Я едва успел затолкать в багажник последний блок (это было шасси от инвалидного кресла) и черепашьим ходом отогнал машину подальше, как завыл Пит. Ругая себя за неуклюжесть и нерасторопность, я обежал гараж и задний двор. Представление началось.

Я твердо обещал себе, что уж на этот раз обязательно наслажусь зрелищем Питова триумфа, но

ничего не увидел. Хотя задняя дверь была открыта, проем оказался затянут сеткой, и ни один из бойцов так и не попал в поле моего зрения. Зато я слышал беготню, треск, леденящий кровь вой Пита, визг Беллы и прочее. Я подкрался к двери, надеясь увидеть хотя бы финал кровавой сцены.

Дьявол! Сама сетка была на крючке!

Этого я не учел. Я поспешно достал нож, сломал ноготь, открывая его, откинул крючок и вовремя отскочил. Пит ударил в сетку, словно киношный мотоциклист, таранящий забор.

Приземлился я прямо в розовый куст, выбрался на тротуар и отошел подальше от освещенной двери. Теперь надо было ждать, пока Пит затихнет. Я знаю котов. В таких случаях их лучше не трогать.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня, издавая свой боевой клич, я тихонько звал его.

— Пит, иди ко мне. Пит, успокойся, парень, все в порядке.

Он знал, что я близко, и даже видел, но все равно игнорировал. Ему нужно было сперва расправиться с врагами, а уж потом общаться со мной. Я знал, что он придет ко мне, когда немного успокоится.

Пока я ждал, сидя на корточках, в доме по-

слышался шум воды — враги зализывали раны, оставив меня в гостиной. Тут ко мне пришла ужасная мысль: а что, если подкрасться к моему бесчувственному телу и перерезать ему горло? Я подавил ее в зародыше: не настолько я любопытен, чтобы из чисто академического интереса идти на убийство, а тем более — на самоубийство.

К тому же, результата, скорее всего, так и не увидишь.

Кроме того, мне вообще не хотелось входить в этот дом. Конечно, я мог бы прирезать Майлза… но он и так скоро умрет.

Наконец, Пит остановился футах в трех от меня.

— Мрроурр? — сказал он, имея в виду: «Давайка вернемся и порвем их на куски. Ты сверху, а я снизу».

— Нет, парень, забава кончилась.

— Мяу!

— Пора идти домой, Пит. Иди к Дэну.

Он сел и начал умываться.

Когда он закончил, я вытянул руки, и он прыгнул ко мне.

— Мррр? («А где ты был, когда я дрался?»)

Я отнес его к машине и опустил на сиденье

водителя — единственное свободное место. Он обнюхал железки, громоздящиеся на его обычном месте и с упреком посмотрел на меня.

— Поедешь у меня на коленях, — сказал я. — Не суетись.

Мы выехали на улицу, и я включил фары. Я направился к Большому Медвежьему озеру, к лагерю девочек-скаутов. Через десять минут я вышвырнул вон расчлененного «Фрэнка» и освободил Питу его законное место — так было удобнее нам обоим. Проехав несколько миль, я снова остановился, выгреб с пола записи и чертежи и отдал их на волю ветра. Шасси от инвалидного кресла я приберег до той поры, пока не поднялся в горы — там я спихнул его в ущелье: что-то загрохотало.

К трем часам я подъехал к мотелю, что стоял неподалеку от лагеря, и снял комнату. Пришлось переплатить — Пит не вовремя высунулся и мяукнул.

— Когда приходит утренняя почта из Лос-Анджелеса? — осведомился я у хозяина.

— Вертолет прилетит точно в семь тридцать.

— Чудесно. Разбудите меня в семь. Ладно?

— Мне вас жаль, мистер, если вы надеетесь доспать здесь до семи. Я ни разу не смог. А теперь

позвольте, я запишу вас.

К восьми часам мы с Питом позавтракали, я побрился и умылся. Потом я учинил Питу медосмотр и убедился, что из битвы он вышел невредимым, если не считать пары синяков.

Я выписался из мотеля и по частной дороге поехал к лагерю. Мне повезло — грузовичок с почтой только-только уехал оттуда.

Никогда в жизни я не видел столько девчонок сразу. Они веселились, как котята, а скаутская форма делала их совершенно одинаковыми. Всех их очень заинтересовал Пит, хотя большинство из них благоразумно поглядывали на него издали. Я направился к домику, на котором было написано: «ШТАБ». Там я встретил еще одну скаутку, но уже далеко не девчонку.

Ко мне она отнеслась с презрением: как еще прикажете относится к типу, который решил навестить маленьких девочек, которые только становятся девушками?

Я объяснил, что прихожусь дядей одной из девочек, что зовут меня Дэниель Б.Дэвис, и что я должен сообщить племяннице нечто важное, касающееся семейных дел. Она заявила, что к детям допускаются только родители, а все прочие — лишь в сопровождении родителей, да и то,

после четырех часов пополудни.

— Мне не обязательно видеть Фредерику, я должен лишь сообщить ей кое-что. Это очень важно.

— В таком случае, напишите все, что нужно, я передам ей, как только закончатся гимнастические игры.

Я расстроился (и попытался показать ей это).

— Нет, так не пойдет. Такое нельзя сообщить письмом.

— У вас в семье кто-то умер?

— Нет. Скажем так: семейные неприятности. Простите, мэм, мне не хотелось бы говорить об этом с посторонними. Это касается ее матери.

Она смягчилась, но не до конца. Тут в дискуссию вступил Пит. Я не хотел оставлять его в машине, зная, что Рикки непременно захочет увидеть его. Он не любитель лежать на руках и как раз в этот момент ему это надоело.

— Уарр? — сказал он.

— Ой, какой хороший. У меня дома тоже есть кошка и, похоже, тех же кровей.

— Это кот Фредерики, — торжественно объяснил я. — Мне пришлось таскать его с собой, потому что… ну, некуда девать. О нем некому позаботиться.

— Ох, бедненький! — и она почесала его под челюстью. Обычно Пит резко пресекает все поползновения незнакомых людей, но она, слава Богу, сделала все, как надо, и он разомлел до неприличия.

Наконец, блюстительница юных сердец велела мне подождать за столом, что стоял под деревьями, недалеко от штаба. Там можно было присматривать за мной, не нарушая приватности разговора. Я поблагодарил ее и стал ждать.

Я не заметил, как подошла Рикки.

— Дядя Дэнни! — услышал я. И тут же, стоило мне обернуться. — Ты и Пита привез! Как чудесно!

Пит мурлыкнул и перескочил к ней на руки. Она ловко поймала его, уложила, как он больше всего любил, и с полминуты они не обращали на меня внимания, исполняя тонкости кошачьего протокола. Потом она посмотрела на меня и совершенно спокойно сказала:

— Дядя Дэнни, я очень рада тебя видеть.

Я не стал целовать ее. Даже не прикоснулся к ней. Я с роду не любил тискать детей, да и Рикки с малых лет терпеть этого не могла. Наше своеобразное родство всегда держалось на принципах взаимного уважения личного достоинства.

Зато я пожирал ее глазами. Мускулистая, с торчащими коленками, еще не сформировавшаяся, она уже была не такой миленькой, как маленькие девчонки. Шорты, рубашка навыпуск, шелушащийся загар, царапины, синяки и необходимое количество грязи тоже не добавляли ей женских чар. Это был набросок женщины, но вся ее угловатость с лихвой окупалась огромными сияющими глазами и неистребимым очарованием эльфа-замарашки.

Она была восхитительна.

— И я рад, Рикки, — ответил я.

Пытаясь совладать с Питом одной рукой, она порылась в набитом кармане шорт и достала смятый конверт.

— Удивительно. Я только что получила письмо от тебя, даже не успела распечатать. Ты писал, что собираешься приехать?

— Нет, Рикки. Я писал, что должен уехать. Но потом решил, что непременно должен попрощаться с тобой лично.

Она расстроилась.

— Ты уезжаешь?

— Да. Я все тебе объясню, Рикки, хотя это займет много времени. Садись, я тебя обо всем расскажу.

Итак, мы сидели за столом под кронами дере-

вьев, а между нами, словно пресс-папье, лежал Пит. Передние лапы он положил на смятое письмо и щурил глаза, мурлыкая на басах, словно пчелы жужжали в клевере.

Оказывается, она уже знала, что Майлз женился на Белле — и слава Богу. Мне не хотелось бы первым сообщить ей об этом событии.

— Я знаю, — сказала она невыразительно. — Папа написал мне.

— Да, да.

Тут она взглянула на меня совсем не по-детски.

— Я больше не вернусь туда, Дэнни. Никогда не вернусь.

— Но… Послушай, Рикки-Тикки-Тави, я знаю, что ты должна чувствовать. Конечно, тебе нечего там делать… я бы с радостью взял тебя с собой, если бы мог. Но тебе придется вернуться. Он твой отец, и тебе только одиннадцать лет.

— Не придется. Он же не настоящий мой отец. Приедет бабушка и заберет меня с собой.

— Что? А когда она приедет?

— Завтра. Она живет в Браули. Я написала ей обо всем и попросилась жить у нее. Я больше не хочу жить с папой и этой… — В простое местоимение она вложила столько презрения, сколько иной взрослый не выжмет и из ругательства. —

Бабушка ответила, что если я не хочу жить там, то и не должна. Он никогда не удочерял меня, а мой «официальный опекун» — бабушка, — она серьезно посмотрела мне в глаза. — Они ведь не могут силой забрать меня, правда?

Нет слов, чтобы описать мое облегчение. Все это время я думал, как уберечь Рикки от подчинения Белле и ее вредного влияния на протяжении… пары лет. Мне казалось, что после смерти Майлза Рикки придется жить бок о бок с Белл.

— Если он не удочерял тебя, то все права на стороне бабушки, и вы можете делать все, что задумали. — Я нахмурился и пожевал губу. — Но вам могут помешать. Тебя могут не отпустить к ней.

— А кто мне помешает? Я просто сяду в машину, и мы уедем.

— Не все так просто, Рикки. Здешнее начальство должно соблюдать правила. Твой отец — Майлз. Я имею в виду, что именно Майлз привез тебя сюда. Они отдадут тебя только ему, и никому больше.

Она выпятила нижнюю губу.

— Я не хочу к ней. Я хочу к бабушке.

— Да. И я помогу тебе — расскажу, как это лучше сделать. На твоем месте я не стал бы никому говорить, что собираюсь уезжать из лагеря насо-

всем. Скажи, что едешь с бабушкой на прогулку, а потом — только тебя и видели.

Она повеселела.

— Верно!

— И не собирай чемодан, а то они догадаются. Оставайся в этой одежде, возьми с собой деньги и то, что в самом деле нельзя бросить, но чтобы все уложилось в карманы. Надеюсь, у тебя здесь немного такого, что жалко оставить.

— Немного, — согласилась она и тут же грустно добавила. — Только вот мой новый купальник…

Невозможно объяснить ребенку, что бывают случаи, когда нужно плюнуть на весь багаж. Дети бросятся в горящее здание — лишь бы спасти куклу или игрушечного слона.

— Ммм… Рикки, а что, если бабушка скажет, будто вы хотите искупаться в Эрроухед, а потом пообедать в гостинице и пообещает вернуться с тобой к отбою? Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но больше ничего. Сможет бабушка солгать ради тебя?

— Думаю, сможет. Да, конечно. Она говорит, что не будь невинной лжи, люди давно бы перегрызлись между собой. Но ложь, говорит она, нельзя употреблять во зло.

— Твоя бабушка — очень умная женщина. На-

деюсь, вы так и сделаете.

— Так и сделаем, Дэнни.

— Вот и хорошо, — я взял многострадальный конверт. — Рикки, я уже говорил тебе, что должен уехать. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет.

Ее глаза распахнулись шире всех человеческих пределов. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго», это значит — навсегда.

— Прости, Рикки, — добавил я. — Но это необходимо.

— Почему?

Я не мог ответить. Правда была невероятна, а ложь — недопустима.

— Это очень трудно объяснить, Рикки. Я должен, и никуда от этого не денешься, — и поколебавшись, добавил, — я ложусь в анабиоз. Гипотермия — ты ведь знаешь, что это такое.

Она знала. Дети вообще усваивают новые понятия быстрее, чем взрослые. К тому же, анабиоз был любимой темой комиксов.

— Но ведь я тебя никогда больше не увижу, Дэнни! — воскликнула она с ужасом.

— Увидишь. Это долгий срок, но я еще увижу

тебя. И Пит — тоже. Ведь Пит тоже ложится в анабиоз.

Она удрученно посмотрела на Пита.

— Дэнни… а почему бы тебе с Питом не поехать в Браули и не жить с нами? Так же будет лучше. Бабушка будет любить Пита. И тебя она тоже полюбит — она говорила, что в доме должен быть мужчина.

— Рикки… дорогая моя Рикки… я должен. Не мучай меня.

Она сердито глянула на меня, подбородок ее задрожал.

Я разорвал конверт.

— Я знаю, это все из-за нее!

— Что? Если ты говоришь о Белле, то она тут ни при чем. Совершенно ни при чем.

— Она не собирается в анабиоз вместе с тобой?

— Боже мой, конечно, нет! — меня даже передернуло. — Мы разошлись с ней на веки вечные.

Это мало успокоило Рикки.

— Я так обиделась на тебя из-за… этой. Ты ужасно меня обидел.

— Прости, Рикки. Мне, честное слово, очень жаль. Ты была права, а я — нет. Но она здесь не при чем. Я покончил с ней навсегда и вычеркнул ее из своего сердца. А теперь — смотри сюда, — я

достал сертификат моих акций в «Горничных, Инкорпорейтед». — Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил.

— Меня долго не будет, Рикки, и я хочу чтобы это было у тебя.

Тут я достал мое письмо с инструкциями, порвал его, а клочки засунул в карман. Нельзя было рисковать — Белл способна на любой подлог. Я прочел передаточную надпись на обороте сертификата, пытаясь сообразить, как сделать, чтобы в банке…

— Рикки, а как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Джентри? Но ты же сказала, что Майлз не удочерял тебя?

— Ой! Меня так давно зовут Рикки Джентри, что я совсем забыла. Ты имеешь в виду мою настоящую фамилию? Хайнке, как у бабушки… и моего настоящего отца. Но меня никто так не зовет.

— Теперь будут.

Я надписал: «Фредерике Вирджинии Хайнке». Затем добавил: «Выплатить по достижении ею двадцати одного года». Теперь я сообразил, что мое первое поручение в любом случае не имело

законной силы.

Тут я заметил, что наша церберша пристально поглядывает на нас, и взглянул на часы — мы разговаривали уже целый час.

Но нужно было заверить передаточную надпись.

— Мэм?

— Да?

— Скажите, пожалуйста, где я могу поблизости заверить документ? Есть здесь нотариус?

— Я — нотариус. Что вы хотите заверить?

— Господи! Чудесно! И печать с вами?

— Всегда со мной.

В ее присутствии я подписал передаточную надпись, а она, даже погрешив против совести, избрала расширенную форму свидетельства: «...и лично известный мне под именем Дэниель Б.Дэвис...» (Ведь Рикки достаточно ясно показала, что знает меня, да и Пит красноречивым молчанием подтвердил, что я — полноценный член кошачьего братства). Потом она поверх моей подписи поставила печать, подписалась сама, и я с облегчением вздохнул. Пусть теперь Белла попробует смошенничать!

Она удивленно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Ваша неоценимая помощь предотвратила трагедию, — торжественно объявил я.

— Сами знаете — интересы детей прежде всего!

Она отвергла гонорар и удалилась в домик.

Я вернулся к Рикки и сказал:

— Отдай это своей бабушке. Скажи, пусть она отнесет это в местное отделение Американского Национального банка. Там сделают все, что нужно, — и положил сертификат перед ней.

Она даже не дотронулась до него.

— Это связано с деньгами, да?

— Да. Пока это немного стоит, но со временем…

— Я не возьму.

— Но я хочу, чтобы это было у тебя, Рикки.

— Я не возьму. Не хочу, — голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы. — Ты уходишь навсегда… а меня бросаешь, — она всхлипнула. — Совсем, как тогда, когда ты был помолвлен с этой. Ты мог бы взять Пита и жить с бабушкой и со мной. Я не желаю твоих денег.

— Рикки, послушай меня. Уже поздно что-либо менять. Я ничего не могу сделать, даже если захочу. А этот сертификат — твой.

— А я не хочу с ним связываться, — она по-

гладила Пита. — Я даже не успела хорошенько приласкать Пита. И Пит меня бросает… У меня не будет даже Пита…

— Рикки. Рикки-Тикки-Тави, ты хочешь снова увидеть Пита… и меня?

— Конечно, — ответила она шепотом. — Но я не смогу.

— Сможешь.

— Да? Как? Ты же сказал, что ложишься в анабиоз на тридцать лет.

— Да. Я должен. А тебе я скажу, что надо сделать, чтобы мы встретились. Будь хорошей девочкой, слушай бабушку, ходи в школу — а деньги тем временем будут расти. Когда тебе исполнится двадцать один год, и если ты к тому времени не забудешь нас — ляг в анабиоз, денег на это у тебя хватит. Когда ты проснешься, мы будем ждать тебя. Мы с Питом обязательно дождемся. Торжественно обещаю.

Она немного успокоилась.

— А вы точно будете там? — спросила она после долго раздумья.

— Да. Мы даже можем договориться о точной дате. Если ты не раздумаешь, сделай точно, как я скажу. Обратись в страховую компанию «Космополитен» и распорядись, чтобы тебя положили в

Риверсайдский Санктуарий, что в Риверсайде… а еще — вели, чтобы тебя разбудили первого мая 2001 года. Я буду тебя дожидаться. Если ты захочешь, чтобы я был при твоем пробуждении — так и скажи им, если нет — я буду ждать тебя в вестибюле. Я знаю этот Санктуарий. Там тебе будет хорошо, — я достал еще один пакет, приготовленный в Денвере. — Тебе нет нужды запоминать все это: здесь все написано. Сохрани его до совершеннолетия, тогда и прочтешь. Но помни: что бы ты ни решила, мы с Питом все равно будем ждать тебя.

И я положил конверт поверх сертификата.

Мне казалось, что я смог убедить ее, но она и теперь не дотронулась до бумаг. Она лишь глянула на них, а затем тихо сказала:

— Дэнни…

— Что, Рикки?

Я едва слышал ее шепот.

— Если я сделаю все это… — проговорила она, глядя себе под ноги, — …ты женишься на мне?

Мне в голову ударила кровь, в глазах потемнело, но я ответил твердо и громко:

— Да, Рикки. Я только этого и хочу. Именно поэтому я и ложусь в анабиоз.

* * *

Я оставил ей еще один конверт, с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлза Джентри». Я не стал объяснять ей, что в нем, просто попросил сохранить. Там были сведения о похождениях Беллы. В руках адвокатов это обеспечит Рикки наследство Майлза, даже против его воли.

Потом я снял с пальца кольцо, полученное при выпуске из института (другого у меня не было) и отдал его Рикки. Так мы с ней обручились.

— Оно тебе великовато, но ты все равно храни его. Когда ты проснешься, я приготовлю тебе другое.

Она крепко зажала кольцо в своем кулаке.

— Не нужно мне никакого другого.

— Хорошо. А теперь — прощайся с Питом. Мне пора ехать. У меня больше нет ни минуты.

Она крепко обняла Пита, потом отдала его мне и твердо посмотрела мне в глаза. Две слезинки скатились по ее щекам, оставляя за собой чистые дорожки.

— Прощай, Дэнни.

— Не «прощай», Рикки, а до свидания. Мы будем ждать тебя.

* * *

В четверть десятого я вернулся к мотелю. Там я узнал, что рейсовый вертолет улетает через двадцать минут, живо отыскал торговца подержанными автомобилями и провернул рекордную по скорости сделку, спустив свою машину за полцены. Я умудрился контрабандой протащить Пита в вертолет (летчики недолюбливают котов) и в одиннадцать с минутами был уже в кабинете мистера Пауэлла.

Тот уже беспокоился, не передумал ли я, а потом вознамерился прочитать мне лекцию о том, как нехорошо терять документы.

— Это не по правилам. Что я скажу судье? Он может отказаться заверить контракт во второй раз.

Я достал наличные и помахал ими перед ним.

— Бросьте капать на мозги, уважаемый. Будете вы заниматься мною или нет? Если нет, так и скажите. Тогда я отнесу свои деньги в «Центральную». Я хочу заснуть именно сегодня.

Это подействовало, хотя он и продолжал ворчать. Он упомянул, что Компания не может гарантировать пробуждение в точно назначенный день.

— Обычно мы пишем в контракте: «Плюс-ми-

нус один месяц, на усмотрение администрации».

— Так не пойдет. Пишите — 27 апреля 2001 года. Я так хочу, и мне безразлично, кто это сделает — ваша Компания или «Центральная». Вы продаете, мистер Пауэлл, — я покупаю. Если вы не можете продать то, что мне нужно, я найду другое место.

Он переделал контракт, и мы подписались под ним.

Ровно в двенадцать я предстал перед врачом.

— Вы больше не пили? — спросил он.

— Трезв, как судья.

— Это не критерий. Посмотрим.

Осматривал он меня еще придирчивее, чем «вчера». Наконец, он отложил резиновый молоток и сказал:

— Удивительно. Вы же совершенно здоровы, не то что вчера. Просто невероятно.

— Бывает и хуже, док.

Я взял Пита на руки и гладил, пока ему делали успокаивающий укол. Потом я улегся на спину и позволил обработать себя. Честно говоря, я думал, что меня продержат день-другой, и был готов к этому. Главное — мне позарез нужно было вернуться в 2001 год.

Часам к четырем я счастливо заснул бок о бок с Питом.

12

На этот раз обошлось без кошмаров. Было только чувство неизбежного разочарования, а это не так уж и страшно. Во сне я шел и шел по бесконечным коридорам, толкаясь во все двери, уверенный, что одна из них — Дверь в Лето, и за нею меня ждет Рикки. А под ногами у меня путался Пит. У котов есть такая гадкая привычка, и свежему человеку трудно бороться с искушением дать пинка или просто наступить ногой.

Перед каждой новой дверью Пит проскакивал у меня меж ступней, первым заглядывал в дверь, видел все ту же картину и отскакивал назад, едва не сбивая меня с ног.

Но обоих нас не оставляла надежда, что следующая дверь обязательно окажется Дверью в Лето.

На этот раз я проснулся легко и просто и уже не пялился по сторонам. Доктор даже удивился: продрав глаза, я не задал вопроса, а сразу же потребовал завтрак и лос-анджелесскую «Таймс». Конечно я не стал объяснять, что мне не впервой выходить из анабиоза. Он бы все равно не поверил.

Оказалось, что с неделю назад на мое имя пришло письмо от Джона:

«Дорогой Дэн!

Все оказалось так, как ты и напророчил. Как тебе это удалось?

Прости, что не встретил тебя. Дженни очень хотела, но я с великим трудом объяснил ей, что по пробуждении ты будешь сильно занят. А пока она шлет тебе тысячу поцелуев и надеется, что ты вскоре покончишь с делами и двинешься к нам. У нас все хорошо, хотя я собираюсь отойти от дел. Дженни еще больше похорошела.

До встречи, друг мой.

Джон.

P.S. Если тебя не привязывают к койке, позвони, не стесняйся. Дела идут хорошо, по крайней мере, я так думаю».

Сперва я собрался, было, позвонить Джону, поздороваться и выложить очередную идею (во сне я придумал машину, которая превратит купание в ванне из тяжкой обязанности в утонченное удовольствие), но потом — раздумал, было другое, более срочное дело.

Я заново продумал, что буду делать, а потом

заснул с Питом под мышкой. Придется отучать его от этой вредной привычки. Это, конечно, приятно, но неудобно.

В понедельник, тридцатого апреля, я вышел из Санктуария и отправился в Риверсайд. Я еле протащил Пита в гостиницу — автоматических регистраторов невозможно подкупить — доусовершенствовались, называется! Правда, дежурный администратор оказался не так суров. Он внял моим доводам — хрустящим и имеющим хождение на всей территории США. В эту ночь мне не спалось, я был слишком возбужден.

В десять утра я предстал перед директором Риверсайдского Санктуария.

— Доктор Рэмси, меня зовут Дэниель Бун Дэвис. У вас есть клиентка по имени Фредерика Хайнке?

— Есть у вас какие-нибудь документы?

Я показал ему водительские права, выданные в Денвере тридцать лет назад и свидетельство из моего Санктуария. Он внимательно прочел бумаги и вернул их мне.

— Мне думается, ее должны разбудить сегодня, — сказал я взволнованно. — Можно мне присутствовать при этом? Я не имею в виду сам процесс, я говорю о той минуте, когда она откроет

глаза.

— Мы не собирались будить ее сегодня, — ответил он, пожевав губу.

— Как?! — у меня упало сердце.

— Да, не собирались. Она не хотела, чтобы ее разбудили именно сегодня. Она вообще не велела себя будить, пока не появитесь вы, — он улыбнулся. — Должно быть, у вас золотое сердце. По виду этого не скажешь.

— Спасибо, доктор, — выдохнул я.

— Подождите в вестибюле или пойдите погуляйте. Через пару часов мы позовем вас.

Я вышел в вестибюль, и мы пошли гулять. Я купил для Пита новый саквояж, но он ему не понравился — запах, наверное, не тот, что у старого. Видимо, поэтому прошлую ночь он проспал на подоконнике.

Мы зашли в «воистину чудесное местечко», но мне ничего в рот не полезло. Пит съел мою яичницу, и я обтер желток с его морды. В одиннадцать тридцать я вернулся в Санктуарий. Наконец, меня провели к Рикки.

Я видел только ее лицо. Остальное было закрыто покрывалом. Это была моя Рикки, но уже зрелая женщина. Она была словно изящный ангел.

— Она под гипнозом, — тихо сказал доктор Рэмси. — Становитесь сюда, и я разбужу ее. А вот кота лучше убрать отсюда.

— Ни в коем случае, доктор!

Он пожал плечами, повернулся к Рикки и произнес:

— Просыпайтесь, Фредерика. Просыпайтесь. Вы должны проснуться.

Ее веки задрожали, и она открыла глаза. Посмотрела по сторонам, увидела нас и сонно улыбнулась.

— Дэнни… и Пит…

Она протянула нам руку — на левом пальце у нее было мое кольцо.

Пит мяукнул, прыгнул ей на плечи, и они, в восторге от встречи, забыли обо всем.

* * *

Доктор Рамси хотел оставить Рикки в палате до завтра, но она не согласилась. Я подогнал джампер прямо к двери Санктуария, и мы понеслись в Браули. Бабушка Рикки умерла в 1980 году, других родственников у нее не было, но остались кое-какие вещи — в основном, книги. Я распорядился отправить их в «Аладдин» на имя Джона Саттона.

Перемены в облике родного города настолько поразили Рикки, что она ни на миг не выпускала мою руку. Она не страдала приступами ностальгии, просто хотела уехать из Браули как можно быстрее.

Джампером мы добрались до Юмы. Аккуратно, как никогда раньше, я вывел в книге записей гражданских актов окружного суда свое полное имя: «Дэниель Бун Дэвис», чтобы все видели — Д.Б.Дэвис подписал важнейший документ в своей жизни. Несколько минут спустя я держал Рикки за руку и повторял:

— Я, Дэниель, беру тебя, Фредерика… до той поры, пока смерть не разлучит нас.

Моим шафером был Пит. А свидетелей мы завербовали прямо в окружном суде.

* * *

Из Юмы мы направились на ранчо близ Таксона, сняли там домик на отшибе и объявили слуге, одному из «Работяг», что не желаем никого видеть. Пит выиграл титаническую битву с тамошним королем всех котов и кошек, и нам пришлось держать его при себе. Если не считать этого, никаких неприятностей не было. Итак, у меня была Рикки, а она получила мужа, наречен-

ного ей еще с детства.

Больше рассказывать почти не о чем. Рикки оказалась самым крупным держателем акций «Горничных», и я воспользовался этим, чтобы переместить Мак-Би на должность «заслуженного инженера-исследователя», а Чака — на пост главного инженера. Джон заправляет «Аладдином», но вскоре собирается на покой. Он выпустил привилегированный пакет акций и не стал распродавать его. Таким образом, мы с Саттонами можем контролировать корпорацию, не вникая в детали. И в «Горничных», и в «Аладдине» я отказался от места в правлении — они развиваются сами по себе и жестко конкурируют. Пусть себе — не напрасно же Дарвин придумал борьбу за выживание.

У меня теперь есть «исследовательская компания Дэвиса» — чертежное ателье, маленькая мастерская и старый механик. Он считает меня психом, но чудесным образом воплощает мои чертежи в металл и пластик. Когда у нас получается что-то путное, я продаю лицензию — и дело с концом.

Еще я вожусь с записями об открытии Твишелла. Я написал ему, сообщил, что опыт удался, что я вернулся с помощью анабиоза… и очень просил

прощения за свой розыгрыш. Я спрашивал, не желает ли он прочитать рукопись. Он не ответил: наверное, все еще злится на меня.

Но я все-таки напишу эту книгу, а когда закончу — разошлю во все библиотеки, даже если придется отпечатать ее на свои деньги. Я в долгу перед ним. Более того: именно ему я обязан тем, что у меня есть Рикки. И Пит. Книгу я назову «Невоспетый гений».

Дженни и Джон, по-моему, совсем не состарились. Этим они обязаны успехам геронтологии, свежему воздуху, солнцу, гимнастике и нерушимому оптимизму. Дженни еще больше похорошела в свои шестьдесят три! Джон до сих пор думает, что я «просто предвидел» все это и не желает верить очевидному. Что с ним поделаешь?! Я попытался объяснить все это Рикки еще во время нашего медового месяца. Я рассказал о лаборатории близ Боулдера, о том, что был с нею в скаутском лагере и одновременно лежал, накачанный наркотиками, в долине Сан-Фернандо.

Она посмотрела на меня, словно я сошел с ума.

Тогда я сказал:

— Давай поставим мысленный эксперимент. Здесь все логически и математически обосновано. Берем морскую свинку — белую, с коричневыми

пятнами. Сажаем ее на темпоральную платформу и перемещаем на неделю назад. Но неделю назад мы уже нашли ее на платформе, и с тех пор она сидит у нас в клетке. Таким образом, у нас две морские свинки… хотя на самом деле это один и тот же зверек, только один из них — на неделю старше. Мы берем одного из них, посылаем на неделю и…

— Подожди минутку! Которого?

— Которого? Но он же один. Мы берем того, который моложе, конечно, потому что…

— Ты сказал, что у нас одна морская свинка. Потом ты сказал, что их две. Потом, что две и есть одна. Ты хочешь взять одну из них, хотя они и есть одна…

— Вот это я и пытаюсь объяснить — как две свинки могут быть одной. Если ты возьмешь ту, которая младше…

— А как ты думаешь, которая из них младше, если они выглядят совершенно одинаково?

— Ну, у той, которую мы посылаем на неделю назад, можно отрезать хвостик. И тогда она вернется…

— О, Дэнни, как это жестоко! И к тому же у морских свинок нет хвостов! — выдвинула она решающий довод.

Больше я не пытался объяснить ей все это.

Рикки просто не придавала этому большого значения. Увидев, как я поник, она тихо сказала:

— Иди ко мне, милый, — она взъерошила мне волосы и чмокнула меня. — Мне нужен один ты. С двумя бы я не справилась. Скажи мне вот что — тебе понравилось, какой я стала?

И я зарекся просвещать Рикки, кто я такой.

Но некоторых вещей я так и не могу объяснить даже самому себе. Словно я сидел на карусели, считал обороты и сбился со счета. Почему я не видел сообщения о моем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, в апреле 2001 года, а не первое в апреле 2000. Я же тогда подробно просматривал этот раздел. Меня разбудили (во второй раз) 27 апреля 2001 года, в пятницу, значит, сообщение об этом должно было быть в «Таймсе» на следующее утро. Но я не видел его.

Рассуждая логически, можно представить себе Вселенную, где нет Европейского континента. Неужели и впрямь существуют параллельные потоки времени или альтернативные Вселенные? Неужели я попал в другую Вселенную, когда вмешался в структуру мироздания? И нашел там Рикки и Пита? Может быть, где-то (или когда-то) есть такая вселенная, в которой Пит воет, брошен-

ный на произвол судьбы? Или такая, в которой Рикки не попала к бабушке, а вынуждена была терпеть мстительную ярость Беллы?

Но одна строчка мелким шрифтом ничего не доказывает. Той ночью я почти не спал, и мне вполне могло просто показаться, что я просмотрел все газеты. Я всегда был рассеян, особенно когда думаю о работе.

А что я стал бы делать, если бы увидел свое имя? Встретил бы самого себя и сошел с ума? Нет, ведь если бы я увидел свое имя, я не сделал бы того, что сделал потом. «Потом» — с моей точки зрения — и это имя просто не могло появиться в печати. Не оказалось бы причин, которые привели бы к этому. Здесь налицо была обратная отрицательная связь с «охранной цепью» — само существование этой строки было обусловлено тем, что я ее не увижу. Сама возможность того, что я прочту свое имя, исключалось «невозможностями», заложенными в основе цикла.

«Есть божество, что лепит нашу волю; желанья наши — плод его трудов».[15] В одном изречении утверждается и предопределение, и свобода воли. Есть только один настоящий мир, с одним про-

---

[15] Примечания: 15

Есть божество, что... — Шекспир. «Тит Андроник».

шлым и одним будущим. «Каким был вначале, таков есть и таким пребудет мир бесконечный, аминь». Только один… но такой большой и славный, что в нем хватает места и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего прочего, причем все это опутано связями — прямыми и обратными, есть даже «охранные цепи». В рамках его законов нам позволяется все, что угодно… Но потом все возвращается на круги своя.

Я не единственный, кто путешествовал во времени. И Форт, и Амброз Бирс[16] описали множество таких случаев, правда, относя их к области необъяснимого. Еще стоит вспомнить двух дам из парков Тринажена. Я подозреваю, что старый док Твишелл нажимал свою кнопку гораздо чаще, чем признается… при этом ничего не объясняя тем, кого посылал в прошлое или в будущее. Сомневаюсь, что это когда-нибудь всплывет. В моем случае об этом знали всего три человека, и двое из них не поверили мне. Не так уж много может быть путешественников во времени. Как говорил Форт, железные дороги появились только тогда, когда пришло их время.

Но у меня не выходит из головы Леонардо

---

[16] Примечания: 16

Амброз Бирс — американский писатель девятнадцатого века, много работал в жанре «фэнтези», неоднократно издавался на русском языке.

Винсент. Неужели он стал Леонардо да Винчи? Неужели прошел через весь континент и встретил Колумба? В энциклопедии описана его жизнь — но ведь свою биографию он писал сам и мог написать все, что ему было угодно. Я-то знаю, как это бывает. Сам делал нечто подобное. В Италии пятнадцатого века не знали ни личных номеров, ни идентификационных карточек, ни дактилоскопии — тогда все было проще.

Представьте себе его, оторванного от всего привычного: он знает, что возможны полеты в воздухе, электричество, еще миллион всяких вещей — и пытается изобразить все это хотя бы в принципе, в рисунках. И представьте себе его тоску по своему времени — ведь ему ведомо, что пройдут столетия, прежде чем люди сумеют сделать все это. Прежде чем у них появятся возможности для этого.

Танталу было все-таки намного легче.

А еще я думал о том, как сделать путешествия во времени коммерчески выгодными, если, конечно, их когда-нибудь рассекретят. Можно совершать лишь короткие прыжки во времени, можно досконально разработать методику возвращения назад, усовершенствовать саму машину времени. Но однажды можно перескочить

через все эти рамки и оказаться в таком времени, где и слыхом не слыхивали ни о каких темпоральных перемещениях. И еще. Представьте себе, что вы собрались в двадцать пятый век, а вместо этого попали ко двору короля Генриха Восьмого, совершенно не зная ни обычаев, ни нравов того времени. Право, лучше оказаться в лошадиной шкуре. Вот эта неопределенность и есть главное препятствие.

Пока не удастся избавиться от всех этих пороков, нечего и думать ни о каком коммерческом использовании перемещений во времени.

Не стоит обращать внимания на «парадоксы» и всяческие «анахронизмы» — где-нибудь в тридцатом веке машину времени, может быть, уже довели до полного совершенства и вовсю ею пользуются. Так оно и будет. Это предопределено планами Создателя.

Господь дал нам глаза, мозг и две руки. Все, что мы делаем с их помощью, просто не может быть парадоксом. Ему нет нужды следить за соблюдением всех законов. Они великолепно сами управляют собой. Чудес не бывает, слово «анахронизм» во веки веков так и останется просто словом.

Честно говоря, вся эта заумная философия тро-

гает меня не больше, чем Пита.

Каким бы ни был этот мир, он все равно мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето и ни за что на свете не соглашусь ни на какое путешествие во времени — боюсь попасть не туда. Пусть мои дети попробуют, если захотят. Я бы посоветовал отправиться вперед, а не назад. Путешествие во времени «назад» — это что-то вроде запасного выхода. Будущее всегда лучше прошлого.

Назло всем нытикам, романтикам и мракобесам, наш мир развивается, ибо человеческий разум делает его все лучше и лучше… С помощью рук… с помощью инструментов… с помощью здравого смысла, науки и расчета.

А тех умников, которые не могут и гвоздь вбить без логарифмической линейки, следовало бы направлять к доктору Твишеллу — пусть он отошлет их в двенадцатый век — там их многому научат.

А мне и здесь нравится. Вот только Пит стареет, бедняга, он уже сторонится схваток с молодыми соплеменниками и скоро, наверное, заснет навсегда. Всем сердцем надеюсь, что его маленькая верная душа отыщет Дверь в Лето и попадет туда, где всем котам хватает места, где роботы ничего не имеют против кошек, а люди ласковы, и никто

не пинается.

Рикки заметно пополнела, правда, ненадолго, и мы счастливы. От этого она стала еще красивее. Она все такая же непоседа, я беспокоюсь за нее и конструирую разные приспособления ей в помощь. Оказывается, быть женщиной очень неудобно; кто-то должен им помочь — вот я и пытаюсь сделать это в меру сил. Так, например, узнав, что основная нагрузка у беременных приходится на поясницу, я сконструировал гидравлическую кровать и собираюсь взять патент на нее. Осталось только сделать так, чтобы в нее было удобно ложиться. Ну, это не так уж трудно.

Для старины Пита я построил «кошачью уборную» — полностью автоматизированную, гигиеническую и без запахов. Но Пит, как подобает настоящему коту, предпочитает, чтобы его выпускали на улицу. Мне снова приходится открывать все двери — Пит уверен, что одна из них непременно окажется Дверью в Лето.

И знаете, я думаю, он прав.